

*Александр
ФИЛАТОВ*

ТАЙНА АКАДЕМИКА ФЁДОРОВА

Калининград - 2006

Александр Филатов

**ТАЙНА АКАДЕМИКА
Фёдорова**

Калининград - 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем предложить вниманию читателя данную повесть, автору хотелось бы сделать несколько замечаний, имеющих существенное значение.

Во-первых, все события и персонажи являются плодом творческой фантазии автора и не имеют совершенно никакого отношения к ныне живущим или когда-то жившим лицам, а возможные совпадения имён или обстоятельств – случайность. Чтобы подтвердить этот факт и одновременно пояснить, что целью автора ни в коем случае не было введение читателя в заблуждение, скажем следующее: в описываемый период – в конце 1982 года – руководителем ПГУ КГБ СССР был Владимир Александрович Крючков, а встреча главного героя с начальником разведки при описанных в повести обстоятельствах *никак не могла* состояться, потому что ещё в семидесятые годы разведывательное ведомство страны было переведено в Ясенево, подальше от страстных наблюдателей США – этого главного врага русского народа и русской государственности.

Одновременно необходимо предупредить читателя, что автор умышленно (в целях придания видимости правдоподобия фантазиям) наделяет некоторых действующих лиц своей повести именами (фамилиями) реальных общественных и политических деятелей. Однако при этом приписывает этим действующим лицам такие свойства характера и образа мышления, которые не имеют ничего общего с реальностью.

Автор прибегает к данному приёму ещё для того, чтобы показать, какие последствия (социальные и политические) могли бы наступить, обладай реальные общественные и политические деятели теми отрицательными чертами, которыми они в названных целях

наделены. При этом, вне всякого сомнения, реальные деятели, чьи имена в фантастическом преломлении использованы в книге, безусловно являются в жизни людьми весьма достойными, имеющими соответствующие ум и моральные качества и вполне определённую патриотическую настроенность. Однако хочется верить, что названный приём заставит читателей задуматься над тем, насколько всё же велика роль личности (и её качеств!) в истории и как тяжела ответственность реальных общественных и политических деятелей.

Во-вторых, автор, не будучи литератором, ни в коей мере не претендует на то, чтобы считать свою повесть высокохудожественным произведением, хотя в какой-то степени и владеет пером, имея несколько сот публикаций. Однако все они являются либо монографиями, либо научными статьями, либо статьями общественно-политическими, либо сценариями телевизионных передач. К тому же, все общественно-публицистические вещи были изданы ещё при советской власти. Теперь, в условиях официального отсутствия цензуры и провозглашённой свободы слова, автор почему-то оказался лишён даже намёка на возможность высказаться в печати. При написании данной книги ставились не литературно-художественные, а совсем иные цели и задачи. Так что предлагаемое вниманию читателя произведение надлежит отнести к редкому жанру беллетризованной публицистики.

В третьих, конечно же, кое-что из сказанного здесь (как в этом предисловии, так и в самой повести) оттолкнёт несколько категорий людей. Не пытаюсь их судить, тем более – осуждать, автор всё-таки выскажется по поводу ещё нескольких вещей. Прежде всего, людям не пристало быть баранами, которые беспрекословно следуют за козлом, ведущим их на убой. Равно как и негоже превращаться в машины для ускоренного расхищения и уничтожения

природы и переработки продуктов в... удобрения. Ещё в древнем Риме понимали: „*edimus ut vivamus, non vivamus ut edimus!*“. Понимали, но не все: стадо требовало „хлеба и зрелищ!“. Именно потребительство, гедонизм явились той социально-психологической первопричиной, которая погубила Римскую Империю.

В-четвёртых, автору особенно хотелось бы довести до внимания и понимания читателя ещё и следующие обстоятельства:

- если первобытный человек, существовавший в условиях жесточайшей борьбы за выживание, тратил на неё *почти все* свои силы и *почти всё* своё время, а в результате по своему образу жизни мало чем отличался от диких животных, не наделённых разумом, то последующее развитие производительных сил вело к высвобождению, прежде всего, *времени*, досуга, а также и к изменению способов воздействия человека на окружающий мир;
- как показали результаты исследований, проведённых системными аналитиками советских спецслужб, при уровне развития производительных сил, существовавших в середине 80-х годов двадцатого века в СССР, ФРГ, США и некоторых других развитых странах, для обеспечения физического выживания и простого воспроизводства народонаселения было бы достаточно иметь рабочий день продолжительностью в 4 часа;
- люди, которым больше сорока, наверняка помнят, что в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов *организация досуга* (особенно – молодёжи) из рядового социального вопроса переросла в серьёзную проблему организации жизни общества;
- в условиях нынешнего общественно-политического режима, установленного на территории России, люди *искусственно* вновь поставлены в условия борьбы за выживание; досуга у них теперь практически нет;

- последнее не представляет собой чего-то принципиально нового: так поступали и хозяева жизни в „России, которую мы потеряли“, удлинняя официальный рабочий день нередко до 16 часов в сутки (безо всяких там выходных или оплачиваемых ежегодных отпусков), так поступала и католическая церковь во времена средневековья... и не только названные здесь силы; главным было *лишить людей возможности осмыслить мир*, суть и образ своего существования в этом мире, – ведь иначе перед властителями с неизбежностью вставал вопрос о нейтрализации тех сил, которые не только хотели, но и *могли изменить* устройство общества;
- во всяком случае, – надеемся, что читателю это понятно, – развивая производительные силы и виды своего взаимодействия с окружающим миром, увеличивая досуг (то есть свободное время, которое можно использовать *не на добычу* средств к существованию), человек делал это вовсе не для того, чтобы поскорее истощить природные ресурсы, загрязнить окружающую среду, а на досуге предаваться воздействию наркотиков и вступать в беспорядочные половые связи. О подлинном смысле существования homo sapiens автор здесь умолчит.

Надеемся также, что после сказанного выше читателю станет вполне очевидным: господствующие ныне в мире силы являются не силами жизни и прогресса, но силами смерти, разрушения и реакции. Эти тайные силы не только *готовы на всё*, но и используют *всё*! Случайно ли, например, что Ватикан замешан в торговле наркотиками? (Только не надо думать, будто такого рода деятельность католической церкви связана лишь с именем покойного Кароля Войтылы – Иоанна-Павла II; ещё Марио Пьюзо в своём знаменитом романе о мафии поведал о такого рода деятельности представителей Ватикана, как о чём-то само собой разумеющемся!).

Впрочем, вопрос о том, каким силам служит якобы христианская католическая церковь, является совершенно особым. Ведь отнюдь не нейтральны изменения, внесённые в Библию по инициативе Иоанна-Павла II, в частности, изъятие и „исправление“ той части текста, где было сказано, что Иисуса убили *евреи*. Что же касается лютеранства, то оно изначально служило золотому тельцу: чего стоит одно лишь изъятие ветхозаветной истины о том, что верблюду легче пройти через игольное ушко, нежели богатому попасть в царство небесное! А кальвинистское представление о том, будто бы Иисус пошёл на крест не во спасение *всех* людей, а лишь *для избранных*! А усилившиеся атаки на православие и планы подчинить православную церковь Ватикану! А психологическая война против мусульманства! Ведь даже само понятие *мусульманин* в интересах манипуляции сознанием обывателя и борьбы с этой религией заменено искусственным термином *исламист*, в который умышленно вкладывается отрицательный смысл. Между прочим, мусульмане признают и чтят Иисуса Распятого (так переводится слово *christus*), проповедуют высокую мораль, не допускающую ни наркотиков, ни прелюбодеяния. Думается, вполне понятно, *кому* это может мешать.

Манипуляция сознанием людских масс, погружение их в мир иллюзий, создаваемых тайными властителями мира целенаправленно и глобально, является неотъемлемой составной частью мировой системы, к созданию которой стремятся упомянутые здесь намёком реакционные силы. Без лишения людей досуга, без отвлечения их от дел, вопросов и проблем *реального* бытия, без навязывания людям *ложных* представлений, *ложных* „знаний“, *ложных* целей, порочное, направленное против Жизни мироустройство очень быстро рухнет. Основанное на безжалостной и всепоглощающей эксплуатации не только природы, но и абсолютного большинства людей в интересах кучки выродков, мнящих себя не просто даже высшей расой людей,

но *единственными людьми*, – такое мироустройство не может существовать без консервации „исторически сложившихся“ порядков и манипуляции сознанием.

Вероятно, не лишним будет напомнить читателю, что упомянутые тёмные силы тормозят технический и интеллектуальный прогресс не только посредством манипуляции сознанием людей (вернее – целых народов, желательно – *всех* людей на Земле). Они последовательно не допускают ввод кардинально новых технологий, принципиально новых источников энергии. Делается это не только и не столько с помощью Болонской программы (ставящей крест на самой возможности глубокого и разностороннего образования для широких масс трудящихся, что в зародыше убивает будущих Лобачевских, Пуанкаре, Поповых и Эдисонов), но и прямым террором. Так, в конце восьмидесятых годов (или в 1990 году) был убит изобретатель из ФРГ, разработавший экологически чистый, экономически выгодный способ производства бензина из отработавших свой срок автомобильных шин. Это лишь один пример, при том – ничтожный. Главным и эффективным средством всё же является оболванивание людей посредством создания у них иллюзорных (в корне неверных) представлений о мире и манипуляции сознанием на этом фоне. „Рыночная экономика“ иначе существовать не может!

Уже само понятие, поставленное нами в кавычки, является манипулятивным. Согласно словарю В.И. Даля, рынок – площадь для *торговли* съестными и другими припасами на воле; торг, торжище, базар; рыночный – имеющий отношение к такой торговле на воле (то есть, открытом воздухе). Приводит Владимир Иванович и русские пословицы: „на рынке ума не купишь“; „за ответом не в рынок идти“. Применение в *новорусском* языке понятия „рыночный“ призвано, во-первых, заменить однозначно отрицательные для большинства советских граждан

термины „капиталистический“, „эксплуататорский“, „нацеленный на получение барыша“, а, во-вторых, замаскировать социально-политическую и экономическую контрреволюцию – замену общественного способа производства, основанного на *экономике, хрематистическим* (то есть, имеющим целью не *обеспечение потребностей отдельных людей и всего общества в целом*, а извлечение прибыли *в интересах немногих людей* за счёт других людей и общества в целом).

Сказанное в скобках о двух способах ведения хозяйства – экономике и хрематистике – не нуждается в доказательствах, достаточно сказать, что за период с 2000 по 2004 год число миллиардеров в Эрэфии увеличилось *вдвое*. К сожалению, для многих (слишком многих!) читателей перестали быть понятными очевидные вещи. Например, порочность так называемого гражданского общества (общества, состоящего из людей-атомов) в сравнении с традиционным (то есть, обществом солидарным). Немудрено! Ведь высококвалифицированные манипуляторы пришли в издревле традиционное русское общество, в котором манипуляция сознанием людей была ранее неизвестна. Столь же непонятным, требующим пояснения стало понятие прибавочного продукта. Это тоже не удивительно: лишь немногие, очень немногие знают, что в сравнении с советскими временами производительность труда в „рыночной“ Эрэфии в среднем упала вдвое (в нефтегазовой добывающей промышленности – вчетверо), но при этом русский рабочий производит на одну денежную единицу *втрое* больше продукции, чем американский. Такова степень эксплуатации труда русских рабочих новыми *нерусскими*! И совсем уже малоизвестным, замалчиваемым является то обстоятельство, что в странах „золотого миллиарда“ интенсивно идёт деиндустриализация, что основные виды производительной деятельности человека, целые отрасли промышленности благодаря целенаправленной

политике „свободы перемещения капиталов“ вывезены в тёплые страны Юго-Восточной Азии. Долго ли может сохраняться такое положение, когда одни производят, а другие потребляют созданное?!

Хотелось бы также объяснить читателю, что автор вовсе не относится к числу тех, кого можно (и должно) отнести к идеализаторам советского прошлого. Напротив, у него в своё время возникали некоторые жизненные сложности в связи с высказываемой им критикой по поводу как проводившегося экономического курса, так и идеологии. Да, автор считался инакомыслящим, как считается и теперь (самое интересное состоит в том, что он при этом не изменил своих убеждений; напротив, события последних полутора десятилетий лишь подтвердили его взгляды).

И возникла мысль: „А что, если бы русофобская “интернационалистическая” идеология послесталинского СССР была заменена национально-патриотической? Если бы до всех советских людей систематически, объективно и доходчиво доводили *все* планы и мероприятия холодной войны, ведущейся США против СССР? Если бы меморандум А. Даллеса 1945 года, как и фултонская речь Черчилля 1946 года были своевременно опубликованы? Что, если бы при этом вместо хозяйственных функций КПСС занялась только кадровой политикой и идеологией как это, кстати, после XIX партсъезда ВКП (б) – КПСС попытался сделать И.В. Сталин, за что и был убит. Что, если бы вместо преступной ползучей капитуляции перед Западом под видом “политики разрядки” проводились активные мероприятия противостояния и противодействия США в психологической войне? Что, если бы вместо “потомка Моисея” Горбачёва (одного из его предков действительно звали Моисеем) генсеком стал безвинно опороченный ленинградец Романов, а ещё лучше – подло убитый бывший белорусский партизан и руководитель КП Белоруссии Машеров? Что, если бы

вместо “сотрудничества с США” в сфере реакторов чернобыльского типа (во что США вбухали более 4 миллиардов тогдашних долларов, но не построили *у себя ни одного* реактора такого типа!) СССР занялся внедрением идей русских изобретателей в сфере энергодобычи?” И т.д., и т.п.

Так вот и родилась идея этой ненаучно-фантастической повести. Понятно, что история не знает сослагательного наклонения, но... ведь всё было так близко, так ощутимо. По прогнозам спецслужб тех же США, к концу восьмидесятых годов и экономика, и политическая система США должны были рухнуть. Но, прибегнув к несбыточному блефу, *озвученной* Рейганом заведомо неосуществимой идеи „звёздных войн“, наши враги сумели втянуть частично трусливое, частично впадшее в маразм советское политическое руководство, возглавляемое подлецом и предателем, в гонку вооружений и в „новое мышление“, с передачей в 1986 году (в Рейкьявике) СССР под опеку США (о чём Горбачёв сам признался в интервью правой французской газете „Фигаро“ семь лет спустя).

Вот что автор считал нужным довести до внимания читателя прежде, чем погрузить его в мир несбывшейся фантазии. В заключение хотелось бы выразить искреннюю признательность моему старшему товарищу Анатолию Алексеевичу Лунину, с которым автор свои планы и мысли неоднократно обсуждал и который стал редактором повествования, предлагаемого читателю.

ПРОЛОГ.

Секретарь Светлогорского горкома КПСС Пётр Николаевич Олялин сегодня выехал из дому гораздо раньше обычного. Ещё не было семи часов, как он вышел из квартиры и подошёл к своей „Пчеле“, стоявшей во дворе. Было свежо, но не морозно, как этого можно было ожидать. Весь год оказался необычайно холодным, но вот пару недель назад, в конце октября, природа взяла своё, стало значительно теплее. Пётр Николаевич взглянул на небо. Рассвет только-только занимался, но было видно, как клочья туч, разорванных свежим ветром, волокно почти над самой крышей его пятиэтажки. Уже третью осень встречал Пётр Николаевич в Кёнигсберге, но всё ещё никак не мог привыкнуть ни к местному климату, ни к низкому полёту туч. В родной Липецкой области и небо, и природа, и погода были совсем другими. Но после успешной защиты докторской диссертации по социальной психологии в феврале 2015 года его документы отправили в конкурсную комиссию, где он совершенно неожиданно для себя получил самый высокий балл и был направлен для работы в Кёнигсберг, а этой весной оказался избранным на свою нынешнюю должность.

Ещё раз взглянув на небо, он решил, что синоптикам верить всё же не стоит – дождя сегодня, пожалуй, не будет. Окна его дома загорались одно за другим: люди собирались на работу в эту последнюю предпраздничную пятницу. Зажёгся свет и в кухне его квартиры. „Вот непоседа“, – подумал о жене Пётр Николаевич, – ведь болеет, а опять поднялась ни свет ни заря.

Открыв водительскую дверцу, Пётр Николаевич быстро уселся на сиденье и нажал кнопку главного реле аккумулятора. Включив свет, он дотронулся до педали „газа“ и с лёгким жужжанием передних электродвигателей выехал

со двора. Движение в городе ещё только начиналось, и через пару минут он уже подъезжал к окружной дороге. Выехав на неё, он задал автомату поддержания скорости разрешённый максимум – 120 километров в час и, поуютнее устроившись на сиденье, отдался своим мыслям. А забот было много – через четыре дня праздник. А ведь хотелось, чтобы их городская программа оказалась лучшей во всей области. Поэтому многое ещё надо было проконтролировать и организовать. А тут ещё в понедельник, шестого, на трансатлантическом советском грузовом экраноплане прибывала официальная делегация компартии США, которая, как это Петру Николаевичу стало недавно известно, хотела добиться от него – ни много, ни мало – финансовой помощи для нефтяников Техаса.

Нагловатым и не слишком-то сведущим американцам невозможно было объяснить, что КПСС никакого отношения к решению экономических и финансовых вопросов не имеет и не вправе иметь, что это орган идеологический, что главная задача партии в СССР – это забота о моральном здоровье людей и всего советского общества. Ну, конечно, немаловажной является и функция Суда Справедливости, разрешающего большинство гражданских дел (понятно, – кроме имущественных). Но эту функцию америкашкам, не имеющим понятия о том, что такое солидарное традиционное общество, лучше вообще не упоминать. К тому же, в их наречии (как, впрочем, и в большинстве европейских языков) *нет* понятия „справедливость“, есть лишь „правосудие“. Наконец, у самих-то американцев партийная система иная – несколько похожая на ту, что была в СССР до воплощения в жизнь решений 19-го и 27-го съездов КПСС около 30 лет назад. В США компартия представляла собой орган контроля и руководства государственным аппаратом. Она выполняла важную роль мобилизационного объединения общества. Впрочем, иначе, пожалуй, и быть не могло после тяжелейшей

экономической катастрофы девяностых годов прошлого века, когда рухнула финансовая пирамида ничем не обеспеченного американского доллара. В то время страны, исполнявшие роль доноров для грабительской экономической системы США, выходили из их зоны влияния одна за другой. От развязывания большой войны мир спасла тогда лишь военная мощь Советского Союза и публикация им во всём мире сверхсекретных планов не только США, но и тех сил мировой закулисы, которые претендовали на роль Мирового Правительства.

Распаду системы „глобализма“ в немалой степени способствовало и то, что к началу девяностых СССР взял на себя роль лидера в духовном развитии человечества. Нет, речь здесь не о том, что около 50% результатов фундаментальных исследований и более трети – в прикладных науках исходили из СССР, а в том, что именно наша страна предложила новые тогда (общепризнанные теперь) духовные идеалы развития человечества. Тупиковость и варварство потребительской ориентации развития, обусловленные "рыночной системой", стали в то время очевидны для многих. Движение "зелёных" и экологов было одним из наиболее активных и действенных союзников в распространении идей, исходивших из СССР. Второй силой были страны Латинской Америки, неофициальным, но несомненным лидером которых стал человек-легенда Фидель Кастро. Наконец, третьими, кто, хотя и не сразу, зато потом последовательно и действительно, поддерживал Советский Союз, стали мусульманские страны.

Выяснилось, что предложенная СССР новая идеология духовного развития человечества и справедливого мироустройства очень близка мусульманам. Исламские лидеры пошли на компромисс и поддержали тех европейцев и южноамериканцев, кто пропагандировал отказ от потребительства, запрет алкоголя и супружеской неверности.

Исламский фундаментализм как-то быстро, в течение всего лишь нескольких лет после краха старых США, исчез, будучи прежде искусственно поддерживаемым и культивируемым этой империей насилия и зла. Израиль, хотя и сохранил своё название, стал новым палестинским государством, потеряв своего финансового и фактического заокеанского партнёра. После краха прежних США дышать на Земле стало легче ещё и физически: доля загрязнения биосферы этой страной сократилась в процентном отношении более чем втрое. Но так как за последние пятнадцать-двадцать лет повсюду стали внедряться новые энергосберегающие технологии, а расточительство этой страны прекратилось вместе с её экономическим и финансовым крахом, то количество вредных атмосферных выбросов и вообще отходов сократилось почти вдесятеро. Конечно же, это не стало бы возможным без краха "транснациональных" американских монополий, физически уничтожавших изобретателей и "прятавших под сукно" их новаторские идеи.

Бесспорным было и то, что немалую роль в информационной и психологической подготовке этих изменений сыграли переведённые на все языки труды выдающегося философа современности С. Г. Кара-Мурзы, этого Канта политологии и социологии. А коллективные труды Института Теории Социализма и Коммунизма ЦК КПСС завершили идейный разгром еврокоммунизма и евроцентризма, социал-дарвинизма и экономизма, наглядно показав, что каждая из культур найдёт свой неповторимый путь к построению общества справедливости, к духовному развитию человека. Людям были даны новые – духовные, а не потребительские ориентиры развития – в единстве с природой, а не в противостоянии ей.

США – этот оплот новых кочевников, тогда раскололись на несколько "суверенных" государств. Уже готова была начаться между ними кровопролитная

гражданская война. Но СССР через Совет Безопасности ООН сумел добиться предотвращения этого, восстановив единство страны, хотя и в виде рыхлой конфедерации. Обесценившиеся уже было в миллион раз доллары, поднялись в цене более чем в сто раз (до одной десятитысячной их бывшей стоимости), а введение карточной системы предотвратило голод и массовую нищету. При поддержке СССР, ГДР и Франции – экономически самых могущественных стран мира, строились предприятия, позволявшие поддерживать жизнеобеспечение населения США в новых условиях. Ведь теперь этой стране не приходилось рассчитывать на дешёвый труд новых промышленных стран Азии, нужно было заниматься самообеспечением, отказаться от неестественной роли всемирного управляющего. С наркодельцами и организованной преступностью удалось покончить в два года. Но всё равно, воспитанные на идеалах потребительства, скверно образованные американцы, многие десятилетия впитывавшие с телевизионного экрана склонность к насилию, роскоши и половой распущенности, оставались неспособными воспринять идеи творческого, духовного предназначения человека на Земле. Они всё ещё воспринимали своё теперешнее скромное экономическое положение как нечто временное, видели в нём не итог безумия своих политиков, а результат происков внешних врагов. Неважно, что этими врагами был весь внешний мир, отказавшийся экономически содержать Америку!

Хотя аббревиатура США и расшифровывалась теперь как Социалистические Штаты Америки, по мнению Олялина, социализмом там пока что даже и не пахло. Название являлось лишь ориентиром развития и орудием приостановки всемирной ненависти к бывшей империи зла. Ясно, что в таких условиях компартия США не могла не стать органом тоталитарного контроля и управления. Конечно, явление это временное, но пока что было именно

так. Однако имелась ещё одна трудность в общении с американцами – почти никто из них не владел иностранными языками, а объясняться на деликатные темы через переводчика... Сам-то Пётр Николаевич читал Сименона в подлинниках и свободно изъяснялся по-немецки, а английского не знал и знать не хотел: с детства невзлюбил английское наречие, – в те времена, когда о близком крахе США никто даже не подозревал, но постепенно – закономерно и неуклонно – во всём мире нарастала ненависть к политике и практике этого очередного претендента на мировое господство.

За этими мыслями Пётр Николаевич незаметно доехал до Романовской развязки и свернул с автостреды на сельскую дорогу. Здесь путь в Светлогорск проходил почти по самому берегу. Сбавив скорость до шестидесяти, Пётр Николаевич заметил моргающий красный сигнал на щитке приборов. Это загорелся сигнал разряда ходового аккумулятора. Беда с этими немецкими батареями – ещё двух лет не отслужила, а уже не держит заряд. Ярославские батареи раза в три надёжнее. Но „Пчела“ – так называл свою машину Пётр Николаевич (официально она именовалась "Бинэ", что, впрочем, по-немецки то же самое) – была дорога ему как подарок немецких друзей. Полтора года назад, когда он ещё только-только освоился в своей новой работе освобождённого секретаря парторганизации крупнейшего в области нефтеперерабатывающего предприятия „Нефтехимпром“, в составе большой делегации выехал в ГДР. Вот там-то в Рюссельсхайме его и премировали „за большую помощь и инициативу в налаживании политиковоспитательной работы“ (так это официально именовалось) на Собственном Народном предприятии „Адам Опель“. То, что Пётр Николаевич предложил рюссельсхаймским автомобилестроителям, было его первой – после диссертации – серьёзной практической находкой, которая и в самом деле могла помочь в преодолении последствий

американского образа жизни, десятилетиями насаждавшегося в ФРГ (так раньше именовалась западная часть нынешней ГДР). К тому же, подарок совпал с сорокалетием Петра Николаевича.

Так или иначе, а машиной он дорожил. Но теперь пришла пора подумать о поиске подходящего ходового аккумулятора отечественного производства. Лучше всего, разумеется, могла помочь одна из частных фирмочек, как грибы после дождя расплодившихся лет около десяти назад во всей стране. Жёсткие лицензионные правила, в частности, обязательное изъятие лицензии после второй признанной судом рекламации, отпугивали всех, кто пытался извлечь нетрудовые доходы, но каким-то образом просочился через строгие психологические тесты. Зато людям, действительно творчески одарённым, имевшим изобретательскую жилку или просто новые организаторские идеи, такая система давала большой простор. Временами в таких частных предприятиях можно было встретиться с почти фантастическими новинками. Вот и в сфере обслуживания электромобилей был в Кёнигсберге один самородок, умевший почти втрое повышать ёмкость аккумуляторов. Другой занимался продлением вдвое сроков их службы. Прикинув, кто бы ему мог лучше помочь, Пётр Николаевич свернул налево – вниз, к озеру. Через несколько минут он будет у дома человека, ради встречи с которым так рано выехал из Кёнигсберга.

Действительный член Академии наук СССР Фёдоров был не только учёным мировой известности. Он слыл ещё и оракулом. Посмеиваясь вслух над собой, он одновременно давал такие прогнозы будущего, которые никогда ещё не обманывали, всегда сбывались. Как Фёдоров умудрялся делать такие безошибочные предсказания, было совершенно непонятно. Правда, он чаще всего отказывался публично делать предположения о будущем и строить прогнозы. Здесь

не могли помочь ни ловкость журналиста, ни хитрые приёмы. Напротив, Фёдоров тут же разоблачал такие попытки, выставляя интервьюера напоказ в качестве манипулятора сознанием. Но если уж он соглашался сделать прогноз, то ошибка исключалась. Исходя из всего этого, Олялин считал, что Фёдоров – просто очень опытный системный аналитик, научившийся по части восстанавливать целое. А ведь наше настоящее – это и есть одна из таких составных частей того, что называется будущим!

Но Пётр Николаевич ехал к академику вовсе не за прогнозом и не за советом. То есть, совет-то ему как раз был нужен, но совсем не в виде прогноза будущих последствий каких-либо поступков – его или других людей. Пётр Николаевич, будучи опытным психологом и социологом, занимался ещё и – чисто из любви к исследованиям – историческим анализом мотивации поведения известных общественных и политических деятелей. Он даже разработал свой, пока ещё не запатентованный, метод количественной и качественной оценки мотивации действий людей в зависимости от самых различных (общественных, семейных, личных) обстоятельств. В будущем эта методика оценки обещала перерасти в метод, который позволял при поиске подходящих кандидатов на важные должности отбирать самых способных и перспективных людей, отсеивать тех, кто мог бы стать неявным источником социального вреда. Конечно, чтобы превратить свои первые намётки в настоящий, чётко работающий метод, предстояло ещё много потрудиться, скорее всего, не один год. Но дело было даже и не в этом.

Проанализировав по своей методике решения и опубликованные высказывания известных в СССР деятелей в революционные восьмидесятые годы двадцатого века, Пётр Николаевич обнаружил странный разрыв в мотивации и логике их действий и поведения в период 1982 – 1984 годов.

До этого временного отрезка и после него (плюс-минус один год) все решения и поступки, сведения о которых удалось найти в архивах, хорошо соответствовали выведенной им формуле. Но в течение этого короткого времени совершался такой качественный скачок, что действия (и поведение) одного и того же человека *до* и *после* данного периода выглядели как поступки совершенно разных людей! Причём, явление это было не единичным, а представлялось систематическим, массовым. Пётр Николаевич, сколько ни бился, не мог этого феномена объяснить. А характер у него был таков, что, встречаясь с трудностями и препятствиями, он неизбежно удешевлял усилия, а изобретательность и находчивость его росли как бы сами собой.

Так продолжалось до тех пор, пока Олялин не попытался связать обнаруженное им явление с хронотроникой. Конечно, как и всякий другой, он практически ничего не знал об этой сверхсекретной науке. Известно было лишь, что наука изучает свойства и динамику потоков времени, а также их возможное влияние на сознание человека. Засекречена она была потому, что могла привести к созданию такого оружия, перед которым термоядерная бомба в сто мегатонн показалась бы детской игрушкой. По крайней мере, так об этом рассказывал в своих крайне редких интервью сам основатель науки – академик Фёдоров. Зато каждому был известен приводимый им пример: дети ощущают время как более протяжённое, чем пожилые люди; и это – не кажущееся психическое явление, но установленный хронотроникой факт. Столь же широко были известны случаи практического применения этого открытия, когда в НИИ Хронотроники смертельно больные люди получали возможность "растяжки времени" и уходили из этой жизни удовлетворённые, так как их труд оказывался завершённым и мог принести пользу людям. Как социальный психолог знал Пётр Николаевич и иное: нередко широкое оповещение по телевидению о завершённых таким способом книгах, трудах

и открытиях было лишь предсмертным утешением неизлечимых больных. Зачастую оконченные в НИИ Хронотроники работы этих больных были бесперспективными или дублирующими уже известные открытия. Но гуманность таких опытов в НИИ была очевидной и бесспорной!

Сейчас же Олялин, обдумывая обнаруженное им явление, рассуждал: а не может ли оказаться так, что установленные им по архивным данным поведение, поступки и официальные решения людей оказались результатом воздействия из будущего? И, если так, то не было ли такое воздействие осознанным и целенаправленным? Не связаны ли знаменитые, всегда оправдывающиеся прогнозы самого Фёдорова результатом такого влияния будущего? Наконец, не способно ли подобное “знание будущего” так изменить, детерминировать поведение человека, что в результате наступит качественно иное будущее, отличающееся от того, которое он будто бы знает? Пётр Николаевич сознавал, что встал на крайне зыбкую почву таких догадок и предположений, которые если кому и к лицу, то не общественному деятелю, не учёному, а скорее уж писателю-фантасту. Как бы то ни было, а кто кроме основателя загадочной науки хронотроники мог ему помочь разобраться во всём этом?!

Между тем, за время пути совсем уже рассвело. Почти ничего не осталось от обрывков тёмных туч, давеча плывших над городом. День обещал быть не по-ноябрьски солнечным и, хотелось надеяться, тёплым. Но что это?! У самого въезда в колхоз имени Сталина справа от дороги вдруг появился быстро густеющий туман странного фиолетового оттенка. Он простирался ввысь на высоту 10 – 15 метров и тянулся в сторону сосняка, окружавшего филиал НИИ Медико-биологических проблем МЗ СССР, расположенный почти на самой кромке морского берега. Внезапно стало совсем темно из-за чёрных огромных туч, взявшихся непонятно откуда. Сверкнула яркая молния и почти сразу

же вслед за ней с ужасающим грохотом, свидетельствующим о близости разряда, разразился гром.

Пётр Николаевич остановил машину на обочине асфальтовой дороги, включив аварийную сигнализацию и подфарники, и вышел наружу. Свежий, насыщенный озоном воздух заполнил грудь. Олялину невольно вспомнилось, как лет около двадцати назад, только что получив звание кандидата в мастера спорта СССР, он на радостях бросился на своём планёре в грозовую тучу. В тот раз так же близко сверкнула молния, и воздух был столь же густо напоён озоном. Но Пётр Николаевич тут же забыл об этом и попытался пройти вперёд, к дому, известному как дача академика Фёдорова. В этом небольшом двухэтажном домике академик жил со своей семьёй. Фёдоров в свои без малого семьдесят лет работал в качестве научного руководителя филиала НИИ. Несколько шагов, отделявших Олялина от дома Фёдорова, ему сделать не удалось: внезапно хлынул по-летнему проливной, но по-осеннему холодный дождь. Чтобы не промокнуть до нитки, Олялин нырнул в машину и включил стеклоочиститель. Хотя тот работал на полную мощь, с потоками воды справиться ему не удавалось. Не было видно ни зги. В уютном тепле электромобиля отчётливо слышалось, как грохотали струи воды по крыше и стеклам. Но ни одна капля не попала вовнутрь, за что Пётр Николаевич был от души признателен немецким автостроителям.

ГЛАВА 1.

Сквозь поверхностный, не дающий настоящего отдыха сон, он услышал жалобный стон матери в соседней комнате и почти сразу же – собственное имя. Осторожно, стараясь не потревожить жену, которая почти наравне с ним несла тяготы ночного ухода за Ольгой Алексеевной, Фёдоров поднялся с постели. Накинув халат, он приоткрыл дверь спальни и вышел в тесный коридорчик. Здесь было три двери: одна вела в спальню, вторая в комнату тяжело больной матери, а третья – в кладовую. Высокая арка соединяла коридор с прихожей. Всё это освещалось зеленоватым светом ночника, свет которого проникал через полуприкрытую дверь маминой комнаты. Вообще-то Ольга Алексеевна просила не закрывать дверь своей комнаты, но это было невозможно: она почти постоянно жаловалась на холод, хотя в доме поддерживалась температура в 22 градуса. Поэтому в её комнате всё время горел электрический обогреватель.

Алексей Витальевич с силой потёр ладонями лицо, стараясь не только прогнать усталость, вызванную пятимесячным недосыпанием, но и пытаясь придать себе по возможности бодрый вид. Помедлив ещё секунду, он вошёл к матери.

- Ну, что же так долго?! – слабым голосом упрекнула она и почти сразу же горько заплакала: – Зову, зову – и никого нет, целыми днями лежу тут совсем одна, никому не нужная...
- Ну, что ты, мама! Я же здесь, с тобой. Но поспать-то ночью всё же надо. Ты же знаешь, что я и сам нездоров...
- А разве сейчас ночь? А где Вика, а бабусенька где? Почему она ко мне никогда не заходит? – вновь начиная плакать, спросила мама.

Щемящая сердце жалость резанула Алексея. Собственные недуги и переутомление отступили назад. Как объяснить маме, что её родителей, в том числе его бабушки, которую она хотела видеть, уже без малого сорок лет нет на свете. Как объяснить и при этом не обидеть?! А ведь совсем недавно – два – три месяца назад – мама обладала светлейшим умом. А семь месяцев назад, до травмы, её работоспособности и активности завидовали сорокалетние. Алексею несказанно больно было видеть не только страдания матери, но и то, как необратимо быстро угасал её ум. Конечно, любому морально здоровому человеку тяжело присутствовать при угасании родителей. Но здесь-то случай безусловно особый.

Ольга Алексеевна, как и все пенсионеры страны, в результате "реформ" осталась без достаточных средств к существованию. Но она не растерялась и не впала ни в уныние, ни в усталое безразличие. Уже в начале катастрофы девяносто второго года, давно спланированной американцами и тщательно подготовленной всеми этими гайдарами – чубайсами и прочими "младореформаторами", она занялась репетиторством. Как и Алексей, она никогда не умела потребовать должное за свой труд. Её почасовые ставки были в три – пять раз ниже стандартных в Калининграде. Но огромная работоспособность обеспечивала неплохой доход, по нынешним временам даже завидный. И хотя из-за болезни ног она никогда не ходила по домам своих учеников, вскоре от них не стало отбоя. Многим приходилось отказывать.

В "янтарный край" Ольга Алексеевна переехала издалека ещё до приезда сюда Алексея, будучи уже несколько лет пенсионеркой. Поэтому её прежние педагогические успехи оставались неизвестными до начала репетиторства. Первые годы жизни на южном берегу Балтики она целиком посвятила устройству на новом месте. Вначале самостоятельно отремонтировала квартиру,

полученную путём иногороднего обмена. Затем произвела ещё один обмен – на двухквартирный домик, который стоял всего в сотне метров от высокого, обрывистого берега. В общем, дел хватало. А свободное от них время она целиком отдавала морю. Глядя в те годы на купающуюся в штормовых волнах мать, Алексей частенько думал о том, что издали ей не дашь не только её шестидесяти с гаком лет, но, пожалуй, и сорока.

И вот теперь – эта неожиданная болезнь. Эта катастрофически быстро развивающаяся беспомощность и ставшие явными признаки распада личности. Мама лежала в так называемой функциональной кровати, которую можно было свободно перекатывать по комнате и разным образом регулировать для удобства больной. Продольная труба, закреплённая на специальных стойках, привинченных к спинкам кровати, – “балканская рама”, ещё недавно позволявшая больной подтягиваться на руках и удобнее устроиться в постели, теперь стала бесполезной: мама с трудом поднимала руки и уже не в состоянии была подтянуться на них. Теперь продольная трубка служила лишь для того, чтобы удобно было потеплее укутать больную, при этом не нагружая её весом одеял.

- Сейчас, мама, я тебя немного переложу, – сказал Алексей, взглянув на комнатный термометр (он показывал 24 градуса) и откинув одеяла, переброшенные через „балканскую раму“.
- Ой! Не надо! Мне же холодно!– вновь заплакала мама. – Ну что ты надо мной издеваешься?!
- Миленькая, я же не издеваюсь, но ты опять сорвала повязку!– оправдывался с мягким упрёком Алексей.

Это было самым утомительным и мучительным для Алексея. Не сознавая, что делает, его умирающая мать всё время срывала повязки и касалась раны. Она не только мешала ране зажить, но рисковала получить нагноение, а то

и сепсис. Впрочем, Алексей всякий раз убеждался в том, что поначалу действительно страшная рана в верхней части правого бедра довольно быстро заживает. Сейчас её размеры не больше флакона из-под корвалола, и запаха никакого нет, кроме аромата содержащей мёд мази Конькова. Алексей наносил эту мазь на марлевую салфетку и заполнял рану. Собственно, по всем канонам хирургии и с учётом состояния и возраста больной, никакой раны здесь *вообще* не должно было быть! Всё это являлось результатом похабного, варварского отношения представителей так называемой “страховой медицины” к больным.

Алексей Витальевич не мог себе представить, чтобы в советское время, в условиях бесплатной медицины семидесятивосьмилетнюю пациентку с двойным переломом бедра прооперировали *в пятницу*, когда в отделении в субботу вообще нет врача; чтобы после операции такую больную поместили не в отделение реанимации для интенсивного наблюдения и лечения, а *в общую палату*, кстати – на десять больных; чтобы во время операции настолько небрежно останавливали кровотечение, что образовалась огромная гематома – сгусток крови в 800 миллилитров! Приехав к матери в субботу – на следующий день после операции, Алексей Витальевич был в ужасе: мама лежала в постели совсем бледная, серая, но в совершенно ясном уме и еле слышным шёпотом проговорила, увидев сына:

- Ну, вот, Лёшечка, я и помираю, пришёл мой час... Любименький мой сыночек... Ты заberi, пожалуйста, всё из тумбочки – деньги, конфетки... А то тут у меня ночью санитарочка приходила, брала из кошелька.... Но ты их только не ругай, они совсем нищие – за такую-то работу девятьсот рублей в месяц получают... Шесть килограммов мяса купить и больше ничего... А ты просто заberi себе мой кошелёчек – ты ведь тоже без работы, без денег сидишь...

Она ещё что-то говорила, но Алексей, не особо слушал – он искал и не находил пульс, смотрел на сухие губы матери, потрескавшиеся от обезвоживания, от кровопотери, прикоснулся к её холодному лбу. Потом он что-то пробормотал, изо всех сил стараясь, чтобы его голос показался матери одновременно и ласковым, и бодрым, и почти выбежал из палаты. Вихрем пронёсся по отделению травматологии, не найдя никого, кроме постовой сестры, ворвался в реаниматологическое отделение, хотя вход посетителям туда был закрыт, и организовал перевод Ольги Алексеевны сюда, в палату интенсивной терапии. Ещё наверху, в травматологическом отделении ей поставили капельницу. Потом, когда в отделении реанимации выпустили послеоперационную гематому – сгусток крови почти в литр, начали переливать кровь. Лишь к вечеру, когда непосредственная опасность жизни матери миновала, Алексей Витальевич вышел из здания областной больницы, недовольный собой и всем на свете, чувствуя смертельную усталость и сильные боли под ложечкой – язвеннику нельзя целый день ничего не есть. Дойдя до машины, думая о том, что если бы не пришёл сегодня в больницу или опоздал на час, то мамы бы уже не было в живых. Он уселся за руль и так, сидя, уснул.

И вот теперь, стоя у постели умирающей матери, Фёдоров думал одновременно о многом. И о том, как мало можно сделать теперь. И о том, что в нынешней Эрэфии люди сознательно брошены на произвол судьбы, *предназначены* к умиранию. Он сознавал, что виноват перед нею: ведь не отправься он тогда на три дня в Бельгию ради заработка, маму не выписали бы из больницы. А это его трёхдневное отсутствие решило всё: оставайся она в больнице, не было бы на крестце этого жуткого, да самой

кости, пролежня. Не было бы интоксикации. Она бы сейчас поправлялась. В этом не было никаких сомнений! Ведь даже теперь, при нынешнем состоянии матери громадная рана на бедре, там, где отломки кости скреплены пластинкой и шурупами, где после операции образовался огромный сгусток крови, – всё хорошо зажило. Но пролежень... Это и было причиной неотвратимо грядущего исхода.

В тот день, день последнего в жизни матери августа, когда он зашёл в её комнату, в нос ему ударил типичный тяжёлый запах, страшный смрад гниющего в гангрене тела. Ольга Алексеевна была в сознании, но её сильно знобило. Лежала она в луже. Никто и не подумал перестлать больной постель, переложить её поудобнее. А ведь при лечении больных с пролежнями их надо перекладывать каждые пару часов! Ничего этого не было! Ничего, *ничего* необходимого не делалось! От отчаяния Алексей застонал, кинулся к матери, обнял её, невзирая на стоны (это было для неё болезненно!), повернул набок. Открывшаяся картина привела его в ужас: в области крестца было огромное, почти в ладонь напухшее чёрное пятно, сбоку от него – отверстие, из которого вытекала скудная зловонная жидкость. Гангрена... “Ну, а где же наши милые родственнички? Дьявол их всех возьми! Никто же из них мизинца маминого не стоит!” – думалось Алексею. И это было правдой!

Как мама, будучи уже тяжело больной, ухаживала и за внуками, и даже за бывшей невесткой, оставшейся жить здесь после развода с Севой, младшим братом Алексея. Как мама бодро и не утрачивая оптимизма и жизнерадостности (каким бы неправдоподобным это ни казалось!) ковыляла на своих почти не гнувшихся в коленях ногах, поражённых артрозом, упираясь костылями в пол, будто нарочно застланный недавно скользким линолеумом. Как шустро она управлялась в кухне, как обстирывала всю компанию. Какие готовила торты ко дням рождения всех без исключения домашних. Как отвечала добром на причиняемое ей зло.

Думая обо всём этом, Алексей бежал тогда по улице к своему знакомому – бывшему начмеду больницы, хорошему хирургу и человеку необыкновенно щедрой души – Володе Габуня. Владимир Георгиевич внимательно слушал рассказ Алексея, только лицо его, прекрасно владевшего собой культурного и умного человека, всё больше мрачнело. Не дослушав рассказа и прекрасно понимая, с какой просьбой собирался обратиться к нему Фёдоров, статный пятидесятилетний грузин (вообще-то, мегрел) сказал:

– Подожди меня. Я сейчас!

Через пару минут они уже сидели в автомобиле, который Габуня выкатил из стоящего рядом с домом гаража. Вскоре, ловко орудуя инструментами и беспрерывно по-приятельски разговаривая с Ольгой Алексеевной, с которой был много лет хорошо знаком, Габуня удалил мёртвые ткани. Одновременно, по-человечески прекрасно понимая Фёдорова, он умудрялся успокаивать ещё и его, сознавая, что тот сейчас – лишь сын тяжело больной матери и не в состоянии применить ничего из своих собственных обширных медицинских познаний. Уже выходя из квартиры, он коротко проинструктировал Фёдорова и, прощаясь, протянул руку, в которую Алексей пытался незаметно сунуть деньги. Но деликатный Габуня был верен себе – отталкивая руку Фёдорова с крупной купюрой, он произнёс:

– Подай мне, пожалуйста, свёрток с инструментами!.. Ты мне приятель или кто, скажи, пожалуйста!

И уже принимая свёрток, добавил:

– А дружба и здоровье – ведь дороже всего на свете. Верно?!

Последующие без малого пять месяцев Фёдоров не отлучался от матери. Уже на следующий день он организовал её переезд в новый дом. Правда, прихожая и ванная сверкали свежевысохшей штукатуркой. Стены кухни тоже были голыми. Но и пол во всём доме и обои в остальных

помещениях были уже на своих местах. Особенно уютной Фёдоров и его верная Вика постарались сделать комнату мамы. Она располагалась на южной стороне дома, имела два окна, около шестнадцати квадратных метров площади, была тёплой и уютной. На втором этаже, вернее, в мансарде над этой комнатой, располагалась другая, раза в полтора меньше этой, и предназначалась она для другого жильца (или жилицы). Эта комнатка так никому и не понадобилась, на их с Викторией беду...

Не раз и не два подобные мысли и воспоминания проносились в не знающей отдыха голове Фёдорова. Тяжко, невыносимо тяжело было сознавать, что он виноват перед всеми: перед женой, перед их не родившимся ребёнком, перед матерью. Вина перед матерью представлялась Алексею Витальевичу особенно тяжёлой: не обеспечил предупреждения хрупкости костей, не пришёл к ней перед тем, как она сломала ногу, потом уехал на три дня на заработки, безосновательно положившись на оказавшееся столь ненадёжным слово Романова, до того столь неудачно, небрежно прооперировавшего маму... Всего не перечесть! Вот и теперь, даже в её нынешнем положении, он не уделяет матери должного времени.

Фёдоров не признавал, что не вполне обоснованно осуждает, казнит себя. Да, он не сидел безвылазно с матерью. Но ведь кому-то надо было и её простыни стирать, и специальную пищу для неё готовить, и посуду мыть! Имелось ещё многое, собственно – всё в этом недостроенном доме, что лежало на нём, на его обязанностях, и было прямо или косвенно связано с уходом за Ольгой Алксеевной. Наконец, и многомесячное, безо всяких смен, исполнение обязанностей медсестры плюс санитарки занимало время и требовало сил, которые не удавалось восстановить даже

ночью. Потому что и ночью он был на посту. Но подобные доводы, найдись бы кто-то высказать их Фёдорову, ни в чём бы его не убедили.

- Поздно! Слишком поздно! Ничего не исправить, не повернуть вспять! – часто думалось ему.

И вот, приблизившись к умирающей маме, он как можно ласковее спросил её:

- Ну, как ты, милая мамочка? Что тебя сейчас беспокоит? Что тебе дать?
- Укрой меня потеплее, сыночек. Очень холодно в комнате.

Фёдоров взглянул на термометр: 25 °С. Куда уж теплее! Он осторожно накрыл больную ещё одним одеялом, перекинув его в виде палатки через перекладину, закреплённую над спинками кровати. Поставил матери термометр и ушёл в кухню, чтобы глотнуть горячего чая. По дороге взглянул на часы, висевшие над кухонной дверью: начало первого. Значит, опять наступило тринадцатое число. Не любил он этого числа. Вообще, в последние месяцы он стал верить во всякие приметы, предвещавшие что-то плохое. Виктория, жена, сначала посмеивалась над ним. Потом стала поглядывать на него с пониманием и сочувствием, а теперь и сама поддавалась наваждению примет и, вроде бы, ничем не обоснованных страхов и опасений.

Выпив чая, Алексей Витальевич почувствовал себя бодрее. Он вернулся в комнату матери, взял у неё термометр, простоявший четверть часа, и поднёс его к зеленоватому свету люминесцентного ночника. Термометр, сбитый до тридцати четырёх градусов, не согрелся ни на одну десятую. Фёдоров похолодел. Он слишком хорошо понимал, что это значит...

- Мама, мама! – бросился он опять к матери, обнял её за

шею, почувствовав нежный, знакомый с детства, приятный запах её волос.

- Лёшечка, я спать хочу. Зачем ты меня будишь? Иди, сыночек, отдохни и ты немного...

Это были последние слова, которые профессор Фёдоров услышал от своей матери. Он зашёл в спальню, чтобы разбудить жену: она вчера вышла в отпуск, почему-то решив взять его в это неудобное время. Но Виктория Петровна уже не спала: она всё слышала, всё понимала. Поэтому и взяла отпуск. Поднявшись со вздохом с постели и накинув свой голубой фланелевый халатик, она прошла в комнату Ольги Алексеевны, наклонилась над ней и тут же, не говоря ни слова, включила яркую верхнюю лампу.

- Вика! Что ты делаешь? Зачем будить маму? Она только что заснула...
- Да... Она заснула, Лёша... Навсегда...

Но это было ещё не так. За те несколько минут, которые Фёдоров провёл вне этой комнаты, наступило резкое ухудшение. У Ольги Алексеевны появилось так называемое дыхание Чайн-Стокса, то есть предсмертное. Она уже не могла произнести ни одного слова, хотя и явно силилась сказать что-то очень и очень важное. Когда супруги Фёдоровы подошли к Ольге Алексеевне, она, освещённая ярким светом лампы в простеньком абажуре, висевшей как раз над кроватью, сделала вдруг глубокий, нормальный вдох, широко раскрыла свои зеленоватые, хотя и поблекшие глаза. В них опять, как прежде, светились ум, доброта, понимание. Ольга Алексеевна опять попыталась заговорить. Это ей не удалось. Тогда она пристально, как бы что-то требуя, посмотрела сначала на Викторию, потом на Алексея, показала взглядом на руки обоих, поддерживающие её, и с хрипом выдохнула последний раз в жизни.

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

1. МАМА.

Ни в школе, ни в институте, ни в последующей самостоятельной жизни Алексей никогда не испытывал затруднений, связанных с математикой, естественными науками. Школьная программа ему давалась легко. Задачи по физике он решал с удовольствием, легко усвоив все дававшиеся учителями формулы. Он применял простую схему систематизации формул, для чего выписывал их на картонные карточки. Химические же задачи он вообще задачами не считал и всегда мгновенно выдавал учителю ответ, сделав в уме несложные расчёты.

Начиная с девятого класса, его стали посылать на олимпиады по математике и физике. Вначале он участвовал в них если и не с удовольствием, то без возражений. Но как-то раз, уже в десятом классе, ему довелось участвовать в такой олимпиаде вместе с парнишкой из их же школы – Толиком Пахомовым из параллельного класса – не то "Б", не то "Г". Выяснилось, что им обоим достались одинаковые задания. Обсуждая в ожидании результатов олимпиады свои решения в коридоре, Алексей и Толик записали их на оказавшейся здесь черной классной доске. Тут-то Алексей впервые понял, что Толик – талантливее его, потому что пришёл к своему решению, что называется, эвристическим методом, а сам он – лишь использовал то, чему научился раньше. Жюри своим решением подтвердило эту догадку Алексея, впервые присудив ему второе место и отдав Пахому первое.

Алексей, которого учителя сватали на физмат, против чего он ранее не возражал, в одиннадцатом классе впервые задумался. Чему же он обязан своими школьными успехами?

Вспомнив десять с лишним лет учёбы в школе и трезво оценив свои силы и способности, он пришёл к выводу, что в математике Толик способнее, одарённое. Его же собственные успехи – это результат домашнего воспитания и не замечаемых им ранее усилий матери. В три года она стала приучать Алексея к чтению. С пяти лет как-то незаметно, беря с собой в магазин, научила арифметике и таблице умножения. А когда он стал ходить в школу, мама всё время давала ему задания вперёд школьной программы. Но даже не это было главным. Анализируя свой “провал” на последней олимпиаде (так он оценивал второе место), Алексей понял: главное то, что мама исподволь научила его систематизировать, классифицировать, “раскладывать по полочкам” или, наоборот, объединять любые знания и сведения. При этом она использовала и незаурядную зрительную память сына и, как ни странно, врождённый музыкальный слух и чувство ритма.

Ольга Алексеевна была обыкновенной школьной учительницей математики, но вот результаты обучения у неё были необыкновенными. Сама она говорила, что пользуется “прогрессирующей методикой” обучения, но Алексей, уже став взрослым, преподавателем вуза, понял, что никакой такой методики не существовало, а был талант – то, что называется даром Божиим. И талант этот распространялся не только на педагогику, но и на отношения с людьми. Алексей был в девятом классе, когда она рассталась с его отцом (лишь годы спустя сын узнал о причине – какой-то Тамаре). Ольга Алексеевна вытягивала его и младшего брата одна – на свою учительскую зарплату. Денег не хватало, и мама занялась репетиторством. Сначала она “подтягивала” отстающих – обычно сынков и дочек городского начальства, потом стала готовить ребят в вузы. Странное дело, но из подготовленных ею поступающих никто и никогда не получал ниже “четвёрки”. Правда, готовить ребят к поступлению в институты она бралась не менее чем

за шесть месяцев до вступительных экзаменов, категорически отказываясь браться за дело позже.

В школе, где она работала, – а работала она всегда не в той школе, куда отдавала своих сыновей, – в её классах, как правило, не было отстающих по математике. Алексей лично знал нескольких бывших двоечников, которые после маминых уроков стали во взрослой жизни профессионалами: двое работали учителями математики и физики в школе, один стал доцентом в пединституте, а ещё один – профессором в каком то вузе Москвы. Если же кто и оставался в разряде „двоечников“, несмотря на мамины усилия, то лишь те, кто потом переходил в специальные школы для умственно отсталых.

При всём том, даже сознавая себе цену как педагогу, Ольга Алексеевна никогда не кичилась, была скромна. Она, хоть и любила организовывать групповые выступления своих питомцев на иногородних конкурсах и олимпиадах, делала это не ради себя и своей славы, а чтобы “задать духу” (как она говорила) своим ученикам, поддержать их веру в себя и в свой выбор. Алексей недоумевал: зачем? Ведь это отнимает столько времени и сил. А мама отвечала:

– Иначе, Лёшечка, нельзя: я их на этот путь толкнула – теперь я за их судьбу и жизнь отвечаю!

Вообще, ответственность и обязательность Ольги Алексеевны были теми качествами, которые Алексей, да и все знакомые их семьи, ставили на первое место. “Раз сказано – должно быть сделано!” “Назвался груздем – полезай в кузов”. “Не умеешь – не берись, сначала научись!” Таковы были часто повторяемые ею поговорки. От мамы же Алексей, ещё совсем мальчиком, узнал, что многие, слишком многие, называющие себя русскими, не понимают русских пословиц и поговорок. Скажем, что значит “утро вечера мудренее”? Оказывается то, что утром всё может

оказаться ещё сложнее, запутаннее, заковыристее, потому что “мудренее” – сравнительная степень от “мудрёный”, а не “мудрый”! Отсюда следовало, что за разрешение возникшей трудности надо браться немедленно, не откладывая на завтра. А за что многие осуждают мудрость “работа не волк – в лес не убежит”? Не понимают истинного смысла простых русских слов! Ведь действительно – не убежит, то есть никуда не денется, останется, и придётся эту работу делать!

Узнав эти простые истины, Алеша в средних классах школы ещё пытался объяснять, доказывать ребятам, да порой и учителям, каково истинное значение многих употребимых поговорок и выражений. Но вскоре перестал – понял, какова сила инертности мышления многих людей, как трудно истине пробиться через море заблуждений и лжи и как легко быть обвинённым: “Ты вечно хочешь быть умнее всех!” Правда, он никогда не говорил, откуда узнал эти истины – боялся, что ещё и маменькиным сынком назовут. Но несправедливость обвинения больно ранила.

При всей огромной педагогической нагрузке мамы дома у них всегда царил порядок. Соблюдение порядка никого не угнетало – наоборот, Алексей порой бравировал тем, что всегда мог сказать, где и как что-то лежит, мог найти (вернее – взять безо всяких поисков) любой понадобившийся предмет. И эту склонность к порядку родители привили своим сыновьям без каких-то строгостей, простым личным примером и неприклонно-вежливыми просьбами немедленно положить любую вещь на своё место.

Ещё одним качеством, которым славилась мама, было её умение “обновлять”, как она говорила, старые предметы одежды. Любому старью она могла придать не только свежий, но даже и щеголеватый вид. Когда Алексей учился в десятом классе, Ольгу Алексеевну “бросили на

прорыв” – послали наводить порядок в преподавании математики одной из сельских школ. Так Алексей остался в городе на самостоятельную жизнь – мама не советовала менять школу за год с небольшим до её окончания, хотя потом и говорила: “При твоих способностях, Лёшечка, ты бы всё равно поступил в любой институт!” Но Алексей понимал, что в таких случаях в ней скорее говорила материнская любовь и связанное с нею сожаление о происшедшей разлуке. В тот год с деньгами стало особенно трудно: в селе, куда послали маму, более полугода пришлось ждать квартиры, платя поначалу за частную. Одновременно пришлось платить и по восемь рублей ежемесячно за угол, снимаемый Алексеем. Тогда-то мама и перешла для него семирублёвый брезентовый плащ-накидку, да так, что никто все три года не догадался о его происхождении. Алексей носил потом этот плащ ещё и первых два курса института. В селе репетиторства у мамы вначале не было, да и запущенность дел в школе требовала и сил, и времени. Ведь ради наведения порядка её и направили сюда! Пришлось заняться портняжным делом. И надо сказать, что вскоре к маме стали приезжать для этого даже из других районов области, с удивлением узнавая на месте, что портниха-то вовсе не портниха, а человек с высшим образованием из МГУ, учительница, математик.

Приезжая домой на праздники, Алексей отдыхал душой, но тревожился, видя, как маме тяжело, какие у неё круги под глазами. Самому ему тоже среди чужих людей было нелегко, но он ещё не умел, не знал, как заработать. Позже, в одиннадцатом классе, додумался – стал подрабатывать ремонтом радиоприёмников и сборкой усилителей для слушания граммофонных пластинок. В этих условиях особенно отчётливым стало ещё одно мамино качество, о котором Алексей до той поры не задумывался, – её самоотверженность. Жила она всегда скромно, не только не балуя, но и во всём ограничивая себя. Живя вместе с

матерью, Алексей не осознавал, что она зачастую незаметно отдаёт ему с братом лучшие куски (в самом прямом смысле этих слов). Делала она это с какой-то особенной незаметностью. Когда же такое сделать незаметно не удавалось, то говорила: “Возьмите, ребята, а я что-то не хочу!” Став взрослым, Алексей узнал, что мама отказалась от аспирантуры в Москве и предстоящей блестящей карьеры, узнав, что станет *его* матерью. Это как раз совпало с направлением отца на Восток. Интересы семьи стояли для неё на первом месте, и она считала это совершенно естественным, а не какой-то жертвой.

Когда такое делается по отношению к своим детям, то в условиях нужды это можно считать нормальным – лишь бы и дети выросли такими же! Сейчас же Алексей увидел, понял, что его мама жертвует собой и для совершенно посторонних людей. В соседнем доме села-райцентра, где она теперь работала, жила семья, в которой была девочка лет семи или восьми. Мать её попала в больницу, а отец запил, возможно – с горя. Уж очень дружная, настоящая была семья, а болезнь женщины – тяжёлой и опасной. Девочка же... Девочка же часто оставалась голодной. И мама стала её приглашать на ужин: днём-то пропадала на работе в школе. Когда девочка благодарила маму тихим голосом и, очень стесняясь, уходила, мама совала ей в карман курточки бутерброд или просто булочку – на утро. Осознав добрую и даже стыдливо скрываемую жертвенность своей матери, Алексей, тем не менее, полностью прочувствовал это качество лишь долгие годы спустя, сначала – наблюдая за другими семьями, а затем и в поисках жены для себя. Тогда-то он и понял, что *таких* женщин просто больше не бывает: говорят, что раньше многие такими были, но *теперь* – нет!

У Ольги Алексеевны было ещё одно качество, которое Алексей перенял и сделал своей профессией: поиск,

сбор и пытливым анализ всего нового. Когда материальное положение выправилось, мама стала выписывать множество разных журналов, газет, делала и сортировала вырезки, храня их в отдельных папках или специально сделанных самодельных конвертах с надписями. Но и до этого она приносила из школы журналы и газеты с заинтересовавшими её сведениями. Перед возвращением этих журналов в школу делала выписки своим неповторимым почерком – округлым, чётким, понятным каждому. Когда было можно, оставляла принесённые вырезки или целые журналы дома. Но мама не просто собирала разные интересные сведения. Она при необходимости – с готовностью, а зачастую, при возможности, – с искренним желанием бралась за освоение новых профессиональных знаний и навыков. Так, ей было уже за пятьдесят, а Алексей как раз стал работать в вузе, когда она купила уценённую почему-то вдвое новенькую кинокамеру "Экран-3" и освоила непростое и хлопотное дело съёмки кинофильмов.

Для этого дела требовалось освоить основные принципы режиссуры, основы операторской техники, стать лаборантом и химиком, освоить “стереоэффект плоского изображения”, не говоря уже о таких элементарных вещах, как организация освещения, выбор экспозиции или “точка съёмки”. Показав Алексею, приехавшему к ней на двухмесячный ассистентский отпуск, самостоятельно сделанный мультипликационный фильм, мама заразила киносъёмкой и его. Алексей не только освоил это дело (опытному фотографу это было не так уж сложно, скорее – непривычно), проштудировал приобретённые мамой специальные книги. Они во время следующего отпуска сняли полнометражный, хотя и неозвученный игровой фильм по написанному в зимнее время сценарию. Вообще-то считалось – так об этом говорилось в книгах для кинолюбителей, что в домашних условиях возможно создание лишь короткометражных игровых фильмов. Однако им удалось

это трудное дело! Позже эти навыки очень пригодились Алексею, когда он несколько лет профессионально работал на областной телестудии.

И так было всегда и во всём: мама умела заразить своим энтузиазмом, стремлением к серьёзному овладению новым делом и его, и всех, с кем общалась. Нередко её при этом отговаривали, приводили обоснованные доводы о невозможности осуществить то, за что она в очередной раз бралась. Мама в таких случаях молча загадочно улыбалась или же отвечала: “А вот посмотрим! Давайте сначала попробуем, ведь безвыходных положений не бывает!” В итоге она оказывалась права и, как правило, находила простое, хотя и неожиданное решение. Преодолевала возникшие трудности. Взявшись за дело, его уже ни в коем случае и ни под каким предлогом нельзя было бросить, не довести до конца. Следовало искать решения и выходы из затруднений, планировать свои действия, их последовательность, необходимые средства. Правда, при этом ей приходилось много и напряжённо думать. Именно так, конкретными делами, приобщала мама к думанью и его, своего сына, и учеников, и знакомых. Именно поэтому думанье стало для Алексея желанным и интересным делом, а потом и профессией.

Когда Алексей мысленно обращался к своему детству, ему неизменно в первую очередь вспоминались праздничные дни. И вовсе не потому, что в их семье любили праздность, напротив – ничегонеделание воспринималось как тяжкое наказание. Но в праздники проявлялось ещё одно удивительное качество мамы – стремление и умение сделать день действительно, по-настоящему праздничным, ярким, запоминающимся. Сколько Алексей себя помнил, их семья всегда держалась не то чтобы особняком или, тем более, отчуждённо, но как-то самостоятельно. Родители с неизменной приветливостью и не показным дружелюбием

относились к знакомым и соседям. Став взрослым, Алексей Витальевич осознал, что дружелюбие проявлялось не ко всем соседям, а лишь к тем, кто, во-первых, не был стяжателем, во-вторых, в повседневной жизни проявлял элементарную честность и порядочность, а в третьих, не тяготел к спиртному. Знакомые же родителей всегда были людьми, чем-то интересными, способными и на самостоятельность суждений, и на поступок.

Хотя отец Алексея был довольно крупным начальником, он никогда не чурался тех, кого принято называть простыми людьми. Лишь бы они были интересны, порядочны и не склонны к сплетне. Среди знакомых отец слыл знатоком и рассказчиком анекдотов, умел говорить с немецким, китайским и грузинским акцентами. Как-то отец признался Алексею, что для разведчика, поработавшего и в Монголии, и с немцами, первые два акцента усилий не требовали, а грузинской манере речи он стал специально учиться в последнем классе школы, когда кто-то из ребят заметил его некоторое портретное сходство со Сталиным. Мама же была неистощима в изобретении разных приятных сюрпризов, умела с минимальными затратами, но с большой выдумкой и изяществом подготовить подарки. Но и это ещё не всё. К каждому празднику – будь это Новый год или день рождения, День Победы или 7-е ноября – она начинала готовиться загодя: не только готовила подарки, но, прежде всего, придумывала какую-либо программу и обязательный аттракцион, всегда интересный.

Денег не всегда хватало. Особенно это стало чувствоваться, когда родители расстались. Но яркость и запоминаемость подготовленных Ольгой Алексеевной праздничных мероприятий от этого не пострадали. Напротив, не располагая достаточными средствами, она стала готовить самодельные подарки – и ему, и младшему брату, и двоюродному брату Вите, который в последующем, к

тридцати годам, стал полковником ГРУ, но неизменно вспоминал душевную щедрость Ольги Алексеевны и преподнесённые ею ко дням рождения мелочи. Выручал тут и её художественный талант. Еще в отрочестве её рисунки и лепка были высоко оценены знаменитой Мухиной – той самой, чья скульптура изображена на заставке "Мосфильма". Как бы то ни было, но Алексей, став взрослым и даже пожилым мужчиной, со светлым чувством, смешанным с грустью невозвратности ушедшего времени, вспоминал праздничные дни своего детства, отрочества, юности... да, честно говоря, и подарки, сделанные мамой ему – уже взрослому, остепенённому солидному мужчине.

При всём том Алексей мог наперечёт назвать случаи, когда его родители организовывали то, что называется застольем: не было это принято в их семье. Если праздник, то значит должны быть какие-то интересные дела, занятия, а не тупое сидение за столом. Если уж сидели за столом, то, во-первых, длилось это не долго, обычно в обед, во-вторых, после праздничного обеда с неизменной маминой очередной кулинарной находкой устраивалось какое-либо интересное занятие, призванное, как много позже осознал Алексей, развивать смекалку, сообразительность и знания у них, у детей. Один раз, правда, было сделано исключение: к семилетию брата родители просто подготовили занимательный кукольный спектакль, с магнитофонным звуковым сопровождением. А магнитофоны тогда только-только стали появляться в продаже. Уровень этого сказочного спектакля по собственному сценарию мамы был таков, что младший брат, посещая позже профессиональные кукольные театры, кривился и отзывался о них с пренебрежением. Отец при этом молча, но с довольным видом усмехался в свои сталинские усы, а мама, не одобрявшая высказываний, унижающих людей, спорила, обращая внимание юного критика на те или иные положительные стороны спектаклей профессионалов.

Ещё реже родители ходили в гости. Знакомые любили их приглашать к себе и за способности папы как рассказчика и тамады, и за обаятельную мамину лёгкость в общении, сочетавшуюся со способностью незаметно сделать заурядное застолье чем-то таким, что запоминалось всем присутствующим. Если родители и проводили время со своими приятелями и знакомыми, то почти всегда это происходило на природе – с кострами, установкой шалашей или самодельных палаток. Но, как правило, родители стремились проводить время в семье – друг с другом и с ними – своими сыновьями. Став взрослым, Алексей понял, что инициатива в этом была не папиной, а маминой, что впрочем, не удивительно: женщина и *должна* быть хранительницей семейного очага. Поскольку такое как будто бы замкнутое семейное общение было неизменно связано с интересными мероприятиями, интересными для всех – и для родителей, и для детей, то это обязательное общение со взрослыми нисколько не тяготило подрастающих отроков. Напротив – они с нетерпением ожидали досуга.

Так, совершенно незаметно для своих детей, родители Алексея ограждали его и младшего брата от вредных влияний “улицы”, одновременно прививая культуру (естественно, в первую очередь, свою, русскую), давая навыки построения здоровых взаимоотношений в семье. Да, они были настоящими друзьями, хотя родителям каким-то чудом удалось не скатиться до уровня панибратства и сохранить свой авторитет взрослых, самостоятельных, опытных в жизни людей. Впрочем, то же самое – уважительность и внимание друг к другу, замешанные на искренней личной привязанности и любви, – Алексей видел в семьях обоих своих дедушек – и Алексея Дмитриевича (маминого отца), и Фридриха Васильевича (папиного папы). Впоследствии это принесло Алексею немало горечи и разочарований. Воспитанный на таких примерах, он с максималистской настойчивостью искал того же – не

меньшего – и для себя самого, для своей будущей семьи. Искал и не находил. То, что он с искренним убеждением считал нормой, то, что представлялось нормой в книгах русских классиков, составлявших благодаря незаметной настойчивости родителей круг его чтения в детстве и юности, всё это постепенно переставало быть нормой в окружающей повседневности.

Но, пожалуй, самым главным было то, что мама всегда работала. Во время войны, будучи ещё шестнадцатилетней девчонкой, – токарем на авиамоторном заводе. Потом – в школе, с двойной нагрузкой. При этом она никогда, ни при каких обстоятельствах не роптала, не жаловалась на обилие труда, нередко непосильного. Неизменно ставя Долг, Необходимость выше желаний, а духовное над материальным, бытовым, повседневным, родители, как-то незаметно вовлекая в труд и посильную помощь своих детей, вырастили из них не потребителей, не стяжателей, но людей и граждан. Позже, познакомившись с трудами историка Л. Н. Гумилёва, Фёдоров понял, что его родители, особенно мама, были теми людьми, кого Лев Николаевич называл пассионарными личностями.

ГЛАВА 2.

После похорон матери, когда окончилась вся эта суета, связанная с оформлением необходимых бумаг и с организацией тягостной процедуры, наступило время полного вынужденного безделья. Алексею подумалось, что какими бы излишними ни были, какими бы издевательскими ни представлялись организационные хлопоты при похоронах, именно они давали ту нагрузку, ту занятость, которые, как выяснилось, абсолютно необходимы, чтобы отвлечь от тяжких размышлений. А их было неспорно, этих размышлений, связанных с потерей самого близкого человека, который дал тебе жизнь, с которым ты зачастую бывал так несправедлив, нетерпелив, к которому не проявлял в достаточной мере элементарного внимания.

И в самом деле, ухаживать теперь было не за кем. “Подходящего рабочего места” (так это называлось в службе занятости) для Фёдорова по-прежнему не находилось. Отпала нужда в постоянной стирке, перекладывании больной каждые два – три часа (во избежание новых пролежней). Некого было уговаривать съесть ещё хотя бы одну чайную ложку пищи, столь необходимой, чтобы поддерживать едва тлеющую жизнь. Некому было менять подгузники, ставить капельницы, делать инъекции и менять в магнитофоне кассету с Азнавуром на Вивальди или наоборот. Никто уже по ночам не нарушал твой зыбкий сон слабым стоном и просьбой для чего-то подойти. Но сна по ночам теперь всё равно не было. Виктория, которая взяла свой очередной отпуск ещё за день до смерти Ольги Алексеевны, тоже мучилась от бессонницы.

Всю первую ночь после смерти мамы они пролежали в постели, обнявшись, не говоря ни слова. Вику временами охватывала дрожь как от холода, хотя в доме было жарко. А в ночь после похорон она вдруг разрыдалась. Алексей,

выйдя из дремоты, осторожно взял жену за вздрагивающее плечо:

- Что случилось, милая? Ну, что с тобой, скажи мне, пожалуйста?!
- Маму жалко. Ей так хотелось о чём-то со мною поговорить в тот последний день, а я...

Алексей Витальевич, зная, что его жена надежна и совестью, и развитым чувством справедливости, услышал такие слова, которые послужили для него ещё одним подтверждением обоснованности его глубоких чувств и привязанности к супруге. Виктория, отвергнув его утешения, сказала в ту ночь, что Ольга Алексеевна была и для неё *самой настоящей* (она выделила эти слова) матерью и что следовало бы и *было* возможным уделить ей хотя бы немного больше времени и внимания. Всё же Алексею Витальевичу как-то удалось утешить жену, а потребовавшиеся от него при этом душевные усилия и находчивость обеспечили ту необходимую нагрузку, которая позволила и ему самому погрузиться в неглубокий сон.

Но с каждым последующим днём Викторией стала всё больше овладевать какая-то иная грусть. Жена всё больше погружалась в задумчивость, потом по её лицу стало заметно раздражение, вызываемое, как ни странно, именно вниманием мужа. Дальше – больше. Впрочем, Фёдорову не пришлось долго раздумывать о причинах таких изменений в настроениях супруги. Вскользь брошенная фраза, к тому же ещё – полунамёком, примерно через неделю после похорон, мгновенно объяснила происшедшие изменения. Это были мысли о другой трагедии, происшедшей в тот же самый несчастливый последний рабочий день недели – тринадцатого июня. Мысли о тех событиях терзали и самого Фёдорова, но постепенно были вытеснены повседневными трудами и хлопотами при уходе за умиравшей матерью.

То происшествие, хотя и случилось оно на пару часов позже двойного перелома бедра у матери, стало известным Фёдорову раньше, немедленно. Оно лишило их обоих – и его самого, и его супругу, последних надежд на обретение потомства. Было это так...

Пятница, тринадцатое июня, выдалась жаркой, безоблачной, сулившей не только отдых на берегу, но и возможность искупаться в море – впервые в этом году. Фёдоров ещё раз оглядел небо и уселся в машину. Вскоре он оказался на дороге, ведущей в Калининград. Дело близилось к вечеру. Попутных машин было немного. Зато встречные попадались всё чаще. За „Двадцатым километром“ они мчались к морю уже сплошным потоком. Алексею Витальевичу то и дело приходилось изворачиваться, проявляя раллистские навыки, чтобы избежать столкновения с каким-нибудь внедорожником или БМВ, шедшим на обгон, не обращая внимания на автомобили, движущиеся по встречной полосе.

Ездить по городу после прихода к власти "реформаторов" становилось с каждым годом всё труднее. Грубейшие нарушения правил движения стали нормой. Разграбившие общенародное добро негодяи не считались ни с кем, уподобляясь при движении по улицам города лыжникам-слаломистам. Они не подавали никаких предупредительных сигналов, по обыкновению требуя убраться с дороги тех, кто двигался по городу с разрешённой скоростью или же на более старых, тем более – советских, машинах. За городом же владельцы дорогих машин, купленных отнюдь не на заработки, нагло шли на обгон, в лобовую атаку, уверенные в том, что встречный свернёт на обочину, затормозит или пропустит как-нибудь иначе нового хозяина жизни.

Вот и сейчас один такой деятель высунулся из-за автобуса, шедшего вместе со всеми в потоке на Светлогорск, увидел, что за „фордиком“ дорога свободна, и рванул

на обгон, включив звуковой сигнал. У Фёдорова, ехавшего на скорости около семидесяти, не было никакой возможности затормозить, вписавшись между придорожными деревьями. Мгновенно оценив ситуацию и почувствовав лёгкий холодок в груди, он взял чуть левее – ближе к встречным, мчавшимся по узкой асфальтовой полосе, включил дальний свет и звуковой сигнал. Нахал на „Фронтере“ вильнул и отказался от обгона. Фёдоров успел заметить, как в открытом заднем окне внедорожника мелькнула волосатая рука, будто бросающая что-то. Так и есть! Это была бутылка. Увернуться от неё не представлялось никакой возможности, но этого и не понадобилось: завихрения воздуха, вызванные движением автобуса впереди „Фронтеры“, отклонили траекторию бутылки и она разбилась о дорогу метрах в пяти за „Фиестой“ Фёдорова. В зеркало заднего вида он видел красное пятно, расплывшееся по асфальту.

Года за два – три до описываемых событий Фёдоров переиначил старый анекдот на тему о незаконном получении водительских прав. Предпринимателя, проехавшего перекрёсток на красный свет, сидящий рядом с ним приятель спрашивает:

- Вован! Ты чё?! Красного не видел? Права-то у тебя есть?
- Всё путём! В ГИБДД мне ещё на новый год права подарили!

За мостом возле бывшего штаба Одиннадцатой армии встречная полоса почему-то казалась менее загруженной, а поток, шедший к городу, стал значительно плотнее. Теперь скорость составляла не более полусотни километров в час. На такой скорости ветер уже не успевал выдуть из салона жар, исходящий от припекаемой солнцем крыши. Фёдоров взглянул на часы: пожалуй, он может не успеть к концу рабочего дня Вики. У въезда в город стоял усиленный милицейский пост. Гаишники, как обычно,

выхватывали из потока самые безобидные машины, такие, водители которых вряд ли имели связи или сверхдоходы, зато в чём-то могли оказаться нарушителями. Фёдоров сознавал, что и машина, на которой он ехал, близкая к возрасту совершеннолетия, и весь его внешний облик выдавали принадлежность именно к *такой* категории. Но ему повезло: гаишники как раз задержали „Пассат“, двигавшийся в потоке места на три впереди него. За милицейским постом дорога была свободна, и Алексею Витальевичу удалось наверстать упущенное и вовремя прибыть к месту работы супруги.

Вскоре со своей обычной доброй и какой-то по-детски доверчивой улыбкой она вышла на стоянку. Садясь в машину, жена сказала Фёдорову:

- Фу-у! Наконец-то рабочий день кончился! Сегодня меня совсем задержали! Голова раскалывается!
- Что, опять кредитные дела?
- Ну да! Представляешь, требуют, чтобы я заключение без документов делала!
- А ты не поддавайся! Отвечать ведь тебе придётся, если что не так!

Она согласилась. Правда, тут же предложила:

- А может, мне сесть за руль? Развеюсь.

Мог ли Фёдоров, был ли вправе при таких обстоятельствах позволить это беременной жене, донельзя уставшей на работе и чувствующей недомогание? И он без колебаний отверг её идею:

- Устала – отдыхай. У тебя на каждой чёрточке лица написано: утомлена.
- Утомлена – не то слово. Измотана.
- Тем более! Рисковать не будем...
- К тому же тремя жизнями, - согласилась она.

Знать бы, что случится... Ах, как это бывает важно – знать наперёд, что произойдёт. Спрашивается, был ли виноват Фёдоров на самом деле в том, что случилось вскоре после этой беседы...

Вика тогда согласно кивнула, а Фёдоров запустил мотор, одновременно включив указатель левого поворота. Через какое-то время они уже ехали по Советскому проспекту к выезду из города, двигаясь в левом ряду, рядом с трамвайными путями. Правый ряд был занят автомобилями, припаркованными как попало и не взирая на запрещающие знаки. Но чем дальше от Северного вокзала, тем свободнее становилась дорога. Так что на перекрёстке с улицей Чайковского Фёдорову удалось немного опередить трамвай, всё время шедший рядом. Оставался какой-нибудь километр до улицы Яналова. А там двигаться станет гораздо проще.

Не успел Фёдоров об этом подумать, как вдруг почти прямо перед капотом оказалась пошатывающаяся фигура крепкого молодчика со складчатым бритым затылком. Двигаясь в узком коридоре между трамваем и припаркованными машинами, Фёдоров не заметил, откуда вынырнул этот тип. Не глядя ни на кого, он рванул незапертую дверцу своего „Мерседеса“. Между этой дверцей и вновь нагнавшим трамваем проскочить не удастся, слишком узко. На то, чтобы остановиться, не хватит метров трёх – пяти. Всё это Фёдоров оценил мгновенно, ещё до этого неосознанно начав тормозить. В ушах его звенел испуганный крик жены:

– Лёшенька!!!

Когда управляемый Фёдоровым „Фордик“ остановился, до трамвая было не более пяти сантиметров. Между правым боком „Форда“ и „Мерседесом“ зазор оказался раза в два больше. Но всё это Фёдоров оценил потом. А сейчас, взглянув вправо на крик жены, он видел только её испуганное лицо, цветом напоминавшее гипсовую статую, только

замершие от ужаса глаза, которые стали совсем чёрными из-за расширившихся зрачков. Увидев, что столкновения удалось избежать, Алексей Витальевич улыбнулся и похлопал жену по руке с пальцами меловой бледности, судорожно вцепившимися в сиденье:

- Успокойся, милая. Всё обошлось!
- Нет, Лёша! Не обошлось... – каким-то потухшим голосом едва слышно возразила жена и отцепила от сиденья кисть своей левой руки.

Правой рукой она по-прежнему упиралась в панель чуть ниже ветрового стекла. Фёдоров взглянул на левую руку и почувствовал, будто сердце его остановилось: рука жены была красной от крови. Доктору медицинских наук не нужно было гадать, что это означает: всё предельно ясно! Он попробовал выскочить из машины, но это оказалось невозможным – дверца упёрлась в трамвай. Тогда он опустил стекло и попросил людей, высыпающих из трамвая посмотреть на происшедшее, чтобы они освободили проезд:

- Разойдитесь! Ну, пожалуйста, дайте проехать! Жене совсем плохо – вон, смотрите, вся в крови!

Вика действительно, ещё не успев полностью осознать, что произошло, с недоумением рассматривала свою левую кисть.

Как обычно в таких ситуациях, женщины оказались и сообразительнее и отзывчивее.

- Ну-ка! Мужики! Прочь с дороги! Дайте проехать! Видите, вон у него жена рожает! – стала распоряжаться грубым, прокуренным голосом сорокалетняя толстуха, лицом напоминавшая базарную торговку, которая лишь на секунду впилась цепким взглядом в Вика. – Вон лучше с делягой из „Мерса“ потолкуйте, куда он г...к лез, прямо под колёса!

Чувствуя холодок в груди, но стараясь не поддаваться отчаянию, всё больше овладевавшему им, Фёдоров поставился целиком сосредоточиться на управлении машиной. Развернувшись прямо на трамвайной остановке, он помчался по направлению к ближайшей больнице, где могли оказать акушерскую помощь. Вика, видимо, уже начала осознавать, что с ней произошло, потому что слабым, лишённым какого бы то ни было выражения голосом спросила:

- Лёша, куда ты меня везёшь? Зачем?..
- Не кудакай! Сиди спокойно! Я знаю, что делаю! – резко ответил Фёдоров, проскочив перекрёсток на загоревшийся красный свет и не переставая нажимать кнопку звукового сигнала.

Сейчас ему был нужен весь его опыт автовождения, все навыки: надо было и в больницу попасть как можно скорее, и избежать новых аварийных ситуаций, и ГАИ не слишком раздражать. Ведь, если остановят, в больницу ехать станет совсем уже незачем... И тут, как назло, когда до отделения патологии беременности оставалось всего каких-то двести – триста метров, на их пути оказался пешеходный переход. Какой-то парень уже ступил на „зебру“. Фёдоров, по всем правилам, был обязан остановиться и пропустить пешехода, но он не сделал этого, а лихо вильнув, объехал парня, не успевшего ничего понять. Не обращая внимания на свистки гаишника, видевшего всё это, Фёдоров помчался дальше. Подъехав к самому крыльцу приёмного отделения, он выскочил из машины, не заглушив двигателя, и взглянув на бледное лицо жены, осознавшей наконец в полной мере, что произошло, рванул входную дверь. Объяснения не заняли много времени – помог и его медицински грамотный язык, и внешний вид, выдававший как отчаяние, так и явные попытки его скрыть. К тому же, полноватая женщина, с которой говорил Фёдоров, оказалась заведующей отделением. Она стала быстро отдавать распоряжения, но Фёдорову было не до её слов и их содержания. Он уловил и запомнил лишь две

вещи: что заведующую зовут Татьяна Владимировна и что она человек надёжный, наш – советский. А ещё ему запомнились вполголоса сказанные ею слова:

- Успокойтесь, коллега, сделаем всё, что можно. *Это я Вам обещаю!*

Вернувшись к своей машине, Фёдоров заметил, что возле неё стоит „Фольксваген“ дорожно-патрульной службы, а вышедший из него сержант с каменным, полным служебного рвения лицом подходит к Вике, безучастно замершей на сиденьи. Сержант уже взялся было за ручку дверцы, но Татьяна Владимировна совсем другим тоном, чем разговаривала с Фёдоровым за минуту до этого, остановила автоинспектора:

- Ну-ка, сержант, не тревожь больную! Лучше бы помог!– И продолжила, обернувшись к санитарке: – Маша, а ты зайди с левой стороны! Давайте живее! Где носилки?!

И сержант, и нехотя вылезший из патрульной машины лейтенант со строгим официальным выражением лица, мгновенно позабыли о своей служебной миссии и переглянулись, увидев кровь и на подушке сиденья „Фордика“, и на юбке женщины, которую бережно, но споро и ловко извлекли из машины сотрудницы больницы. Татьяна Владимировна тронула Фёдорова за рукав и ласково, всё понимая, спросила:

- Вы останетесь, коллега? Подождёте?

Фёдоров молча кивнул и покосился в сторону лейтенанта, которому заведующая бросила с оттенком неприязни, на мгновение мелькнувшим на её лице:

- Отстали бы вы, лейтенант, от человека! Благодарить надо таких водителей, а не наказывать!
- Мы что – не люди?! – произнёс лейтенант, движением руки указав сержанту, чтобы тот вернулся в патрульный

автомобиль, и добавил: – Да, и наказывать, особо, не за что. Ну, пешеходу на переходе не уступил... Сто рублей штраф... Ладно! Учтём крайнюю необходимость...

Уже совсем вечерело, когда давешняя санитарка, выглянув из дверей отделения, сказала Фёдорову, что его ждёт заведующая. Чувствуя неприятную дрожь во всём теле, Алексей Витальевич шагнул через порог. Он старался прогнать мысль о непоправимом, не дать ей оформиться. Но, взглянув в лицо Татьяны Владимировны, понял, что дурные предчувствия его обманули лишь наполовину. Он не помнил слов заведующей. Та что-то говорила об упущенном времени, возрасте, о необходимости сохранения жизни его жены, о том, что для неё теперь опасность миновала. Фёдоров взглянул в лицо врача и перебил её вроде бы неуместным вопросом:

- Скажите... Это – всё? Шансов у нас больше не будет? Или, всё-таки...

Заведующая взглянула в страдальческое лицо Фёдорова и, не решившись ответить, лишь отрицательно покачала головой. И в этот момент он услышал звонок своего мобильного телефона. Извинившись перед Татьяной Владимировной, он достал телефон. Видимо, услышанное отразилось на его лице, потому что заведующая задала вопрос тоном, в котором не было даже намёка на любопытство, а лишь явное сочувствие:

- Что-то ещё неладно?
- Соседка. Говорит, что мама разбилась, уже несколько часов лежит на полу. С переломом. Без помощи... Одна...
- Тринадцатое июня... – пробормотала себе под нос заведующая, но Фёдоров услышал и ответил:
- Да... Знаете... Раньше я всегда подшучивал над приметами... Поеду к матери.
- Езжайте! С женой вашей всё будет в порядке!

Впоследствии Фёдоров не раз задумывался над событиями злосчастной пятницы. Он полагал, что в тот дважды трагический день *действительно* был косвенно виноват в том, что они чудом не попали тогда в дорожно-транспортное происшествие. Точнее, это было не чудом, а результатом виртуозной техники вождения автомобиля, подтверждённой наличием у Фёдорова водительских прав первого профессионального класса и сотнями тысяч наезженных километров без единой аварии. Но верным было и другое: будь тогда за рулём маленького „Фордика“ не он, а Виктория – они бы оказались в опасном месте на несколько секунд позже. И этого времени как раз бы хватило для того, чтобы тот скоробогадый молодчик с жирным бритым затылком, покрытым шрамами, оказался у своего "Мерседеса" позже, уже не подвергая риску их с Викой.

С другой стороны, верным было и то, что *он не мог*, просто *не имел права* усадить за руль свою беременную жену, к тому же, ещё и предельно уставшую на работе. Но, *в самом ли деле* тот испуг, который пережила Виктория при этом происшествии, был причиной выкидыша, а не поводом, который лишь выявил неспособность жены выносить ребёнка. Ту неспособность, что была обусловлена и повседневными перегрузками на работе, и общей ослабленностью здоровья, хотя бы из-за отсутствия ежегодных отпусков, пребыванием в "Чернобыльской зоне" и неправильным питанием?! Напрашивался и совсем уже крамольный по нынешним временам вопрос: а как бы развивалась её беременность *в Советском Союзе*, будь она юристом-консультантом не в частной фирмочке, финансировавшей несколько лет назад Всемирный еврейский конгресс, а на государственном предприятии, находишь под наблюдением врачей, имей ежегодные отпуска и здоровое питание (безо всех этих "ножек Буша" и "сливочного масла" из непонятных жиров?!).

Но... Фёдоров всё же *был* в тот день за рулём. Но он всё-таки оставил жену в больнице *одну*. Правда – под наблюдением заботливой и квалифицированной Татьяны Владимировны. Но утраченный тогда шанс обзавестись наследником был и в самом деле, как, подбирая слова, смущаясь и понимая всё, объяснила дня через три Татьяна Владимировна, *последним*... Поэтому Алексей Витальевич не спорил теперь с женой, выслушивая от неё не вполне объективные и недостаточно справедливые, как ему казалось, обвинения. Честно говоря, и сил у него на это не хватало. Слишком уж дорого обошёлся для него этот двойной удар судьбы, эти полугодовые нагрузки, связанные с бессменным исполнением функций одновременно врача, медицинской сестры, санитарки, прачки, кухарки.

Видимо, неправильным было и то, что он, выслушивая от жены нынешние упрёки, лишь мрачнел ещё больше, молча, всё больше уходил в себя, в своё двойное горе, обострённое полным исчезновением нагрузок, которые ещё несколько дней назад были непосильными. Верным находил он и тот упрёк Виктории Петровны, что жизнь их *в этом доме* не заладилась с самого начала.

Вначале, когда, разрываясь между водителем грузовика, привезшего мебель, и алкашами, копавшими перед домом яму-водосборник, он не загородил тогда плохо подогнанную дверь в туалет. Маленькая, удивительно красивой раскраски трёхцветная кошечка, проявив вполне естественное для едва прозревшего существа любопытство, воспользовалась этими минутами, забралась на только что установленный унитаз и утонула. Её широко раскрытые в предсмертном ужасе огромные голубые глазёнки, бывало, и теперь мерещились Фёдорову по ночам во сне.

На другой день, отвлекшись от дела из-за приехавшего на участок милиционера, искавшего "незаконных мигрантов", выпустил на землю литров сто драгоценного

дизельного топлива, перелившегося через патрубок бака котла отопления. Ещё днём позже в доме запахло смертью в самом прямом смысле: птенец скворца, каким-то чудом проникший в дом, погиб возле стекла кухонного окна, выходявшего на южную сторону. Было ещё несколько неприятных событий, о которых Фёдоров просто не стал рассказывать своей жене.

В прошлом он неизменно подвергал знакомых критике за суеверия, порой с едкой меткостью находя опровергающие доводы. Но как-то незаметно, сначала в связи со всё откладывавшейся и откладывавшейся защитой диссертации, готовой уже много лет, а потом из-за с обрушенных на всех "реформ" он стал подмечать, что приметы-то, оказывается, зачастую оправдываются! При этом, как ему казалось, оправдывались только плохие приметы. То есть те, что предвещали нечто плохое. Об изменениях своих взглядов на суеверия и приметы он никому не говорил, вот только мама догадалась. Она и вообще в жизни отличалась необыкновенной наблюдательностью и умением по незначительным признакам строить точные прогнозы, а уж родного сына, хотя и видела его не столь часто, раскусила мгновенно, сказав очень серьёзным тоном, исключавшим малейший намёк на насмешку:

— Ну, вот! Теперь и Лёшечка понял, что не все приметы глупы и лишены значимости...

В тот раз он промолчал, не ответил матери. Впрочем, это и не требовалось. А теперь, пережив две трагедии, удивительным образом оказавшихся связанными и с некогда смешным тринадцатым числом, и с забавлявшей его пятницей, он предложил Виктории:

— Надо пригласить священника. Пусть окропит наш дом...

Жена, взглянув на Фёдорова с некоторым удивлением, ответила со вздохом:

- Чего уже теперь-то... Это надо было сделать раньше, до привоза мебели! Хотя... конечно, давай, пригласим!

Виктория Петровна открыто называла себя верующей, хотя Фёдоров считал, что оснований для такой самооценки у жены маловато: постов, обрядов она не соблюдала, значений тех или иных действий священнослужителей объяснить не могла, а в церковь ходила лишь в связи с какими-либо серьёзными событиями, лично значимыми для неё – тяжёлая болезнь её дядюшки, Ольги Алексеевны, годовщины смертей родных. Правда, во всём доме она развесила иконы, но молиться не умела и не пыталась. Когда Алексей Витальевич говорил жене, что до звания верующей она не дотягивает, она не обижалась и не спорила с мужем. Сам же Фёдоров, будучи учёным–естественником, сознававшим наивность официальных религиозных доктрин и догм, в сущности по-атеистически полагал, что тяга к религии, как и разного рода суеверия, связаны с одним и тем же – наступлением в жизни человека цепи весьма значимых для него событий, которым не умеет, не может найти естественных объяснений. Другой важной причиной он считал необходимость внутренних опор в психике, в душе человека, при взаимодействии его с внешним миром. Наконец, он отлично сознавал, что научный метод познания мира – лишь один из многих других, к тому же неразрывно связанный с особенностями развития европейской (именно и только этой!) цивилизации. Экспериментальный же метод познания природы является детищем святой инквизиции, хотя об этом и знают немногие.

Конечно, такие взгляды Фёдорова в немалой степени объяснялись и тем, что ещё в юности он познакомился с философскими воззрениями великих цивилизаций Востока, прежде всего – Китая и Индии. Но окончательно вырваться из рамок идеологии евроцентризма с порождёнными ею мальтузианством, дарвинизмом и социал-дарвинизмом,

закрепощающей пытлиую мысль исследователя "бритвой Оккама" и так далее, Фёдоров смог лишь осознав и тщательно обдумав те странные события, которые пережил в студенческие годы. Занимая официальные должности в вузах и научных исследовательских учреждениях, Алексей Витальевич никогда и ни с кем не делился своими соображениями. Хотя он и пытался изложить свою собственную философскую систему взглядов на бумаге, эти заметки всегда были его личной, глубочайшей тайной для всех, не исключая самых близких людей.

К практическому воплощению некоторых из своих идей он приступил лишь в связи с так называемой перестройкой, когда в 1989 году со всей отчётливостью ему представился неизбежным грядущий крах *всего*, прежде всего, самой страны и жизнеустройства в ней. Принять это со смирением он не мог и не хотел. А к непосредственным практическим шагам его подтолкнула собственная, совершенно не ожидавшаяся им безработица. Эта внезапная беда дала свободное время и оказалась сопряжена ещё и с наличием немалых денежных средств, накопленных Фёдоровым за долгие годы интенсивного труда и скромного потребления. К тому же, тогда вдруг появилась ещё и возможность купить для своих опытов *любое* некогда военное оборудование.

К середине своего отпуска, то есть недели через две после смерти Ольги Алексеевны, Виктория Петровна резко, как бы сознавая свою неправоту, заявила мужу:

— Завтра я уезжаю к матушке в Брянск!

Фёдоров помрачнел, но старался сохранить хотя бы внешнюю видимость спокойствия, понимая, что жена не просто устала, а изнемогла. Он лишь спросил:

- Надолго, Вика?
- Я же сказала: "уезжаю", а не "съезжу"! Неужели непонятно? Всё!... Я так больше не могу! Ничего у нас с тобой не получилось!! И не получится!!!

Фёдорова уже три – четыре дня мучило непонятное, нараставшее охлаждение со стороны жены, совсем недавно ещё столь родной, такой близкой, всё понимающей, способной не только на практические совместные действия, но и на глубокое душевное сродство и единство. Эти её качества казались ему глубокими и неизбывными. Ещё каких-то пару недель назад Виктория Петровна безропотно, по своей инициативе помогала ему в ночных переключиваниях в постели умирающей матери, хотя наутро должна была ехать в Калининград на работу в жестоких условиях нового трудового кодекса. Ещё несколько дней назад она вроде бы искренне оплакивала Ольгу Алексеевну, называя её своей матерью, а перед этим взяла отпуск, предвидя наступающий неизбежный исход и связанные с этим хлопоты. Что же случилось? Как, когда, почему произошел этот роковой поворот в её душе, в отношении к нему?

- Наверно, я плохой муж. Не умею предугадать и предупредить перемены в твоём состоянии. Не сумел смягчить удары, которые на нас обрушились. Но ведь – на нас обоих, а не только на тебя.

Она не стала возражать, лишь молча вздохнула. А он подумал: “Надо что-то сказать о не родившемся ребёнке. Ведь для Вики это – самая страшная потеря. Ещё раз выплеснуть и свою боль? Напомнить, что считаю виноватым себя?” И тут же отказался от этой мысли: “Это же соль на рану. Нужны какие-то другие, особые слова. Такие, которые смогли бы всё переменить. Пусть будет взрыв отчаяния, пусть будут рыдания, даже истерика. Со слезами, криком уйдёт её оцепенение, замкнутость, внутренняя боль”. Но таких слов он не нашёл и сказал буднично и просто:

– Не уезжай! Вдвоём не так больно.

Виктория помолчала, словно взвешивая его доводы, но ответила, ещё раз вздохнув, сурово и категорично:

– Переболеем поодиночке.

Дальнейшие объяснения не привели ни к чему хорошему. Алексей Витальевич не смог, не сумел найти нужных слов, которыми удалось бы остановить его жёнушку от непоправимого шага. Да и могли ли здесь вообще помочь какие бы то ни было слова? Скорее – наоборот! Мрачное же выражение его лица, неухоженный внешний вид, какая-то его встрёпанность странным образом лишь отталкивали Викторину Петровну от мужа, вместо того, чтобы пробудить сочувствие к нему. Исходившее от мужа, хотя и невысказанное им, чувство безнадёжности, тщетности любых усилий лишь подкрепляли её решение, сомнения в справедливости и стойкости которого она старательно изгоняла из своего сознания. Её психологическая выносливость, и вообще-то невысокая, была истощена нагрузками последних месяцев. Чтобы прекратить неприятную для неё сцену, не сочувствовать страданиям мужа ("Что же это такое я делаю?! Я же не права!"), Виктория Петровна закончила так:

– Ну, всё! Поехала! Переночую у Насти в Калининграде. Оттуда ближе до вокзала!

Виктория Петровна взяла, как выяснилось, уже подготовленный ею, видимо нелёгкий чемодан, не оглядываясь, покинула дом и села в стоявшую посреди двора машину. Запустив двигатель и так и не взглянув в сторону покидаемого мужа, она уехала.

Фёдоров простоял в оцепенении ещё несколько минут на высоком крыльце дома, совершенно не чувствуя мороза. Затем медленно, споткнувшись о порог, вошёл в дом. Мелькнула мысль позвонить Насте – племяннице Вики. Но

Фёдоров сразу же её отбросил: ничего это не даст; с глазу на глаз не удалось,— где уж тут объясняться по телефону! Да, и племянница, скорее всего, поддержит любимую тётушку, не утруждая себя взвешиванием обстоятельств.

Постояв ещё несколько секунд в прихожей с этими тягостными размышлениями, Фёдоров прошёл в свой пустой, никому теперь уже не нужный дом. Дом, в строительство которого было вложено столько души, трудов и средств. Зашёл сначала в комнату, где тринадцатого января скончалась его мать. Тут же прошёл в спальню и, увидев на спинке стула халатик жены, упал на колени перед широкой деревянной самодельной кроватью. Он разрыдался, уткнувшись в покрывало, — во второй раз за эти тяжкие две с небольшим недели, как, впрочем, и за многие годы.

ГЛАВА 3.

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА.

Фёдоров сознавал, как цепко сочетаются в нём отчаяние и решимость. Разве не в таких обстоятельствах самоубийцы отваживаются на свой последний, зачастую непоправимый шаг? Но имелось существенное отличие: самоубийство – это смелость труса; человек решается на свой, как он надеется, непоправимый шаг для того, чтобы избежать вызываемых жизнью страданий. Тогда ему кажется, что исчерпаны все возможности, утрачены последние надежды, а само продолжение существования представляется нестерпимым. Тут-то человек и становится готовым на всё, лишь бы завершить свой земной путь. Фёдоров тоже испытывал отчаяние, которое многократно усугублялось ощущением собственной вины. Ему не было дела до того, насколько это сознание собственной виновности соизмеримо с действительностью. Он был готов на всё, но... в том числе и на новые страдания, лишь бы исправить положение. Иначе говоря, вектор отчаяния и решимости был направлен не на смерть, а на жизнь, пусть даже и связанную с новыми страданиями!

Возможно ли исправить прошлое? Он этого не знал, как не знал и никто другой. Но у него было, пусть – иллюзорное, подспорье: собственная концепция мироздания, из которой следовало, что информация не появляется из ничего и не исчезает бесследно, как это за сотни лет до его рождения было предположено в отношении энергии. В данном случае речь шла о той особой, структурированной "информации" (он не был уверен в правильности использования, применимости этого понятия), которую принято называть человеческой душой. Вторым подспорьем были построенные им втайне от всех аппараты. Он не был

уверен ни в правильности своих гипотез, ни в том, что верно воплотил эти свои мысли и надежды в приборы. Он создавал риск того, что замыкание его на самого себя, точнее – наложение его нынешнего сознания на своё собственное, но – *прошрое*, как будто бы исчезнувшее из реальности, – может привести к безумию. Однако и жить с сознанием собственной вины он тоже не мог. К тому же, на ком, как не на самом себе, учёный может и должен проверять свои недостаточно обоснованные, зыбкие гипотезы?! Если же опыт удастся, то это станет революцией в науке, а не только успокоением своей больной совести. А потери в случае удачи сводились всего лишь к нескольким месяцам жизни, которые предстояло прожить заново.

Приняв такое решение, Алексей Витальевич почувствовал огромное облегчение. Не откладывая исполнение своего замысла более ни на одну минуту, он спустился в подвал, протиснулся в свой потайной отсек и приступил к эксперименту...

Очнувшись, он оказался в крошечной темноте. При этом ощущалось какое-то странное чувство раздвоения: он как будто бы сидел в кресле своей экспериментальной установки "консервации сознания" и одновременно находился на свежем воздухе, возле недостроенного дома. Но в таком случае должен быть день! Почему же он ничего не видит? Ослеп? Этого ещё не хватало! Фёдоров дёрнулся всем телом, и странное ощущение пребывания одновременно в двух местах прошло. Но память... память была необыкновенной: он помнил или знал всё, что должно сейчас произойти, вернее, что произошло в *тот* день, около семи месяцев назад. Одновременно в мельчайших деталях он вспомнил или увидел то, что произойдёт (или произошло?) спустя эти тяжкие месяцы. Да, это было уже нечто вроде

чёткого предвидения *будущего*, так как он действительно сидел на корточках перед корытцем, в котором замешивал строительный цементный раствор. И, как он отчётливо понимал, развитие событий, ведущее в это будущее, зависело теперь прежде всего от него самого. От него и ни от кого больше! Раздвоенность не исчезла, но странного ощущения одновременности пребывания здесь и в кресле опытной установки больше не возникало. Появилась уверенность в том, что его фантастический опыт удался. Ещё возникло сознание огромной ответственности. Фёдоров теперь как бы руководил своими собственными поступками на основании детально точного знания будущего. Того будущего, которое он намеревался предотвратить.

Он предполагал, что после преодоления бифуркации, вернее – лишь в случае *успешного* её преодоления, ощущение раздвоенности должно ослабнуть или исчезнуть, так как всё развитие зависящих лично от него событий пойдёт по другому пути, *должно* пойти в другом направлении. Фёдоров взглянул на часы и поднялся. Первым побуждением было сесть в машину и отправиться на обед в свою тесную квартирку, предназначенную к продаже. Но второе сознание – из будущего, говорило ему: "Стоп! Сейчас ты отправишься к своей матери, сделаешь за неё всю домашнюю работу и не допустишь её падения!" Того самого падения, которое привело к перелому, к варварски сделанной операции, к пролежню, интоксикации, к смерти.

Он сел в маленький "Форд", завёл мотор и вскоре был в маминой квартире. Мама, увидев его, обрадованно улыбнулась и попыталась подняться с кресла со словами:

– Лёшечка пришёл! Вот хорошо! Сейчас я тебе дам пообедать! Ну, как там на стройке?

– Нет, нет, нет!!! – возразил Алексей Витальевич, подбегая к матери, и осторожно вновь усадил её в кресло.

В этот момент странное и неприятное чувство раздвоенности сознания у него исчезло. Раздвоенность как бы испарилась, но знание будущего сохранилось в мельчайших деталях. "Значит, пока я всё делаю правильно!" – подумал Фёдоров и начал осуществлять свой план – лечить мать, спасать её жизнь. Одним словом, исправлять реальность, которая хотя и состоялась, но была для него совершенно неприемлема, нестерпима, завершилась полным крахом... Он намеревался весь сегодняшний день провести с матерью, а с завтрашнего дня начать лечить её препаратами для укрепления костей.

Странное дело: чувствуя нараставшую физическую усталость, он одновременно испытывал огромное моральное облегчение, даже некую приподнятость. Пообедав и не допуская, чтобы мать поднялась из своего кресла, Алексей Витальевич обзвонил аптеки Калининграда, узнал, где можно купить необходимые лекарства. Затем позвонил жене, сказал ей несколько ласковых и приятных слов и предупредил, что сегодня задержится у матери.

- А ты, солнышко, звонишь от неё? – спросила Виктория Петровна, – Что-нибудь случилось?
- Да! – ответил Фёдоров, – Есть основания! Потом расскажу. Сегодня тебе придётся ехать на автобусе, слышишь? Не на маленьком, а на большом, на том, что отправляется в семнадцать десять! Сможешь не опоздать на него?

В ответных словах жены не было ничего, кроме удивления, но в тоне Фёдоров уловил признаки обиды. Да и было от чего: почему это он не может заехать к ней на работу, забрать – в её-то положении, а затем вместе съездить в универсам, как это было уговорено?! Так оно и произошло *прошлой* действительности. Алексей Витальевич, не зайдя к матери и отдохнув до четырёх, отправился в Калининград,

встретил свою радостно улыбнувшуюся ему жену, усадил в машину, отметив про себя, что изменения её фигуры теперь, пожалуй, заметны уже не только женщинам. А потом.... Потом был сплошной кошмар: пьяный бритоголовый деляга, ринувшийся к своему "Мерседесу" прямо перед капотом машины Фёдорова; резкий визг тормозов, белое как мел лицо жены и кровь на её сиденьи; бешеная гонка через весь город в акушерско-гинекологическую больницу; бессонная ночь возле отделения патологии беременности; звонок на сотовый телефон маминых соседей, сообщивших, что Ольга Алексеевна лежит на полу и кричит от болей: видимо, перелом, и нет никого рядом с ней...

Эти мысли или, точнее, воспоминания мгновенно пронеслись перед Фёдоровым, когда он, мучаясь сомнениями в правильности избранного решения, спокойным тоном увещевал свою любимую:

- Птичка! А ты помнишь, какой сегодня день, какое число? Правильно! – Пятница, тринадцатое июня! Так что, – ты же меня знаешь, – лучше мне сегодня никуда на машине не ездить, а тебе не спешить, не напрягаться и не нервничать! Если не успеешь на пятичасовой, то не спеши, не волнуйся, а позвони, когда выедешь. Я тебя встречу.

Тон ответа жены успокоил Алексея Витальевича: выходило, что его объяснения были ею приняты. Зато мама видимо уловила что-то неестественное, непривычное и в его тоне, и в поведении. Она с недоумением и растущей тревогой смотрела на своего сына. Заметив это, тот счёл возможным солгать ей:

- Понимаешь, нехороший сон видел... Да и день сегодня действительно нехороший. Боюсь садиться за руль! Никуда я от тебя не уйду, пока спать не ляжешь... Ты только не волнуйся!

- А как же Вика?! Как ты можешь оставлять её одну в таком-то состоянии?! А стройка, наконец? Я хочу скорее в домик, чтобы мы жили там все вместе! – с нарочито детской интонацией, но с ещё не угасшей тревогой в глазах протянула Ольга Алексеевна.

Фёдоров, как умел, успокоил мать и, отправившись на кухню, стал ловко орудовать кастрюлями и половниками. Услышав, что мать грохочет костылями, пытаясь встать с кресла, Алексей Витальевич бегом бросился в комнату и усадил старую женщину в кресло с мягким упрёком:

- Я же просил, мама, сегодня не вставать!
- Но мне... Но мне нужно... в одно место! – возразила мама.
- Хорошо! Тогда давай, пересаживайся в коляску, а я тебя поддержу и довезу!

Возникшее было вновь чувство раздвоенности при этом опять исчезло. "Ага!" – понял Фёдоров, – "Вот и метод контроля правильности действий! Значит, бифуркацию пока что полностью миновать не удалось. Достигнутые изменения прошлого не стабильны!" От этих мыслей тревога о жене вспыхнула с новой силой. Он набрал номер её сотового телефона, но ответа не дождался. Позвонил на рабочий телефон: тоже нет ответа. Тогда Фёдоров набрал номер охраны и, представившись, узнал, наконец-то, успокоившую его весть: Виктория Петровна ровно в пять ушла с работы на автобус.

Так, в тревогах о жене, заботах о матери прошёл день. Без десяти шесть, заручившись твёрдым обещанием матери не вставать с кресла до его возвращения, Алексей Витальевич отправился на автовокзал встречать жену. Только обняв её, ещё стоявшую на ступеньке автобуса, и опустив на асфальт, он успокоился, а неприятное чувство раздвоенности окончательно исчезло.

Жизнь теперь постепенно налаживалась. Алексей Витальевич исхитрился заручиться помощью так называемых "незаконных мигрантов" из Узбекистана. Они помогли к концу июля закончить в доме все необходимые работы, чтобы можно было вселиться. Рабочие, видя напряжённую и умелую работу их нанимателя, трудились на совесть. Правда, им было не совсем понятно, почему их хозяин так спешит, почему несколько раз в день – всегда в строго определённое время, он садится в маленькую машину и на тридцать – сорок минут покидает их.

Фёдоров же теперь разрывался между строящимся домом, матерью и женой. Для матери за непосильные для него деньги он нанял сиделку или, скорее, няньку, которая не позволяла маме вставать из кресла без посторонней помощи, помогала по хозяйству. Необычное поведение сына озадачило Ольгу Алексеевну. Но у Фёдорова уже были заготовлены объяснения. А в их подтверждение он раздобыл в Калининграде на время чьи-то рентгеновские снимки, которые делали наглядными даже для неискущённых в рентгенологии людей признаки повышенной хрупкости костей с риском перелома. Заставив мать пить препараты, устранявшие повышенную хрупкость её старческих костей, Алексей Витальевич дважды за два месяца возил мать в рентгеновский кабинет детского ортопедического санатория, расположенного совсем рядом. Успокоился он только тогда, когда увидел: снимки до и после начала лечения различаются; структура костей стала постепенно восстанавливаться; перелом шейки бедра теперь стал гораздо менее вероятен.

Но всё равно он не позволял матери самостоятельно передвигаться по дому. Наличие в доме матери посторонней женщины, бывшей сотрудницы санатория, сильно раздражало невестку. Дело в том, что после того как Сева – младший брат Алексея – развёлся со своей женой Валентиной Анатольевной и уехал из Калининградской области в

Краснодарский край, бывшая невестка уже более года оставалась жить здесь же – в том самом немецком домике, который Ольга Алексеевна приобрела здесь, на южном берегу Балтики ценой невероятной находчивости и энергии, посредством двойного (через Брянск) обмена. Тогда, без малого два десятка лет назад, Сева ещё был холост. Завершив свою помощь матери в переезде, он вернулся на своё рабочее место в Донбасс, а к матери переехал лишь спустя два года после обмена.

В уже ставшую уютной небольшую квартиру матери он вошёл не один, а с молодой смуглой женщиной с иссиня чёрными волосами и взглядом, который сразу же пришёлся Фёдорову не по душе. "Смотрит как ведьма!" – подумал он тогда. Было это в разгар необычно знойного для Балтики июля. Брат, войдя в комнату с этой незнакомой чернявой женщиной, сказал:

– Знакомьтесь – Валентина Анатольевна! Фамилия – та же самая!

Женитьба младшего брата была и для Алексея Витальевича, и для их матери полной неожиданностью. Брат не только не испрашивал родительского согласия, но, как выяснилось, даже самый факт своей женитьбы скрывал около полутора месяцев. Может быть, чувствовал, что мать не одобрила бы его выбор? Всё это так и осталось лишь догадками. Зато вскоре выяснилось, что характер и наклонности у молодой невестки самые неприятные. Она была едка и зла на язык, крайне неряшлива, неграмотна, хотя и якобы училась в аспирантуре Воронежского сельхозинститута. Правда, не закончила её. Попривыкнув к обстановке, невестка начала планомерно добиваться цели стать полновластной, притом единоличной хозяйкой в доме матери братьев Фёдоровых.

Ольга Алексеевна, хотя и высказала Алексею уже через месяц полную характеристику Валентины, никогда ни

словом, ни намёком не вмешивалась в отношения молодых супругов. К началу первой зимы выяснилось, что первое впечатление Алексея Витальевича и его матери о невестке точны. Валентина, приняв сдержанность и вежливость новообретённых родственников за слабость и непонимание её сущности, что называется, распоясалась. И дело было не в том, что она пригласила в гости своих родителей, сюда в маленькую двухкомнатную квартиру матери, никого об этом не уведомив. Дело было даже и не в том, насколько неприглядными оказались эти люди: отец не переносил звука льющегося в стакан чая, совершая непроизвольное мочеиспускание; мать Валентины похвалилась, что её собственная мать – бабка Валентины – "знаменитая колдунья", а "у Вали – большие способности". Таким похвальбам Фёдоровы не придали значения, считая, что всё это "колдовство" – лишь уродство характера в сочетании с дурными наклонностями и не имеет никакой реальной силы.

Но хоть Ольга Алексеевна и её старший сын проявляли терпение и сдержанность, избежать конфликта не удалось. И грянул он в предновогодний вечер.

- Валюша, – заметила свекровь, – не следовало бы этим ножом резать хлеб. Ведь ты им только что разделявала мясо и даже не ополоснула его.
- Иди ты знаешь куда! – взорвалась невестка и уточнила адрес. – Ты ещё будешь мне указывать! Я сама разберусь в своём хозяйстве! Всё, кончились твои порядки, интеллигентка! А не нравится – катись отсюда! И усатый твой чтоб больше сюда не ходил!

Ольга Алексеевна опешила, едва не лишилась чувств. Всё это оказалось для старой женщины настолько неожиданным, настолько непривычным, что каких-то подобающих месту слов у неё не нашлось. Она удалилась в свою комнатку, которую ей выделили, разделив самодельной перегородкой прежнюю гостиную. Здесь Алексей и застал

её плачущей. Плачущей тихо, но горько, по-детски безутешно. Выслушав рассказ матери, он не стал выяснять отношения с Валентиной, а попытался поговорить с братом.

- Прояви мужской характер! – советовал Алексей Витальевич. – Она же не только тобой помыкает, но и маму третирует. Если тебе нравится быть у жены под каблуком, – твоё дело! Но маму так унижать, доводить её до приступов стенокардии я позволить не могу!

Было видно во время этой беседы, что младший брат едва сдерживает нетерпение, что разговор для него крайне неприятен, хотя он и сознаёт правоту Алексея. Да и неловкость от осознания Севои своей полной подчинённости Валентине давала себя знать. Так или иначе, но младший брат пообещал Алексею, что всё уладит. Однако Новый год, любимый мамин праздник, был непоправимо испорчен.

Впоследствии такие стычки в кухне стали систематическими. Почему-то вся столовая посуда, перевезённая сюда матерью после квартирного обмена, постепенно оказалась *случайно* разбитой. Невестка купила всё новое и... не позволяла Ольге Алексеевне этой посудой пользоваться. Потом, к восьмому марта, мама получила анонимное, отпечатанное на машинке письмо, в котором в изощрённых выражениях предсказывалась её смерть и гибель её "усатого сына" в автомобильной аварии. Прочитав это письмо, Фёдоров пришёл в негодование. Стиль не узнать было невозможно, а подробности, излагавшиеся в письме, могли знать только те, кто жил здесь или хотя бы был ежедневным гостем. Странное дело, но и Сева, совсем недавно такой покладистый и добрый, к весне совершенно изменился. Ольга Алексеевна уже чуть ли не каждый день слышала от него грубости. Лицо брата приобрело прежде несвойственное ему жёсткое выражение. И это был тот, кого Алексей совсем недавно упрекал в излишней податливости и отсутствии характера!

После очередной вспышки агрессивности невестка на какое-то время затихала. А на несколько дней даже становилась вежливой и предупредительной. Фёдоров утверждал, что это обычная цикличность поведения для такого рода психопатов как Валентина. Но мама не соглашалась, утверждала, что такое поведение невестки после хулиганской вспышки – признак раскаяния, жалела её и... всякий раз прощала. Обладая развитым чувством справедливости и чуткой совестью мама не в состоянии была понять, что бывают люди, вообще, начисто лишённые таких качеств, что всепрощенчество лишь поощряет асоциальность их поведения.

Всё это тянулось уже годы. Мать, прежде такая энергичная и жизнерадостная, щедрая душой и искрящаяся остроумием, постепенно сникла, утратила жизненный тонус. Но сделать что-то, исправить не представлялось возможным. Точнее говоря, старшие Фёдоровы этого не умели. Они оказались не готовы к повседневным контактам с такими людьми, какой оказалась жена младшего брата. Росла лишь общая неудовлетворённость жизнью, ещё не сформулированное чётко желание перемен, перемен к лучшему. Но как их достичь, по какому пути пойти? В общем, Алексей лишь сбрил усы, чтобы раз и навсегда исключить напоминание матери о злобном письме с предсказаниями несчастий и гибели. А в присутствии брата жена его всякий раз удивительно преображалась. Откуда-то появлялись улыбки, уважительный тон по отношению к свекрови. Хамство, площадные выражения исчезали. Всем этим невестка исключала самую возможность рассказа младшему брату о том, как себя ведёт и что вытворяет его жена, когда он этого не может видеть. Но Фёдорову мешала и совесть, устоявшееся с детства принципиально уважительное отношение к другим людям: разве можно вмешаться в жизнь, в судьбу Севы? Нет, надо терпеть, надо как-то уживаться!

К счастью, Ольга Алексеевна оказалась востребованной новой работой, куда пригласили пенсионерку, узнав о её педагогических талантах и достижениях. Так что, погрузившись в работу, мать Фёдоровых сумела вновь воспрянуть духом, бывая дома лишь вечерами, когда в присутствии Севы ей ничего не грозило. Но к осени работу Ольге Алексеевне пришлось оставить... по просьбе невестки. Она родила сына, которому требовались уход и забота. Сама же Валентина, не воспользовавшись декретным отпуском, сразу вышла на работу. Мир и согласие в доме матери казались прочно восстановленными. Вот только раза два Ольга Алексеевна пожаловалась приходящему к ней старшему сыну, что до двух – трёх часов каждую ночь слышит через самодельную перегородку вкрадчивый голос невестки, что-то непрерывно втолковывающей засыпающему мужу... Как выразилась тогда Ольга Алексеевна, "ночная кукушка дневную перекукует", и что поэтому вмешиваться в дела Севы не имеет смысла.

Но через несколько лет грубость и злоба, привитые Валентиной мужу, гипнотически внушаемые ею еженощно Севе против его родных – матери и брата, обернулись против неё самой. И всё бы ничего, пожалуй, во многом и заслуженно, но дело дошло до драки. Ольга Алексеевна, как она рассказывала потом Алексею Витальевичу, бросилась разнимать супругов, дерущихся и не стесняющихся в выражениях на глазах у замерших от испуга детей. В результате, Фёдоров, придя к матери, снова застал её плачущей и, самое ужасное, с синяком под глазом и большим клоком вырванных с корнем волос, прилипшим к свитеру у неё на спине. Этого Алексей Витальевич стерпеть уже не мог. Не взирая на возражения матери, просившей его не вмешиваться ("Не надо, Лёша! Она – психически ненормальная!"), Фёдоров вошёл в комнату к невестке (брата там не было), но успел задать всего лишь один вопрос:

– Что вы, Валентина, себе позволяете? Как вы посмели напасть на пожилую женщину?!

Что было после этого, он помнил смутно. Очнулся он, почему-то лёжа на полу в коридоре, чувствуя сильную головную боль, и увидел склонившегося над ним молодого лейтенанта милиции с серьёзным и умным лицом. Оказалось, что пока брат "отдыхал, гуляя по берегу", после драки с женой, а Ольга Алексеевна страдала в своей комнатухе, Валентина, воспользовавшись странным обмороком Алексея Витальевича, сбегала в милицию, сделала заявление о нападении на неё со стороны мужа, его брата и их матери.

Алексей Витальевич впоследствии читал это заявление, поражаясь иезуитской находчивости невестки, её умелой лжи и продуманной аргументации. Не учла она только одного: отсутствия у себя малейших признаков избиения, на которое ссылалась в своём заявлении, но при наличии явных признаков нападения и у "пенсионерки Фёдоровой", и огромных синяков на лице у её "старшего сына, пришедшего в гости к своей матери", как было написано в протоколе. Впрочем, тем протоколом дело и ограничилось. "Перестройка" была в разгаре, и наказывать виновных стало не принято.

На какое-то время, видимо в связи с профилактической беседой толкового участкового с Валентиной, дебоши прекратились. Валентина, уйдя в тот день в милицию с гордо поднятой головой, вернулась какая-то сникшая, тихая, ушла к себе и не показывалась два дня – до понедельника, предоставив всю заботу о своих детях свекрови и её приходящему старшему сыну, потому что муж куда-то исчез, тоже ничего не сказав. Фёдоров в своих беседах с матерью называл это поведение брата трусостью. А мать просила не сердиться, не осуждать младшего брата, понять его. Алексею так и не удалось доказать матери, что такая линия её поведения, такая тактика – проигрышны, более того – не

адекватны, не соответствуют ни психологии невестки, ни уже отчётливо проявляющимся новым социальным тенденциям. Ведь вежливость и терпимость, спокойная и грамотная речь, призывы к разуму, поиск компромиссов и упоминания о совести – всё это лишь распаляет подобных психопатических личностей, воспринимается ими как слабость и скудоумие. Он так и не смог убедить мать, что таким, как Валентина, должно давать соответствующий отпор, в понятных им выражениях и действиях.

Следующее перемирие в доме матери наступило после развода. Валентина плакала, просила у свекрови прощения, но Ольга Алексеевна, вняв инструкциям Алексея, вела себя сдержанно и неприступно. Тогда бывшая невестка написала и отправила ей почтой письмо. Прочитав это письмо, Фёдоров сказал матери, что документ, содержащий признания и извинения бывшей невестки, он забирает себе на сохранение. Так он и сделал, вроде бы случайно, но на глазах у вернувшейся с работы Валентины, постаравшись при этом быть с той не только вежливым, но и доброжелательным.

Впрочем, Валентина не могла вести себя нормально долгое время. Как-то раз, придя к матери, он застал десятилетнего племянника с перебинтованной рукой, горько плачущего. Оказалось, что его мать, вырвав у ребёнка скрипку, растоптала её, выкрикивая нецензурные ругательства и угрозы в адрес бабушки. "Скрипулечку", как говорил музыкально одарённый племянник, Фёдоров сумел склеить, а через несколько месяцев привёз из Германии другую, итальянскую, чудом везения доставшуюся ему по случаю из берлинского музея и имевшую паспорт 1822 года. Ребёнок раздражал его родную мать именно своей одарённостью, редким, так называемым "абсолютным слухом". После этого случая, ни слова не говоря невестке, Фёдоров организовал встречу этой злой женщины с тем

самым умным участковым, который теперь был уже капитаном милиции. А при вручении сияющему племяннику действительно ценной скрипки заявил матери ребёнка, что надеется на сохранность этого музейного экспоната, что эта сохранность должна быть обеспечена до момента переселения Ольги Алексеевны в другой дом, года через два-три-четыре. На этот раз во время беседы присутствовала и Виктория Петровна, и вернувшийся в Калининградскую область младший брат Фёдорова – бывший муж Валентины.

В *прошлой действительности* перемирие в доме Ольги Алексеевны продолжалось вплоть до того дважды трагического дня тринадцатого июня. А теперь, после того как Фёдоров попытался изменить реальность, видимость мира длилась лишь до появления в доме его матери женщины, нанятой им для ухода. Похоже, бывшая невестка специально подгадала время своего возвращения с работы так, чтобы застать няню-сиделку. Однако это не вполне удалось: женщина уже уходила. Тогда громко, стараясь, чтобы её услышала только что вышедшая за порог бывшая медицинская сестра, невестка выкрикнула, что посторонние ей здесь, в её доме, не нужны. Фёдоров столь же громко ответил, что, во-первых, он здесь не посторонний, а, во-вторых, это дом его матери. Затем, гораздо тише он твёрдым тоном сообщил, что в августе намерен перевезти свою маму в новый дом. Чуть помолчав, добавил, что не было бы никаких визитов посторонней женщины для ухода за его матерью, если бы та могла получить должный уход от тех, кто живёт вместе с ней, в этой квартире. Говоря это, Фёдоров внезапно ощутил неприятное чувство раздвоенности сознания. Ему казалось, будто бы он находится одновременно и здесь, в доме матери, и в той зиме, из которой после всех постигших его несчастий он

переместил свою душу в прошлое – со всеми знаниями и опытом – из будущего.

Алексей Витальевич считал уже достаточно обоснованной ту свою догадку, из которой следовало: неприятное чувство раздвоенности своим появлением или усилением говорит о приходе момента выбора. То есть так называемой бифуркации. Это ощущение одновременно предупреждает об опасности неудачи его попытки исправить прошлое. В случае ошибки в выборе линии действий лишался смысла и весь до сих пор удачный эксперимент исправления реальности.

Почувствовав столь сильно проявившуюся раздвоенность сознания, Фёдоров испугался. Получалось также, что верна и другая его догадка – как будто недостаточно обоснованное предположение о той роковой роли, которую сыграла с ним во всех его бедах эта изощрённая в своей злонамеренности женщина. Та, над чьей принадлежностью к категории "ведьм" он в прошлом не раз посмеивался.

– Что же делать? – размышлял Фёдоров, – Забрать мать в новый дом, несмотря на незавершённость внутренних отделочных работ? Но маме тогда негде будет спать, да и воды пока что в доме нет. Вика лежит в больнице на сохранении... Попытаться договориться с Валентиной? Но, судя по многолетнему опыту, ей никогда и ни в чём нельзя верить...

Почувствовав, что во время обдумывания второго варианта чувство раздвоенности ещё более усилилось, Фёдоров понял: договариваться нельзя – это может вновь привести к катастрофе! Едва он так решил, как раздвоенность ослабла, почти исчезла. Тогда медленно, спокойным тоном, тщательно подбирая слова и сосредоточившись на своих ощущениях, Алексей Витальевич предложил

Валентине Анатольевне *самой* принять решение, сделать выбор, который он готов признать *обязательным* для себя: потерпеть приходы посторонней ещё неделю; попытаться взять на себя функции, порученные им этой посторонней женщине; помочь в переезде в ближайшее воскресенье.

По почти полностью исчезнувшему раздвоению сознания он понял, что выбрал верный тон. Да, впрочем, могло ли быть иначе: ведь он предлагал своей бывшей невестке власть над собой, обещал подчиниться любому её решению! Долго ему пришлось ждать ответа! Но он ждал. Ждал молча, смиренно глядя в пол. Наконец, чуть не лопааясь от своего великодушия, смешанного с высокомерием, Валентина изрекла:

- Ладно! Пускай приходит,... ухаживает за твоей бабкой! Но – только ОДНУ неделю! До следующих выходных! Понял?
- Хорошо. Договорились. До следующей субботы или воскресенья. – спокойно ответил Фёдоров.

Алексей прошёл в комнатушку своей матери, увлечённо глядевшей в экран телевизора. Ольга Алексеевна со своей всегдашней щедрой улыбкой сразу же оторвалась от телевизора при появлении сына. Фёдоров понял, что мама, к счастью, ничего не слышала. Он смотрел на неё со смешанным чувством. Только что испытанноре им ощущение раздвоенности сознания нарисовало перед Алексеем страшные картины её болезни, медленного угасания, смерти, похорон. Всего того, что совпало во времени с потерей так и не родившегося наследника, с последующим уходом от него Вики, его единственной и незаменимой жены... Но одновременно он видел перед собой свою мать *живой*, бодрой и жизнерадостной, несмотря на удивительно быстро развившийся деформирующий артроз. Эта напасть лишила активную женщину возможности ходить за какие-то три – четыре года. Фёдоров знал также, что

выполняет *теперь* свои сыновние обязанности не в пример лучше, чем в прошлой реальности. Он был уверен, знал, что и наследника (или наследницу – всё равно!) *теперь* удастся сохранить, что и отношения с любимой женой сохранятся, так как не наступили (до сих пор, а ведь уже июль!) все те причины, которые впоследствии привели жену к странному и страшному для него решению.

Правда, вот силы свои он серьёзно истощил. Но ведь всё равно меньше, чем в *той* реальности! Да, денег потрачено выше возможностей. Но он знал, когда и где ему удастся взять безвозвратную ссуду, которая покроет этот перерасход в сто тысяч рублей. Так что, пока всё идет, как хотелось. А хотелось-то ему не так уж и многого: сохранить жизнь матери, ребёнка, жену. Бог с ней – с работой по специальности! Аллах с ними – с деньгами! Будет семья – будет всё! С этими мыслями Фёдоров обратился к матери:

- Ну, через неделю, к воскресенью переедем, но... только если с тобой ничего не случится, если твёрдо пообещаешь **во всём** меня слушаться и не рисковать своими хрупкими косточками! Договорились? Обещаешь?!

Ольга Алексеевна, взглянула на своего сына. "Боже, как он устал! Какие синяки под глазами! Как похудел! Смотри-ка, седина появилась!" – подумалось ей. Но сказала она совсем другое, улыбнувшись своей будто бы робкой, несмелой улыбкой, которую многие принимали за признак нерешительности и слабости характера, но которая в действительности лишь выражала природную доброту:

- Договорились, начальник! Я буду слушаться. Обещаю!

Оглянувшись на дверь и наклонившись к самому уху матери, Фёдоров, зная о необычайно остром слухе Валентины, как и о её склонности всё подслушивать, тихо, полущёпотом произнёс:

- Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах, ни по какому поводу не ссорься в эти дни с Ведьмой! Постарайся быть поласковее, при случае вырази сожаление, что скоро будете жить с ней в разных местах.

Улыбка на лице Ольги Алексеевны исчезла, и она серьёзно, молча глядя в глаза сына, несколько раз утвердительно кивнула в ответ. Видимо, у него были серьёзные причины обращаться с такой просьбой.

Фёдоров помчался на стройку, не пообедав. Увидев Абдулхамида, выполнявшего обязанности бригадира, Алексей Витальевич отвёл его в сторону и сказал:

- Нам придётся сильно поторопиться, Хамид! Не позднее следующей среды пол должен быть окончен, потому что в пятницу – субботу я обязан, **обязан!** – забрать сюда мать. А ещё обои клеить – не могу же я её поместить в комнату с голой штукатуркой на стенах! Скажите, что вам понадобится.

Хамид, внимательно глянувший в лицо явно расстроенного чем-то нанимателя, надрывавшегося в последнее время на стройке, помолчал, что-то прикидывая в уме, и ответил:

- Не волнуйся, профессор! Во вторник мы закончим. В среду – четверг вместе поклеим обои. А сегодня надо привезти ещё пять мешков клея для плиток. Тогда хватит!

Фёдоров крепко пожал Хамиду его четырёхпалую, без мизинца, руку и сообщил, что немедленно отправляется в Калининград за клеем. По дороге в Калининград он размышлял о том, сколько же придётся ещё доплатить за срочность работ и где взять необходимые деньги

немедленно, сейчас. В прежней-то своей жизни он брал заказ на выезд за границу, чтобы перегнать автомобиль или в качестве переводчика. Но сейчас он не мог, просто боялся, хотя бы на секунду выпустить события из-под своего контроля. Вновь пережитое им недавно чувство раздвоенности сознания, ощущение пребывания одновременно в двух временах, в двух разных реальностях говорило ему: "Берегись! Всё ещё пока что ненадёжно, вызванные тобой изменения реальности нестойки!" Какие уж тут поездки за границу, какие подряды?!

В Калининграде, захав в "Викторию" Фёдоров купил для жены гранатовый сок, пару апельсинов, бананы, несколько литовских сладких сырков. Заведующую отделением патологии беременности Татьяну Владимировну он застал уже выходящей из ворот больницы. Резко затормозив, он бросился из машины к ней навстречу:

– Здравствуйте, Татьяна Владимировна! Как там, у моей единственной?..

Заведующая была врачом ещё старой, советской школы – с чувством ответственности и пониманием своего долга. За прошедшее время она уже дважды с негодованием отвергла его попытки, впрочем, весьма неумелые, пополнить её домашний бюджет. Она видела, что и не первой молодости пациентка, и её муж страстно хотят сохранить беременность, просто больны от страха перед опасностью выкидыша. Но угроза, как она была вполне уверена, не настолько велика. К тому же, всё необходимое, и даже больше, уже сделано. Следовательно, причин для волнений нет – *уже более нет!* Так она Фёдорову и сказала. Тот искренне поблагодарил и помчался в отделение. Не мог же он рассказать заведующей, *что* им с супругой довелось пережить здесь *в иной реальности!*

Тепло побеседовав с женой несколько минут, оставив ей привезённую передачу, Фёдоров отправился в магазин за

клеем для плиток, которыми рабочие укладывали пол кухни, ванной, прихожей. В *той*, прошлой действительности Фёдоров сделал это сам, он и сейчас удивлял рабочих-узбеков своими навыками, полученными в *той* жизни. Но теперь следовало спешить. Времени оставалось в обрез. А тут ещё предстоящая возня с обоями, приобретение погружного насоса для скважины. Во всех этих делах Алексею Витальевичу здорово помогали знания, принесённые из будущего: он точно знал, где и какой насос покупать нельзя – фирмочка закроется, а насос выйдет из строя во время гарантийного срока. Он отлично помнил, какие именно обои понравились его жене. Приобретая *теперь* точно такие же, он был уверен, что угодит своей возлюбленной и вызовет у неё приятное удивление абсолютно точным пониманием её вкуса. Он знал, что весёленькие обои, приобретённые *в той реальности* для маминой комнаты, вызовут у неё раздражение своей пестротой и с большой вероятностью догадывался, какие окажутся наиболее подходящими.

Но все эти знания не только облегчали его действия, но и служили одновременно дополнительной нагрузкой на психику. Таких нагрузок на психику он не знал даже в годы своего студенчества. А студентом Фёдоров был настоящим, в полной мере отвечавшим первоначальному смыслу, этимологии этого латинского слова, ведь *studio* означает пристрастие, старание. На старших курсах помимо учёбы он работал ещё и над кандидатской диссертацией, одновременно приобретая необходимые навыки практической работы хирурга на ночных дежурствах. Но тогда он был моложе, здоровее, выносливее. А теперь для защиты своей психики не предусмотрел ничего. Хватит ли сил? Выдержит ли он, его душа, двойную нагрузку? Этого не знал никто!

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

2. СТУДЕНТ

В шестьдесят шестом, когда Алексей окончил школу и поступил в институт, был двойной выпуск. Вместе с ними – полновесными одиннадцатиклассниками – аттестаты выдали и тем ребятам, которые учились по новой программе: без "политехнического образования" и всего десять лет. Много позже, уже став зрелым мужчиной, Алексей, как и многие его одноклассники, оценил одиннадцатилетнее пребывание в школе как незаменимый жизненный опыт. Это было одним из очень немногих полезных начинаний Хруща (как многие сверстники Алексея называли незабвенного Никиту – зачинателя разрушения великого Советского Союза). Три старших класса, то есть, фактически с пятнадцатилетнего возраста учащиеся советских средних школ два дня в неделю учились и работали на производстве. Критики одиннадцатилетки утверждали, что практически никто из окончивших школу не стал работать по специальности, приобретённой в девятом-одиннадцатом классах. Доля правды в этом была. Но, во-первых, кто сказал, что школа *должна* быть чем-то вроде ремесленного училища (позднее их называли ПТУ и СПТУ)? Разве не в формировании самостоятельной личности, не в подготовке её к самостоятельной жизни, не в приобретении навыков самостоятельного мышления состояла главная задача советской школы? А, во-вторых, кто это установил, что приобретённая профессия не пригодилась выпускникам одиннадцатилеток в жизни? Алексей, например, лишившись в результате "реформ" всех возможностей профессиональной работы, несколько лет выживал тем, что доставлял богатеям автомобили из Германии и Бельгии. Смог бы он, много лет пробыв лабораторным учёным, это делать, не приобрети он в школе настоящих глубоких, подкреплённых трёхлетней практикой

знаний и навыков в автоделе и "корочек" шофёра-профессионала? Сомнительно!

Но все эти соображения пришли позже, а тогда, в выпускном одиннадцатом классе школы, все его сверстники сходились на том, что оканчивающие с ними школу десятиклассники какие-то "недоделанные", говоря грамотным языком, – менее зрелые, с меньшим жизненным опытом, и в то же время с претензией на равенство с ребятами, прошедшими трёхлетнее производственное обучение. Ясно, что эта ощутимая разница в зрелости личности обуславливалась не одним годом (ведь два дня в неделю в течение трёх лет как раз и дают в сумме один учебный год!). Нет, дело было как раз в *трёх* годах – в трёх классах обучения по иной программе! Немаловажным было и то, что производственное обучение мальчиков и девочек в одиннадцатилетке велось *раздельно*. Позже, став профессиональным учёным, Алексей провёл частное социологическое исследование и выяснил (вернее, подтвердил для себя), что мужчины и женщины его возраста более зрелы, более надёжны в семье, иначе говоря – более сформировались как мужчины и женщины именно благодаря раздельному "производственному" обучению, именно в трёх старших классах школы, где остальные четыре дня в неделю оба пола обучались вместе. Однако, как бы то ни было, а сверстникам и сверстницам Алексея в 1966 году приходилось считаться с тем, что в вузах страны при поступлении будет двойной конкурс. Видимо были и какие-то официальные исследования, оценившие конкурентоспособность поступавших в вузы одиннадцати- и десятиклассников, но Алексей особенно не задумывался над этим ни тогда, ни позже.

При поступлении в медицинский институт тогда, как и в прежние годы, сдавали всего два вступительных экзамена: по химии и по физике, а также писали сочинение. Но Алексею, как школьному медалисту, предстоял лишь один экзамен,

по химии. Он и готовился только к этому экзамену, стараясь расширить круг своих познаний и углубить их. Недели через три от начала подготовки к вступительному экзамену пришла мысль: "А что, если не сдам на "пять" – ведь тогда придётся и физику сдавать, и писать сочинение!" Но было уже поздно готовиться ещё и к этим экзаменам. Так что пришлось приналежать на химию ещё больше: по принципу "пан или пропал". Изучив вдоль и поперёк пособие Хомченко, Алексей не поленился почитать и специальные химические журналы, ходил в областную библиотеку. Правда, в Воронеже без городской прописки разрешалось пользоваться лишь читальным залом, а Алексей ещё не умел работать над книгами, когда вокруг множество людей и нет полной тишины. Но и этот опыт занятий в библиотеке пошёл на пользу – пригодился и при поступлении в вуз, и в последующие годы профессиональной научной работы, когда приходилось за ограниченное время разбираться в обилии источников информации, выделять главное, отсекал второстепенное (не забывая о нём) и при этом работать не всегда в комфортных условиях, зачастую в шумной обстановке.

Среди медалистов при поступлении в медицинский институт тоже оказался конкурс. Самым большим он оказался на лечебном факультете, куда Алексей подал документы. На вступительный экзамен он отправился, проглотив таблетку триоксазина. Но всё равно, что тогда происходило, от волнения запомнить не сумел. Помнил только, что Вера Ивановна, преподавательница, принимавшая экзамен, задала ему вопрос о гидридах, которых не было ни в школьной, ни во вступительной программе. Так и заявив об этом экзаменаторше, Алексей стал обстоятельно отвечать на заданный вопрос.

Позже, уже став студентом, Алексей узнал, что его результат экзамена был отнесён к категории "выдающихся ответов". А экзаменаторша, как выяснилось, слыла среди

студентов "зверем", у которого невозможно получить отличную оценку. Однако Алексею это удавалось и при поступлении в институт, и позже, когда "зверь" стала для него ассистентом одной из институтских кафедр химии. При этом она вела как раз ту группу, в которую он был зачислен. Вера Ивпановна терпеть не могла ни тупиц, ни зубрил, ни подхалимов, была чрезвычайно требовательна, но и справедлива. (Впрочем, тупиц среди однокурсников Алексея за все шесть лет так и не обнаружилось, а склонные не к пониманию, а к „зубрёжке“ попадались.)

На практических занятиях Вера Ивановна никогда не отпускала студентов, окончивших лабораторную работу, но... поощряла их самостоятельность. Алексей один раз получил тротил (в мизерном количестве, конечно) и успешно взорвал его, навсегда запомнив полученный результат. Одновременно он получил и практическое представление о том, что такое тротильный эквивалент ядерного оружия. Надо ли пояснять, что за маленький взрыв Алексей не был наказан "зверем"? Напротив, поощрён к новым изысканиям. Задав несколько вопросов, она изрекла:

- Так, взрывчатые вещества Фёдоров у нас освоил! В следующий раз займитесь, пожалуйста, чем-либо другим!

В следующий раз Алексей попробовал получить из известного всем (в те годы) фотографического реактива соль синильной кислоты. Не зная, как убедиться в правильности произведённых реакций (не пробовать же цианистый натрий на вкус!), Алексей робко попросил совета у преподавательницы. Та при помощи короткого опроса убедила, что в результате реакций, произведённых Алексеем, цианид действительно мог образоваться, кивнула головой, достала из всегда запёртого на ключ шкафчика какой-то реактив и быстро произвела некую реакцию:

- Всё правильно! К следующему разу, вам, Фёдоров, надлежит ответить мне на два вопроса – во-первых, какую реакцию я сейчас произвела, во-вторых, какие существуют antidotes при отравлении цианидами! Доложите перед всеми, время доклада – не более пяти минут. Всё!

Вслед за Алексеем и другие студенты (а в группе их на младших курсах было пятнадцать) стали стремиться выкроить время для личных опытов. А это требовало более основательной подготовки к занятию – иначе не то что не останется времени, а просто не успеешь и программное-то задание должным образом завершить. Позже, попав в разряд ППС (профессорско-преподавательского состава) вуза, Алексей перенял у Веры Ивановны это отношение к студентам: требование глубоких знаний, основанных на понимании, поощрение самостоятельности мышления и творчества студентов. О нём тоже пошла слава как о чрезвычайно требовательном экзаменаторе, которого не уломаешь, не упросишь, не разжалобишь. И всё же студенты тех групп, которые он вёл, проявляли инициативу и в традиционно уважительных, но удивительно товарищеских тонах поздравляли его не только с днём Советской армии и Новым годом, но ещё и с днём рождения. Как они узнали дату, осталось загадкой.

Но в этой главе мы собирались рассказать о другом: как и почему Алексей Витальевич Фёдоров подошёл к идее возможности влияния на прошлое. На втором курсе началось преподавание марксистско-ленинской философии. Как известно, она состоит из трёх составных частей – диалектического материализма, исторического материализма и научного коммунизма.

Добросовестно приступив к освоению новых дисциплин, Алексей был неприятно поражён. Имея до той поры лишь школьные (то есть – очень куцые) сведения, он ожидал от новых для него учебных предметов чего-то очень глубокого и одновременно возвышенного. Однако же всё оказалось гораздо проще, нет – примитивнее. К тому же, Алексей улавливал тот самый механицизм, который на словах отвергался и осуждался преподавателями марксистской философии. В чём дело? Почему преподаваемый студентам марксизм, который должен быть "не догмой", сводится преподавателями к набору догм? Может быть, всё дело в том, что ни на одной из кафедр общественных дисциплин в институте нет докторов наук?

Вообще-то, это было странно и непривычно: в родном для Алексея институте работало несколько авторов официальных всесоюзных учебников (например, по гигиене, по медицинской психологии, по кожным и венерическим болезням), несколько членов иностранных академий наук (хотя бы член французской академии – акушер-гинеколог Покровский). Однокурсником Алексея был сын заведующего кафедрой госпитальной хирургии – автора синхронной дефибрилляции сердца. Другой профессор был автором методики ультразвуковых исследований сердца. Институт, где учился Алексей, был, что называется, Школой.

С ней были связаны, к примеру, такие всемирно известные имена, как Лепорский, Иценко. Да и писатель-фантаст Александр Беляев писал свою "Голову профессора Доуэля", будучи вдохновлённым результатами работ Брюхоненко, одного из профессоров Воронежского мединститута. Сам институт, ныне по праву носивший имя своего бывшего профессора Бурденко – знаменитого непирохирурга, возник сперва как факультет, после эвакуации в 1918 году университета из Дерпта (впоследствии – Тарту). Некоторые из учебных микроскопов восходили ко временам,

когда в Дерпте учился Пирогов. А библиотека! Во времена студенчества Алексея она насчитывала без малого 200 000 томов!

Нет! Что-то с философией было не так! Попробовав, как и на всех других дисциплинах, поговорить с преподавателями по душам, Алексей был неприятно поражён: вдумчивость, критика, идеи, самостоятельность мышления здесь не поощрялись! Его ещё и одёрнули! Алексей поначалу объяснил это отличие преподавания общественных дисциплин от преподавания всех остальных предметов личными качествами и уровнем доцентов и ассистентов.

Лишь десятилетия спустя он узнал, что догматизация философии, широкое внедрение начётничества и искусственный отрыв от жизни в сфере наук, имеющих социально-политическое значение, были ключевым элементом в тщательно спланированной информационно-психологической войне, ведущейся против русского народа и нашей страны. А в годы студенчества Алексей поступил просто: быстро овладев небогатыми крупными действительными знаниями в сфере названных наук и легко усвоив фразеологию, он попал в разряд тех немногих, кому не приходилось сдавать экзамены – ставили "автоматом" "отлично" – и всё! Впрочем, Алексея, ставшего после шести курсов обучения первым по оценкам среди трёхсот выпускников, иногда освобождали и от сдачи экзаменов по специальным дисциплинам. Так что никто не заметил ничего удивительного в отлынивании способного студента от общественных дисциплин.

Параллельно он увлёкся чтением "старых философов" – благо возможности институтской библиотеки к этому располагали. Алексея неприятно поразил Гегель с его явно оппортунистической максимой "всё разумное – действительно, всё действительное – разумно". От Гегеля

несло душком тоталитаризма. Локк и Гоббс отвратили Алексея как явные радетели социального расизма и предтечи социал-дарвинизма. А Кант с его категорическим императивом, практически требовавшим соблюдения высоких моральных норм, привлёк к себе. Ещё более привлёк Алексея дуализм Канта. По Канту получалось, что ни материя, ни дух (по-современному – информация) – не являются первичными или вторичными; лишь взаимодействие обоих начал даёт жизнь во вселенной. Так понял Канта Алексей.

Разбираясь в подлинниках книг Канта, Алексей твёрдо установил факт: слепо доверять переводам нельзя! Например, в корне неверна, не соответствует воззрениям Канта концепция о “вещи в себе”. Не писал такого Иммануил! Он говорил нечто совсем иное: вещь сама по себе, “вещь *для себя*” – это нечто иное, чем та же вещь в нашем восприятии, “вещь *для нас*”. Кем нужно быть в интеллектуальном плане, чтобы оспаривать эту простую истину?! Читая Канта, он задумался над отповедью, полученной в перерыве одной из лекций от доцента, читавшего курс “диамата”. Вопрос он лектору задал, как ему казалось, безобидный. Он просил всего лишь объяснить: как материя может существовать в форме вещества и в форме поля, которое веществом не является? Ведь *materia* в переводе с латинского и есть “вещество”! Значит поле – это нечто иное: и не вещество, и не дух, а что-то третье?

Латинский язык Алексей знал неплохо и согласиться с отповедью доцента не мог. Во всяком случае, как выяснилось из разговоров с бывшими школьными товарищами, в “меде” латинский язык преподавали лучше, чем в “педех” или на юрфаке в университете. Но и с преподавательницей латинского языка Алексею тоже очень повезло: она великолепно знала не только латынь, а была ещё и официальной переводчицей большинства опубликованных

произведений Сименона. Иногда этим пользовались некоторые студенты, любители комиссара Мегрэ.

Алексей пошёл на кафедру иностранных языков, нашёл свою бывшую преподавательницу и попытался "проветилировать" вопрос о материи и веществе. Он сразу понял, что подтекст его вопроса не остался тайной, но получил полный, пожалуй, исчерпывающий ответ, который лишь укрепил Алексея в подозрениях о неладах в официальной философии, преподаваемой студентам.

Для себя Алексей уже в шестидесятые годы вывел такую картину мироздания: существуют три начала – информация, материя (вещество) и поле (не вещество); при этом поле связует информацию (дух, идею) с материей (веществом); и если информация обуславливает форму (формы) материи, то вещество обеспечивает сохранение (пополнение, развитие) информации (идеи, духа).

Все эти три начала взаимосвязаны и по отдельности не существуют. Как известно: "Энергия не появляется и не исчезает, а лишь переходит из одного вида в другой". Этот принцип должен касаться всех трёх первоначал. Существует два основных процесса: один ведёт к хаосу (беспорядку) – это энтропия; другой – антиэнтропия – упорядочивает. Единственный известный вид антиэнтропии – это жизнь. Смерть – результат и сущность энтропии. А разговоры о "тепловой смерти вселенной" могут вести только те, кто не понимает ни объёмов жизни, ни разнообразия её форм. Оба процесса имеют равную силу и значимость. Из чего, однако, не следует, что всегда и везде это именно так. В определённый отрезок времени и в определённом месте вселенной может превалировать один из основных процессов существования вселенной. Это должно быть как-то сопряжено со взаимодействием между тремя началами мироздания – материей – полем – информацией.

Дальше этих представлений Алексей не пошёл: он всё же учился не на философском факультете, не философия была основой его учёбы. Иные предметы требовали и сил, и времени, и памяти, и мыслительных способностей. Но созданная им самим и для самого себя картина трёхэлементности мироздания, пусть примитивная и незавершённая, примиряла его с необходимостью изучения официальных общественных дисциплин. Кроме того, эта картина представлялась ему согласованной и с религиозным догматом о триединстве Бога (бог-отец, бог-сын, бог-дух святой), и с впитанными с младенчества представлениями русской культуры *всегда* говорившей о *трёх* элементах – о чём бы ни шла речь, например, в сказках. Представления Алексея не противоречили и теории информации, широкие дискуссии о которой (как и о кибернетике) совпали с годами его студенчества, и сведениям из генетики, которую как раз начали преподавать в институте – пока ещё даже без учебников.

Алексей считал, что и с генетикой ему повезло: в школе всё преподавание биологии велось с позиций незабвенного Лысенко, а в институте – с позиций тех, кого громили (или пытались громить) лысенковцы. Так что у Алексея была возможность, что называется, изнутри разобраться в воззрениях, представлениях и аргументах обоих направлений. Но вот что Алексею сразу не понравилось в представлениях генетиков: с помощью нуклеотидов НЕВОЗМОЖНО записать в молекулах ДНК одновременно *всю* информацию и об "архитектуре" живого организма, и о "строительных веществах", из которого он должен быть построен, и о пропорциях – куда и как эти строительные вещества должны быть доставлены (при "строительстве" организма), и об основных алгоритмах функционирования построенного организма (таких, в частности, как инстинкты).

Сделав для себя этот вывод, основанный на простых математических расчётах, Алексей в свои студенческие годы на этом успокоился. Он знал, конечно, довод апологетов

теории вероятности, что при *достаточном* количестве времени сидящая за пишущей машинкой обезьяна (или её далёкий потомок) посредством случайного нажатия на клавиши напечатает "Войну и мир", но воспринимал это лишь как неудачную шутку. Не мог всерьёз он воспринимать и Дарвина с его "Происхождением видов" – этого уже не позволял расчёт, сделанный на основе теории вероятности: времени на такое происхождение видов *на Земле* просто *не хватало*. А только что опубликованные сведения о находке Фреда Хойла (микроскопические организмы в сердцевине упавших с неба камней, распиленных в стерильных условиях) подтверждали гипотезу о привнесении "семян жизни" на Землю из Космоса. Правда, и при условии принятия такой гипотезы оставалось непонятным, где же размещалась *вся* информация, необходимая для синтеза и построения живых организмов из веществ, имеющихся на Земле, а также и исходная *программа* их функционирования.

Однако все эти мысли и соображения были для Алексея не главным. Они просто выражали его характер, его склонность рассуждать надо всем виденным и слышанным, взвешивать доводы и делать выводы – свои собственные, не ограничиваемые ни "общепринятым", ни какими-либо авторитетами. Собственно, таким и должен быть характер настоящего учёного-исследователя, которым стремился стать Алексей. Вот только, пожалуй, медицинский институт был не самым подходящим вузом для таких личностей, как он. Ведь здесь готовили врачей, то есть лекарей, говоря простым русским языком, а не учёных. Может быть, более подходящим для Алексея оказалось бы что-то вроде университетского физфака? Но он так не думал: во-первых, не существовало вузов, где бы с самого начала готовили исследователей; во-вторых, как уже сказано, и его родной институт был прекрасной научной школой с давними, прочными традициями и целой плеядой известных учёных и изобретателей. Наконец, были у Алексея ещё и иные

соображения, которые подтолкнули его к решению поступать именно в медицинский. То были причины чисто личного характера. Алексей никогда и никому о них не рассказывал, Всё было очень просто: в выпускном классе школы с весьма банальным заболеванием попал он в руки неумелого врача- "коновала". Пройдя через серию мучительных процедур, как вскоре выяснилось, выполненных безо всякой нужды и неумело, насмотревшись на страдания соседей-пациентов, тоже попавших в палату этого врача, явно учившегося на "тройки", юноша твёрдо решил, что станет хирургом. Но не простым врачом, а учёным, который не только *использует* давно отработанные приёмы и методы лечения, но *ищет и создаёт* новые – более результативные и менее тягостные для пациентов, берёт на себя ответственность за их внедрение в лечебную практику.

Алексей, на наш взгляд, совершенно справедливо исходил при этом из того, что избранная им профессия требует не просто вдумчивой учёбы и глубоких, разносторонних и прочных, словом – отличных знаний, но и полной отдачи своему делу. Ведь и само латинское слово *studio* означает пристрастие, а студент – пристрастившийся! Уж если взялся за гуж – не говори, что не дюж! Вот Алексей и выкладывался на учёбу, не зная за все шесть лет того, что традиционно связывают с так называемой студенческой жизнью. С начала второго курса он записался в научно-студенческий кружок при кафедре частной хирургии. Вообще-то, студентами кафедры были четверокурсники, уже прошедшие годом ранее через общие, вводные курсы терапии и хирургии. Теперь они уже имели не только знания анатомии (ведь её изучают три семестра), но и сведения о действии лекарственных веществ, вводные сведения о болезнях. Алексей, честно говоря, боялся, что его в кружок не примут. И напрасно: если в Советском Союзе и подвергались иной раз преследованию люди творческие, инициативные, ищущие, то это всегда было связано или с

завистью "пробившихся в люди" ограниченных неумех, или с косностью чиновников-перестраховщиков, которые встретились на пути изобретателя или просто инициативной личности. Иначе говоря, торможение всегда шло "снизу" и не было официальной линией, проводимой советской властью. Напротив, завистникам и трусливым перестраховщикам приходилось изощряться, чтобы воздвигнуть на пути творцов-искателей непреодолимые препоны. Но... именно в сфере науки подлецы и завистники имеют более высокий уровень умственного развития, чем в иных профессиональных кругах. К тому же, если такой умный (хотя и не блестящий талантами) подлец достигал высокого должностного положения и возможности влиять на чьи-то судьбы за счёт родственных или *иных* клановых связей, то его тормозящее влияние резко возрастало. Нередко они ломали жизнь и судьбы талантливых людей. Ведь таланты лишь в виде исключения бывают ловкими в жизни, а, как правило – весьма неумелы, нерасчётливы и не способны противостоять интригам.

Всё это в полной мере прочувствовал на себе и наш молодой исследователь. Десятка через полтора лет после раннего периода студенчества, описываемого здесь, Алексей набрёл на блестящую, как ему казалось, идею. Он подал заявку на изобретение, получил приоритетную справку, но... Фармкомитет Минздрава СССР тормозил клинические испытания. Алексей несколько раз съездил в Москву, встречался с обеими своими экспертами – и с Модль, и с Перель, но не сумел сдвинуть дело с мёртвой точки. Потом пришла "перестройка", за нею Гайдар-внук... Стало, что называется, не до того. И вот однажды, в середине девяностых, просматривая специальную литературу, Алексей Витальевич узнал интересные обстоятельства. Разработанный им в Воронеже, опробованный в Воронежском мединституте профессором-психиатром Стукалиной метод, получил широкую известность под именем... "израильского",

а его авторами считались... покинувшие СССР при Горбачёве Модль и Перель.

Но всё это произошло позже. А вообще-то, наука в стране, как система, работала не просто хорошо, а превосходно: ведь не случайно треть всех мировых результатов, полученных фундаментальной наукой, исходила из СССР, а в прикладных науках – пятая часть (при менее чем пяти процентах населения Земли). В Японии два специальных института занимались тем, что выуживали идеи из научно-популярной, в том числе – детской, литературы и внедряли у себя изобретения, рассыпанные щедрой рукой на страницах этих изданий. Но мы отвлеклись. Пока наш второкурсник ещё только приобретал специальные знания и навыки в научном кружке, рассчитанном на студентов четвёртого курса. А было ему нелегко – просто не хватало подготовки. Подготовки и знаний как *системы*. В важности *системы* знаний Алексей убедился очень быстро: сама специфика, профиль кружка способствовали этому. Надо сказать, что никто из преподавателей – ассистентов и доцентов, участвовавших в работе студенческого кружка, обращая внимание Алексея на пробелы в его знаниях, полученных посредством самообразования, не унизил, не уязвил его.

Напротив, как бы невзначай, наладили его контакт со старшей операционной сестрой, которая быстро внедрила в сознание студента-второкурсника прочные навыки асептики, научила вязать хирургические узлы (Алексей часами тренировался в этом непростом деле, бывало, что и в общежитии, служа примером для подражания). А один из ассистентов, тоже вроде бы ненароком, однажды, поздним вечером захватил Алексея и ещё одного члена кружка, но уже пятикурсника, с собой на консультацию в городской травматологический пункт, который располагался метрах в пятидесяти от кафедры. Тут-то Алексей и сообразил, что

неплохо бы походить сюда по воскресеньям. Это могло быстро помочь в усвоении некоторых основ практической хирургии, так сказать, на фельдшерском уровне.

Вскоре он стал в травмпункте своим человеком. Быстро приобрёл здесь так не достававшие ему навыки общения с больными. Наловчился делать не только инъекции, но и ушивать раны, накладывать гипсовые лонгеты, навсегда усвоил принципы предупреждения столбняка и других анаэробных инфекций в хирургии. Алексей не переставал и работать над собой – читал учебники по частной хирургии, но не находил в них, как ему казалось, главного: названий симптомов болезней, которыми свободно владели студенты более старших курсов. Тогда, после отлично сданной зимней сессии и каникул, вернувшись от матери в Воронеж, Алексей впервые отправился на ночное дежурство в клинику, где находились и кафедра, и посещаемый им кружок. Тут настойчивому студенту повезло ещё раз: как-то, будто само собой, снова вышло так, что одна из ординаторш, дежуривших в бригаде неотложной хирургической помощи, взяла над Алексеем шефство. В приёмном отделении она вслух, вроде бы диктуя, перечислила все имевшиеся у семнадцатилетнего парнишки симптомы острого аппендицита. Как спустя годы осознал Алексей, Галина Андреевна Дельцова (так звали взявшую над ним шефство хирургиню) продемонстрировала ему действительно типичный и очень наглядный случай. После осмотра она, отойдя от кушетки с лежащим на ней молодым пациентом, вполголоса спросила:

– Ты уже когда-нибудь мылся?

Алексей отрицательно покачал головой. Взглянув внимательно ему в глаза и что-то взвесив, Галина Андреевна предложила:

– Ну, пошли в операционную!

В предоперационной как раз находилась операционная сестра бригады, уже хорошо знавшая настойчивого студента, та самая Лидия Ивановна, что учила его искусству вязать хирургические узлы:

– А, Лёша! Ассистировать будешь? Ну, иди к третьему крану, мойся!

Дельцова постояла возле него с минуту, понаблюдала, как студент начал мыть руки, действуя по всем правилам, принятым в клинике, хотя и несколько неловко. Убедившись, что Алексей знает правила асептики, она тоже взялась за дело, привычно орудуя щётками у первого крана. В операционной было полутемно – освещался лишь дальний стол, за которым другая бригада кого-то оперировала. Были слышны негромкие отрывистые команды хирурга–оператора, раздавались сухие щелчки зубчатых замков кровоостанавливающих зажимов, гул аппарата искусственной вентиляции лёгких.

Через пять минут Дельцовой и Алексею санитарка подала по второй стерильной щётке, а ещё через пять минут – по третьей. Алексей с беспокойством почувствовал, что эта вроде бы простая процедура мытья рук утомила его. "Ничего, привыкну!" – успокоил он себя. Подражая Галине Андреевне, он подальше отставил от себя кисти рук и подошёл к тазику со специальным раствором для завершающей обработки рук. Когда они оба прошли в операционную, Лидия Ивановна уже держала в руках стерильный операционный халат, предназначавшийся для Дельцовой. Стоя вполоборота к студенту и ни на секунду не выпуская того из виду (а вдруг забудется, нарушит стерильность?!), Галина Андреевна быстро нырнула в развёрнутый перед ней халат, держа руки высоко перед собой и чуть в стороны. Санитарка, которая обеспечивала бригаду (Да, теперь Алексей тоже стал членом оперирующей бригады!) щётками и раствором для рук, ловко завязала

сзади тесёмки халата и маски, накинута поверх хирургической шапочки и чуть коричневатой от частой стерилизации в автоклаве. Затем операционная сестра налила в сложенные пригоршней ладони Дельцовой стерильный глицерин и подала перчатки: по очереди – сначала правую, затем левую, держа их растянутыми за плотное резиновое кольцо у верхнего края. Клиника факультетской хирургии института была частью Школы. Всё здесь – алгоритм и последовательность действий и даже отдельных движений, подчинялось раз и навсегда заведённому порядку. Порядок этот был установлен профессором Сержаниным из соображений оптимальности и соблюдался неукоснительно и предельно чётко. В результате не только экономилось время (в хирургии, особенно – в неотложной, счёт нередко идёт на секунды). Следствием было и то, что как бы сама собой создавалась та молчаливая сплочённость и чёткость работы каждого из членов бригады, когда каждый делал и то, что было необходимо, и наилучшим образом. Как Алексею стало заметно несколько позднее, в клинике никогда, ни при каких самых трудных обстоятельствах не возникало той нервозности, которая в трудных случаях столь обычна для многих-многих лечебных учреждений. Но понимание важности Школы и чувства своей причастности к ней пришло к Фёдорову лишь годы спустя, когда он насмотрелся на порядки в других институтах и клиниках других городов.

А пока, в описываемый период, Алексей, стараясь действовать точно так же, как Галина Андреевна, облачился в халат, затем сунул кисти рук по очереди вниз – в перчатки и, сложив руки на груди перед собой, прошёл к операционному столу. Голова у него чуть кружилась. Как же, второкурсник в операционной, в оперирующей бригаде при полостной операции! Он не видел, что в глазах Дельцовой, которая и была-то всего на десяток лет старше него, но уже с большим опытом и клинической ординатурой за плечами, мелькнул лукавый огонёк: ей понравилось и старание Алексея, и сразу

замеченные ею познания студента, явно выходящие за пределы программы второго курса.

После этой ночи Алексей переписал в приёмном отделении график дежурств по неотложной помощи в Воронеже клинической больницы № 2. После операции они отправились с Дельцовой в ординаторскую – записывать в две руки протокол операции: один экземпляр – в историю болезни, второй – в операционный журнал. Здесь Алексей переписал ещё и график дежурств Галины Андреевны. С тех пор Алексей стал постоянным добровольным помощником этой бригады. Ответственным за неотложную хирургическую помощь в миллионном городе (то есть ответственным ургентным хирургом) был кто-либо из ассистентов кафедры, кандидат наук. К концу второго курса все они хорошо уже знали Алексея, ставшего своим человеком не только в кружке, но и вообще на кафедре.

Как-то весной, незадолго до международного Дня солидарности трудящихся, Алексей с дежурства отправился прямо в "физический корпус", хотя до занятий оставалось ещё более часа. В этом учебном корпусе располагались две кафедры – физики и нормальной физиологии. Практические занятия по физиологии в их группе вёл аспирант. Его армянское имя было труднопроизносимым и едва запоминаемым для русского. Кто-то из студентов прозвал аспиранта для краткости и совсем неподходяще Магометом. Тот знал об этом, но не обижался. Вообще аспирант был умным, чрезвычайно знающим, обаятельнейшим и лёгким в общении юношей. Жил он практически на кафедре, редко выходя из маленького, без окон закутка, именуемого "аспирантской". Здесь он паял какие-то приборы и ставил опыты, хотя его кандидатская диссертация была давно готова и стояла в очереди на защиту. Вот и сейчас "Магомет" был здесь. Он оживлённо с кем-то спорил. Алексей, проходя мимо полуоткрытой двери, разглядел собеседника в ярком

свете цилиндра лампы дневного света, закреплённой над рабочим столом. Это был всем известный в институте техник Володя. Из-за паралича ног он с удивительной ловкостью передвигался в инвалидном кресле. А известен он был своими действительно выдающимися качествами: у него имелось несколько десятков авторских свидетельств на изобретения и острый, совершенно непредсказуемый ум, хотя и никакого официально законченного образования. Всё очень и очень многое, что он знал, Володя постиг посредством чтения и долгих, порой мучительных размышлений. Иной раз отсутствие образования существенно подводило Володю в бесконечных дискуссиях, которые он вёл с учёными – работниками института (тогда он набрасывался на книги и вскоре ликвидировал свой пробел). Но, как правило, бывал прав. Во всяком случае – заставлял своих старших и остепенённых собеседников задумываться, порой наводя их на конструктивные мысли.

Вот и теперь постепенно беседа Володи с аспирантом превратилась в монолог, и Алексей чётко услышал заключительную фразу Володи, видимо подводящую итог дискуссии:

- Так что, не спорь – есть душа, есть! Ты лучше подумай, как ещё кроме крутильных весов, взвешивания и опытов с растениями это проверить, с какого боку подобраться! А я уж тогда по твоим идеям приборчик сооружу! Ну, пока! Пошёл я!

Алексей хорошо знал репутацию этого немолодого (как ему тогда казалось), лет уже под сорок, инвалида. Да и "Магомет", который последние три месяца вёл их группу вместо слёгшего с язвой доцента Алексея Ивановича Лютова, не раз в весьма уважительных тонах ссылался на Володю. Аспирант умел организовать занятия так, что всегда оставалось свободное время, чего никогда не бывало

на лабораторных занятиях, проводимых заболевшим доцентом. Студенты других групп им завидовали.

Нет, не из-за высвобожденного времени (когда всем желающим, завершившим выполнение задания и сдавшим результат преподавателю, разрешалось покинуть аудиторию). Завидовали именно тому, что аспирант всегда или рассказывал нечто интересное, выходящее за рамки учебной программы, хотя и связанное с ней, или подбрасывал студентам такие идеи, которые служили затем предметом долгих дискуссий в общежитии.

Поэтому Алексею не только крепко запала в память идея, высказанная умельцем-инвалидом, но и мелькнула мысль: "Наверняка нам Магомет что-нибудь расскажет обо всём этом". Зайдя в аудиторию, точнее – в учебную лабораторию, воздух которой был пропитан стойкими запахами эфира, лягушачьей крови и лабораторных крыс, Алексей пристроил свой портфель на столе, положил на него голову и моментально уснул.

Разбудил его шум, возникший оттого, что в аудитории началось занятие. Голова у Алексея была тяжеловатой, но молодой организм быстро преодолел утомление, вызванное ночной работой, и переключился на тему занятия. Вопреки ожиданиям, Магомет сегодня не только не затронул тему беседы, случайно услышанной студентом, но вообще был необычайно задумчив и молчалив, хотя, как и обычно, аспирант из девяности минут выкроил для студентов около четверти часа свободного времени.

- Все, кто сдал работу, и если нет вопросов, могут быть свободны! – произнёс аспирант Шахгельдян (такова была настоящая фамилия аспиранта) и, заметив поднятую Алексеем руку, продолжил:
- Так, у тебя Фёдоров?

- Да, есть вопрос, – запинаясь, сказал Алексей: ему только сейчас пришла мысль, что, пожалуй, и его вопрос, и сама тема, так противоречащая всему, что им преподавали на лекциях по диамату, могут оказаться неуместными. Но студент, сообразив это, сумел выйти из положения:
- Только он не по теме... Я слышал, что техник Володя...

Тут Алексей окончательно умолк.

- А-а! – протянул аспирант. – Это действительно не по теме. Но если интересуешься, то заходи! (Аспирант заглянул в свой блокнот, где планировал и записывал все свои дела). Заходи третьего мая! А пока иди, а то после трепанации черепа, наверное, устал сильно?! – в заключение с улыбкой произнёс Магомет, проявив непонятную осведомленность.

Однако встретиться с аспирантом Алексею так и не привелось: тот куда-то исчез из института. Только к осени (то есть, уже на третьем курсе) стало известно, что Шахгельдян сначала улетел в Армению к тяжело заболевшей матери, а оттуда сразу в Москву, в НИИ патофизиологии к академику Анохину: какие-то дела в связи с защитой. Непонятно только было, почему в институт патологической, а не нормальной физиологии. Но рассуждать об этом на третьем курсе было просто: как раз приехал из Саратова новый, совсем молодой профессор и начал читать этот предмет. Знающие и интересующиеся этой наукой студенты объяснили остальным, что Пётр Кузьмич Анохин не просто патофизиолог и директор НИИ, но и создатель всемирно признанного системного анализа, системного подхода, который им начал вдалбливать новый профессор. А у Шахгельдяна он – оппонент по диссертации. Но всё это было потом, уже на третьем курсе. А тогда, весной шестьдесят восьмого, не имея собеседника по заинтересовавшей его теме, Алексей забыл об этом думать – иных забот хватало!

Вспомнился разговор аспиранта с изобретателем–инвалидом лишь осенью. Алексей опять был волонтером на ночном дежурстве в клинике № 2, когда привезли пьяного, что называется, вдрызг студента ВИСИ – инженерно-строительного института. Собственно, не совсем верно говорить "привезли": того притащили на носилках однокашники пьянчужки. Благо строительный институт располагался на том же проспекте Революции, что и Вторая клиника, во дворе которой размещалась городская станция скорой помощи. Принесли этого строителя и без дыхания, и без пульса. Так Алексей впервые получил наглядное представление о клинической смерти. Однокашники бедолаги, доставившие его, рассказывали, что стал он спускаться по водосточной трубе с третьего этажа, чтобы сходить из общежития в дежурный магазин за водкой. "Иначе бы его пьяного вахтёрша не выпустила" – объяснил тоже не вполне трезвый сотоварищ пострадавшего. В общем, неудачник сорвался, упал, а когда к нему подбежали, то он не дышал, и пульса не было.

Станислав Иванович Максимов – ответственный дежурный – глава бригады и ассистент кафедры, выясняя эти вещи, времени даром не терял: прежде всего, убедился, что на сонной артерии действительно нет пульса. Он дал команду: Дельцовой приступить к закрытому массажу сердца, старшей операционной сестре (по внутреннему телефону), чтобы готовили операционную. Тем временем дежурная фельдшерица приёмного отделения достала электрокардиограф и дефибриллятор. Лишь отдав распоряжения, необходимые для спасения поступившего, Максимов стал расспрашивать тех, кто доставил пострадавшего: всё это требовалось не только для будущей истории болезни, но и – прежде всего – для милиции (куда надлежало сообщить о несчастном случае в ВИСИ), и для прокуратуры, которая наверняка начнёт следствие, даже если пострадавшего удастся вернуть к жизни.

- Лёша, подмени! – потребовала Галина Андреевна, которая делала закрытый массаж сердца и смогла выдержать около минуты этого тяжёлого труда.

Участвуя впервые в жизни в мероприятиях реанимации, Алексей, тем не менее, внимательно слушал, о чём говорят старшие товарищи. Получалось, что двадцатилетний пациент уже около десяти минут находится в состоянии клинической смерти. Так что никчёмна вся эта нелёгкая работа – его и клинического ординатора Изабеллы, делавшей с помощью “гармошки” искусственное дыхание пострадавшему. Не прекращая дышать за пациента аппаратом и гоняя ему по сосудам кровь посредством массажа сердца, того доставили в операционную. Здесь бригада мгновенно подключила аппарат искусственного дыхания, электрокардиограф и сопряжённый с ним дефибриллятор. Максимов, надевший перчатки на не помытые должным образом руки и стерильный халат поверх них, ввёл в полость сердца хлористый кальций (адреналин в сердечную мышцу ввели ещё в приёмном отделении).

- Сколько?! – резко спросил Максимов, когда, повинуясь его приказу, с области сердца убрали электрод дефибриллятора.
- Семь минут с момента поступления, Станислав Иванович, – ответила Изабелла, следившая за временем и работой приборов.
- Нож! – распорядился шеф бригады и небрежно мазнув по коже марлевым шариком, смоченным спиртом с йодом и закреплённым в зажиме Кохера, одним движением скальпеля вскрыл грудную клетку неудачливого пьяницы.

Он начал так называемый открытый массаж сердца. Конечно, так и кровообращение лучше можно обеспечить, и больше шансов сердце запустить. Потом Максимов ещё раз ввёл в сердце адреналин. Однако и последующие шесть минут усилий не дали никакого результата.

- Сколько?! – ещё раз осведомился ответственный дежурный.
- Шесть открытого, тринадцать от начала реанимации, – сообщила Изабелла и, секунду помолчав, добавила: – Не менее двадцати – двадцати двух минут всего, Станислав Иванович! Энцефалограф на изолинии...
- Всё! Заканчиваем! – принял решение ответственный. Он сорвал маску, перчатки и с недовольным, мрачным выражением лица вышел из операционной.

Подразумевалось, что рану ушьёт Изабелла. Эту клиническую ординаторшу (или, как иногда говорили, аспирантку), прибывшую из Дагестана никто и никогда не называл по отчеству. Хотя ей уже было за тридцать, и по возрасту это был её последний официальный шанс получить последипломное образование. Она сама попросила, чтобы её звали только по имени, сославшись при этом на национальные традиции.

От пациента отключили аппаратуру. Операционная сестра, следя за тем, чтобы не расстерилизоваться, бросила на простыню, всё ещё прикрывавшую покойника снизу до пояса, изогнутую большую “кожную” иглу, тоненький остаток мотка шёлка, иглодержатель и пинцет.

- Лёша, зашьёшь? – предложила Изабелла. Алексей кивнул в ответ: почему бы не попрактиковаться, тем более, что вреда от этого теперь уже точно никакого быть не может.

Старшая операционная сестра дежурной бригады уже готовилась к другой операции, выкладывая инструменты на специальный (инструментальный) столик в строго продуманном и годами отработанном порядке. Алексей, ловким движением перекинув нитку через носик иглодержателя, заправил её сквозь прорезь ушка в иглу, взял зубчатый “кожный” пинцет и только тогда взглянул на рану,

которую ему поручили зашить. Вся она была залита кровью. И всё равно было видно сильно и ровно сокращающееся сердце. Алексей машинально взглянул на часы, висевшие в операционной над выходом в "предбанник", где хирурги обрабатывали руки. Выходило более двадцати семи минут с момента начала реанимации и более полчаса с момента остановки сердца!

- Изабелла! Скорее сюда! Ах, ушла... Шура, беги за Станиславом Ивановичем, скорее! – крикнул он санитарке. – Лидия Ивановна, стерильный кетгут, стерильные зажимы. Скорее!!

Лидия Ивановна, едва взглянув, всё поняла, протянула Алексею тупфер – кровоостанавливающий зажим Кохера с марлевым шариком в нём и спокойно сказала:

- На-ка, йод на кожу пока. Ничего, сосуды мелкие – от потери крови не умрёт!

В операционную, на ходу цепляя маску и без бахил, уже входил Максимов, а с ним и Изабелла. Мгновенно оценив ситуацию, он уже давал распоряжения, бросив Алексею:

- Дай-ка, Лёша, я сам. Дело милицейское, сам понимаешь! Хотя... всё одно – безкорковый теперь! Так, Изабелла?!
- Станислав Иванович... – дрогнувшим голосом произнесла аспирантка, уже успевшая присоединить электроды энцефалографа. – Альфа-ритм... Нормальный альфа-ритм! Это через полчаса-то!

Позже этот случай послужил темой доклада ассистента Максимова и самого Алексея на студенческом кружке. Вроде бы посылали статью в журнал "Вестник хирургии", но редакция почему-то не приняла. А пациент, который – по всем канонам – просто *обязан был* если и не умереть, то остаться безмозглым созданием, лишённым сознания и способным лишь на "растительный" образ жизни, – этот пациент не просто остался жить, но и стал трезвенником,

108

а впоследствии учился так, что лишь прошлые грехи помешали ему получить диплом с отличием. Он не только бросил пить, но начал выступать с лекциями о вреде пьянства. Но всё это было *потом*. А тогда, в клинике, где он провёл около месяца (рана всё же нагноилась), он рассказывал Алексею невероятные вещи. Оказалось, что он помнил всё: и о чём говорила спасавшая его бригада, и как звали её членов, и как обсуждали его глупость и неизбежную гибель головного мозга, если удастся сохранить ему жизнь. Он рассказывал, что видел и себя на операционном столе, и бригаду со стороны, откуда-то сверху. Говорил, что его взяла досада и такое раскаяние за пьянку и эту глупость с водосточной трубой, что у него "в глазах потемнело и пришла мысль: если бы меня спасли, я бы стал совсем другим". А что было после этого, он вспомнить не мог. Ещё он просил никому об этом не рассказывать, "а то в психбольницу отправят!"

Психиатр действительно приходил, благо кафедра психиатрии располагалась в психоневрологическом диспансере по соседству со Второй клиникой. Никаких отклонений психиатры кафедры у недавнего покойника не нашли, а своих рассказов Алексею пациент им не повторял.

Как бы то ни было, но этот случай стал для Алексея на несколько месяцев одной из основных тем размышлений. Он очень сожалел о том, что не было возможности поговорить с уехавшим преподавателем нормальной физиологии и с его приятелем-изобретателем Володей. Однако выходило, что изобретатель-самоучка был прав: душа – не душа, но нечто нематериальное, каким-то образом связанное и с жизнью, и с сознанием, существовало. И выходило, что это Нечто было непонятно как связано с материальным телом, но не накрепко, а динамично.

Это Нечто могло, хотя бы на какое-то время, обособляться от физического тела, существуя самостоятельно. Оно

координировало и руководило деятельностью, жизнеспособностью материального тела: как иначе объяснить, что спустя более получаса после остановки сердца, то есть, наступления клинической смерти, жизнь упавшего с третьего этажа студента-пьянчуги восстановилась? Возобновилась не во время действий реаниматоров, а когда они уже оставили свои попытки, не давшие результата. Прекратили их, когда все сроки вышли.

Алексей счёл, что такое его (да и того инвалида-изобретателя Володи) представление о наличии некой нематериальной субстанции жизни согласуется с предположением о наличии трёх компонентов мироздания – невещественной (которую он до сих пор связывал с информацией), вещественной и связующей их полевой. "Может быть, – думалось студенту, – это и есть биополе?" Но тогда получалось, что оно структурировано и может хотя бы на время отрываться от своего носителя – физического тела человека. А чем же тогда это биополе видит? Может быть, так же, как и Роза Кулешова, о которой совсем недавно так много писали и в газетах, и в серьёзных журналах? Ответа не было. Зато были другие дела и заботы. Так что Алексей, что называется, на долгое время отложил проблему в долгий ящик. На всё его не хватало, а он ведь не собирался бросать избранной профессии, хотя и мелькала мысль, что, пожалуй, и в других науках нашлось бы, чему посвятить своё время.

На предпоследнем, пятом курсе во время цикла психиатрии группы, состоящую из восьми студентов, включая Алексея, ежедневно вёл доцент Шестаков, автор учебного пособия. На одном из занятий он в качестве иллюстрации так называемого синдрома Кандинского-Клерамбо, разобранного накануне, привёл из палаты в учебную комнату восемнадцатилетнего парнишку-шизофреника. Звали его Миша Коган. Когда больного расспрашивали о самочувствии, он почему-то сразу же начинал доказывать, что он не еврей, а англичанин, что сейчас 1943 год, и что все

мы – и он, и доцент кафедры психиатрии, и студенты – находимся в Германии, в Фульде. При этом он в деталях описывал этот германский городок, называл имя бургомистра, начальника гестапо и других видных городских жителей. Больной ничего не помнил из своего действительного прошлого. Родителей своих называл, как оказалось, вымышленными именами. Всё остальное, что говорил этот больной, точно соответствовало разбиравшемуся на занятии синдрому Кандинского. Вдруг, посередине беседы Миша запнулся, а затем с важным видом изрёк, что послезавтра пойдёт дождь, потом всё замёрзнет, и на следующий день санитарка Маша поскользнётся на льду и упадёт прямо на крыльце диспансера, сломав правую руку. Затем, как ни в чём не бывало, Миша продолжил рассказ о том, как ему космической пылью выжигали лёгкие.

Выглядел этот больной, по мнению Алексея, очень уродливо, неприятно: густые иссиня чёрные курчавые волосы не могли скрыть неправильной формы его черепа, как бы сплюснутого с боков и с плоским затылком; нос был даже для еврея слишком длинным, а зубы редкими; ноги короткие, а руки, наоборот, чуть ли не до колен. Алексей спросил у преподавателя, а не было ли родовой травмы, не использовались ли акушерские щипцы. Борис Иванович, руководивший группой студентов, внимательно взглянув на Алексея, дал отрицательный ответ. Потом, в свою очередь, поинтересовался, почему возник такой вопрос. Алексей ответил, что находит у пациента множество признаков дегенерации, но форма черепа может, по его мнению, объясняться и родовой травмой. Доцент улыбнулся, удовлетворённо кивнул головой и перечислил ещё несколько признаков вырождения, не названных Алексеем. В заключение он добавил, что есть серьёзные авторы, которые связывают не только шизофрению, но и другие психические болезни прежде всего с вырождением. На этом занятие в тот раз и закончилось.

Начиная с четвёртого курса, в медицинских институтах Советского Союза использовалась цикловая система преподавания: определённое время – от двух недель до трёх месяцев (в зависимости от дисциплины) практические занятия со студентами проводятся только по одному предмету, по которому они получают ежедневные задания, не считая одной – двух ежедневных лекций по другим предметам. Это позволяло, среди прочего, проследить за течением болезни у больных, закреплённых за студентами.

А в случае с "Мишей-англичанином" произошло следующее: через два дня действительно наступила первая оттепель – очень рано! Пошёл дождь. А на другой день ударил мороз, машины едва ползали по городу из-за гололедицы, а санитарка психдиспансера Маша и в самом деле упала на крыльце, заполучив при этом "перелом правой лучевой кости в типичном месте". Никто из остальных студентов группы не связал происшедшее с предсказанием больного Когана, но Алексей решил поговорить с "шизиком" – так за глаза прозвали студенты Бориса Ивановича Шестакова. Он и в самом деле был несколько странноват и своими манерами напоминал больных. Как говорили сами преподаватели кафедры психиатрии, "нет психиатра без псишинки". Впрочем, это не мешало студентам относиться к доценту, автору учебного пособия, с искренним уважением.

Объяснение Бориса Ивановича совершенно не устроило Алексея: тот ссылаясь на метеорологическую чувствительность многих больных – не только психиатрических, на высокую вероятность упасть во время гололедицы, да на таком ещё крыльце, как у входа в диспансер, да при такой комплекции, как у тёти Маши. Алексей поблагодарил доцента, попрощался (это было после занятий) и отправился в областную библиотеку. Там он без особого труда нашёл то, что искал: старую карту города Фульды в Германии. И хотя карта не была ни довоенной, ни, тем более, времён гитлеризма, пыливый студент убедился,

что Миша Коган, никогда не бывавший далее Семилук, действительно прекрасно знаком с городком, о котором рассказывал студентам группы Алексея на первом занятии. Несколько дней спустя Алексей через знакомых из университета узнал и имя бывшего бургомистра Фульды: Миша и тут оказался прав! Имя начальника гестапо узнать не удалось, но и полученных сведений было более чем достаточно, чтобы прийти к выводу: какие-либо случайности всех этих совпадений исключались!

Выходит, совершенно не ориентируясь ни в своей личности, ни в пространстве, ни во времени, ничего не зная о настоящем, – Миша Коган *знал* прошлое и *предвидел* будущее! К сожалению, пока Алексей смог собрать эти сведения, цикл психиатрии закончился, встретиться с "англичанином" больше не было возможности. Всё время опять заполнили другие дела и заботы, не связанные ни с точным знанием будущего, ни с "ложной" (но точно соответствующей действительности) памяти о прошлом: Алексей в то время готовил заявку на изобретённый им медицинский прибор, регулярно – по расписанию экспериментальной лаборатории кафедры – ставил опыты на собаках, за которыми, к тому же, надо было и ухаживать после произведённых им операций. На кафедре частной хирургии бытовало убеждение, что к концу института у Алексея будет готова кандидатская диссертация или, как минимум, окажется полностью завершённой экспериментальная часть. Так оно и вышло, но... это всё пришло позже. А пока что Алексей опять отложил необъяснённые сведения в тот долгий ящик, где уже лежали сведения об умершем и воскресшем студенте-строителе, гипотеза о душе, где находились и сомнения в возможности хранения в генах *всей* информации, необходимой для построения тела человека из оплодотворённой яйцеклетки и питательных веществ.

ГЛАВА 3.

ЖИЗНЬ НАЛАЖИВАЛАСЬ...

Дочь, родившуюся 21 декабря 2003 года, супруги Фёдоровы назвали Валенсией. Виктория была счастлива и чуть ли не каждый день говорила, что любит мужа всё больше и больше. Алексей Витальевич же был счастлив вдвойне, пожалуй, даже втройне. Во-первых, родилась, не сгинула до родов наследница; во-вторых, удалось отстоять жизнь матери, которая к тому же заметно окрепла и была счастлива рождением внучки; и в-третьих, были не только сохранены, но и значительно окрепли отношения с супругой. Она теперь полностью соответствовала исконному значению этого старого русского слова. Наконец, все они жили в новом доме, построенном по собственному проекту и во многом своими руками.

Но тревога не покидала, всё грызла Алексея Витальевича. Он подсознательно, возможно – в силу до крайности тяжёлого жизненного опыта, возможно – вследствие знаний о будущем, постоянно ожидал наступления чего-то скверного. И жена, и мать видели, что их муж и сын, хотя и явно счастлив, но одновременно чем-то угнетён. Правда, женщины, крепко связанные дружбой и ребёнком, обсуждая между собой состояние Фёдорова, тревожились лишь из-за его здоровья. Они не понимали, да и не могли знать истинных причин его тревоги, его беспокойства. Хотя, безусловно, усталость, переутомление играли существенную роль.

Несколько легче Фёдоров себя почувствовал лишь к концу февраля. Теперь, когда во второй раз им были прожиты эти месяцы, когда прошло несколько недель, дополнительных к *той* жизни, когда полностью исчезли приступы раздвоенности с ощущением пребывания одновременно в двух реальностях, он наконец-то обрёл душевное равновесие и смог разобраться в причинах своих тревог и страхов.

Дело было, как он полагал, во-первых, в его собственном трудном жизненном опыте. Нет, речь здесь не о работе, не о трудах или трудностях в обычном смысле: Фёдоров был убеждён, что человек, не переживший трудностей, не испытывавший горечи поражений, отчаяния, бед, человек не трудящийся, – принципиально не может быть счастлив. Впрочем, в таком убеждении Алексей Витальевич не был ни одиноким, ни новатором. Ещё Омар Хайям сказал:

Кто никогда не видел ада,
Кто жил, беды не зная,
Того и в рай пускать не надо:
Он не оценит рая.

В силу таких убеждений Фёдорова, трудности и заботы последних месяцев, прожитых им "двойной тягой", лишь укрепляли ощущение счастья. Но... Фёдоров был убеждён ещё и в другом: человеческое счастье на Земле недолговечно. Не только в силу смертности, а в силу неких ещё непознанных закономерностей, в какой-то степени знакомых многим, а ему, с его жизненным опытом, в особенности: после периода счастья непременно следует период бед, невзгод и несчастий, преодолеть которые не всегда возможно и дано не всякому.

Но самым скверным Фёдоров считал несправедливое, не Божеское, а, скорее, дьявольское устройство человеческой жизни, ибо многое, слишком многое зависело от злой воли облечённых властью людей. Собственно, и людьми-то властителей Фёдоров считал с натяжкой. Ведь нормальному человеку, богатому духом, развитому умственно, занятому делом, власть над другими людьми не нужна, не интересна. Стремление властвовать над другими – это нечто из области психиатрии (зачастую, вполне точно диагностируемое).

За примерами далеко ходить не нужно: Ницше с его воспеванием любви к власти, с его "белокурой бестией"

окончил дни в психиатрической клинике; Наполеон, жаждавший покорения мира, и Пётр Первый с его жестокостью, склонностью к насильственному "реформаторству" страдали эпилепсией. Чезаре Ломброзо и Эрих Фромм, сами евреи по рождению, убедительно, основываясь только на фактах и статистике, показали, что стремление к власти является одним из психических свойств дегенератов, коих, по их сведениям, так много среди евреев, столетиями стремившихся жить изолированно, в гетто, не смешивая свою кровь с кровью "двуногих животных". Это стремление Эрих Фромм относил к неконструктивным, *деструктивным* свойствам психики, детально описывая свойства характера Адольфа Гитлера, особенности жизнеустройства и идеалов "сто процентных американцев", которые воспроизводят деструктивных честолюбцев, стремящихся к власти. Впрочем, в последнем вопросе Фёдоров был не вполне согласен со знаменитым психологом. Да, агрессивность англосаксов часто проявляется в стремлении к власти и нетерпимости к чужим, иным культурам. Но агрессивность эту, приведшую к уничтожению более 100.000.000 индейцев Северной Америки, Алексей Витальевич связывал не только с образом жизни этого европейского племени, с особенностями его культуры, но также и с наследуемыми психическими чертами, *вне связи* их с дегенерацией (вырождением, говоря по-русски).

И вот теперь, живя в собственном доме, но в расчленённой России с убитой наукой, с последовательно уничтожаемой русской культурой, с почти уничтоженной экономикой, Фёдоров проанализировал свои настроения и ощущения, опыт дважды прожитых месяцев, положение собственной семьи, сохранённой его усилиями. Вывод был одновременно и утешительным, и ужасающим: да, ожидать катастрофы следует; но на этот раз она, вероятнее всего, придёт не изнутри, а снаружи – из злобного, жестокого внешнего мира, управляемого теми, кто выдаёт

искусственно созданные, искусно направляемые процессы так называемой глобализации за нечто якобы естественное и неотвратимое. В действительности это – переход к фашизму, – был убеждён Фёдоров, – к фашизму всепланетному. Утопия, конечно. Кончина его предрешена. Но... сколько страданий причинит попытка воплощения этой утопии, сколько жизней унесёт, сколько породит несправедливостей, сколько отравит душ, сколько ресурсов – природных и трудовых – поглотит!

Эх, если бы можно было изменить вектор развития на рубеже семидесятых-восьмидесятых лет XX века! Сохранить бы СССР – этот реальный тормоз для наступления глобального фашизма, этот вероятный источник нового пути развития человечества – с главной духовной, а не потребительской компонентой! Ещё лучше было бы предотвратить приход к власти в СССР этого бородавчатого лысого Хруща – предтечи Горбачёва... "Стоп! – остановил самого себя Фёдоров. – А с чего это я взял, что такое невозможно? Ведь прошлое моей собственной семьи я изменил!.. Поживём – увидим! А в крайнем случае..."

Приняв такое решение, Алексей Витальевич сумел вновь обрести душевное равновесие. Выехав в последние февральские дни 2004 года в Германию, заработал вполне приличную сумму. Да ещё и взял там беспроцентную ссуду. Так что ко дню Восьмого марта он смог устроить всем трём своим любимым женщинам (зачисляя в эту категорию и дочь, которой было лишь два с половиной месяца) грандиозный праздник. И жена, и мать улыбались, глядя на Алексея Витальевича: их любимый супруг и сын, судя по всему, сумел преодолеть какой-то невысказанный внутренний кризис, да и силы, видимо, прибывали с каждым днём.

В этой новой реальности Фёдоров не стал оформляться в службу занятости. Теперь-то он точно знал, что всё это совершенно бесполезно. Но главное было в ином: похоронив надежды на своё профессиональное трудоустройство, избрав в качестве главной жизненной цели счастье своих родных, благополучие своей семьи, Алексей Витальевич обрёл внутренний стержень, которого ему так не доставало долгие годы – всё время фактической безработицы после утраты профессиональной работы учёного-исследователя.

Он решил поступить иначе. Стояло по-балтийски холодное мартовское утро, когда Фёдоров с трудом запустил дизельный мотор машины, оставленной на ночь во дворе, а не в тёплом подвале.

– Опять заправщики халтурят! – подумалось ему, – Продадут под видом зимнего летнее дизельное топливо.

После вчерашней оттепели подморозило, и наступившая гололедица наказала многих самоуверенных водителей за лихачество: на тридцати километрах от дома до въезда в Калининград он насчитал полдесятка легковых машин, уткнувшихся в придорожные деревья или лежащих в кюветах перевернувшимися. Да и в городе было не лучше: нетерпеливые и самоуверенные богатеи не понимали, что спеша в таких дорожных условиях, подставляют под удар не только аккуратных водителей немолодых машин (на это им было явно наплевать!), но и самих себя. Вот и сейчас почти на самом въезде в город, возле бывшего Лермонтовского торгового центра образовался затор – внедорожник „Тойота“ выскочил со второстепенной дороги и, что называется, в клочья разорвал левый бок немолодых „Жигулей“, которые были для внедорожника при этом ещё и „помехой справа“. Сам внедорожник не пострадал: удар пришёлся на защитные дуги из толстых труб, приделанные над бампером.

Простояв минут десять, Алексей Витальевич договорился с водителем подпершего его сзади „Опеля“.

Оба развернулись и поехали в объезд, — как раз мимо дежурной части автоинспекции. Из-за этой задержки Фёдоров минут на двадцать опоздал на встречу, о которой условились по телефону два дня назад. К счастью, его полный тёзка Мальцевич, бывший „м.н.с. б.у.с.“ (младший научный сотрудник без учёной степени), а теперь — преуспевающий делец, не отвечая на приветствие бывшего шефа, грубовато, демонстративно взглянув на часы, спросил:

- Ну! Какие проблемы?! Опаздываешь, Алексей Витальевич, а ведь „время — деньги“!
- Гололедица, Алексей Витальевич! У Лермонтовского вообще дорога перекрыта! Так что, извини, но предвидеть это мне было невозможно!
- Ладно! Замяли!.. Ну, чё ты хотел?

В немногих словах Фёдоров изложил своё предложение: работы у него нет и официально не предвидится; все потенциальные работодатели соглашаются лишь пользоваться его трудом „по-чёрному“, то есть не оформляя трудовой книжки и не перечисляя средств в пенсионный фонд, что ему, в связи с возрастом, никак не подходит... Вот если бы тёзка согласился оформить его на работу, то Фёдоров взялся бы оказывать консультативные услуги бесплатно, но только при условии официального оформления, со всеми законными перечислениями, а за зарплату он готов расписаться хоть сейчас на год вперёд, не претендуя на получение денег.

Если начало просьбы Фёдорова Мальцевич слушал, не скрывая гримасы неудовольствия, то заключительная часть, очевидно, показалась ему привлекательной: он получал возможность свободно распоряжаться суммой заработка, начисляемого Фёдорову. Помолчав, прикидывая что-то в уме с минуту, Мальцевич сказал:

- А что, Лёша! Предложение нормальное! Думаю, что моя фирма сможет тебе помочь! Давай спросим у бухгалтера! — завершил он, расплываясь во вполне дружеской улыбке и хлопнув Фёдорова по колену.

Елена Павловна Кайманова, работавшая у Мальцевича бухгалтером с самого начала реформ, была хорошо знакома с Фёдоровым. Она приветливо кивнула, едва он вместе с её хозяином появился в широком дверном проёме бухгалтерии. Мальцевич чётко и кратко изложил сущность только что услышанного предложения. Кайманова отложила сигарету, затянувшись перед этим с пристрастием заядлой курильщицы, и стала просматривать бумаги в какой-то папке, помеченной тремя разноцветными бумажными наклейками. Потом она сказала своим хрипловатым, как бы простуженным голосом:

- Можно, Алексей Витальевич! Было бы неплохо назначить Алексею Витальевичу зарплату в пять (тут она кинула мимолётный взгляд в лицо Фёдорова) или шесть тысяч рублей!
- Ну, Окэй! – улыбнулся Мальцевич с выражением осознаваемой им собственной щедрости. – Оформляй консультантом с окладом... – Тёзка чуть помедлил. – С окладом в пять тыщ! Ну, давай, Витальич! Пиши заявление! А я в порт опаздываю! – завершил он, опять посмотрев на дорогие часы в титановом корпусе. – Сам знаешь, какие поездки в гололёд!

В какие-то десять минут бумажные формальности были окончены. Елена Павловна, заведовавшая у Мальцевича ещё и кадровыми делами, оформила вкладыш в трудовую книжку. Оригинал Фёдорову оставлять не хотелось: не было уверенности, что частная фирма Мальцевича сохранит этот важный документ в целости и сохранности. Вон, два года назад его контору поджигали! Пришлось переехать сюда, в старинное здание немецкой постройки. Поскольку в оригинале трудовой книжки оставалось место как раз на одну – две записи, Кайманова размашисто заполнила оставшиеся строки сведениями о выданном вкладыше и печатью. Теперь уже на часы поглядывал сам Фёдоров: через сорок минут он должен был встречаться с

другим частным предпринимателем. Не таким успешным, как Мальцевич, не таким богатым, хотя и вряд ли более разборчивым в выборе средств.

Десяток километров езды по городу занял как раз сорок минут. Улицы Калининграда были забиты транспортом. Там и здесь дороги частично перекрывались стоявшими участниками аварий. Но гололедица кончилась – вновь наступила оттепель. Однофамилец знаменитого русского писателя, автора „Бесов“ и „Идиота“ был на месте и о чём-то увлечённо, с неподражаемым одесским акцентом разговаривал сразу по двум телефонам – стационарному и сотовому. Увидев визитёра, он с серьёзным выражением лица кивнул ему, не прекращая телефонного разговора. Фёдорову всё время хотелось назвать его Фёдором Михайловичем, хотя на самом деле имя Достоевского было Альберт Фёдорович. Внешне это был полный антипод Мальцевича: если тот был высок, худощав, степенен, усат и не выпускал изо рта сигарету, то Достоевский был маленьким, гладко выбритым подвижным и говорливым южанином с округлым животиком, напоминавшим арбуз. По-русски он говорил грамотно, не употребляя ни американизмов, ни украинизмов, но интонации... В общем, это был типичный одессит, почему-то скрывавший это обстоятельство, вовсе не предосудительное, по мнению Фёдорова.

- Вы, пожалуйста, извините, товарищ Фёдоров. Александр, Алексей... Забыл, как правильно!
- Алексей Витальевич моё имя.
- Так я же и говорю! Алексей Витальевич: мне срочно, немедленно – как лечь и помереть! – нужно заключать договор на поставку из Бельгии!
- Прямо сейчас?
- Ай, что я вам рассказываю! Вы же сами видите, как меня достают. Два телефона, и оба раскалились. Очень горячие ребята, и по одному и тому же интересу!..Ну,

так я же и говорю: их интерес – мой интерес – ваш интерес. Экстренная услуга – экстренная оплата, – с азартом и явным нетерпением выложил однофамилец писателя и психолога.

- Ну, договор-то я сделаю такой, чтобы никто вас не смог подвести! – спокойно, несколько медлительным тоном, но подчёркнуто твёрдо заверил Фёдоров. – Однако вначале хотелось бы обсудить все детали наших взаимоотношений и, в частности, величину и форму оплаты. При этом – отдельно переводческая работа и отдельно консультации правового характера.

На округлом лице Достоевского в течение нескольких секунд сменилось несколько выражений. Фёдоров понял, что вопросы оплаты однофамильцу писателя хотелось бы отодвинуть „на потом“. Но было ясно, что нужда и в переводчике, и в правоведе-консультанте у него и в самом деле острая, неотложная. Иное дело, сколько времени это будет продолжаться. Зная предпринимательскую публику, Фёдоров перед своим визитом заручился кое-какими сведениями. С немалыми трудностями он узнал, в частности, кто Достоевскому оказывал переводческие услуги, по каким расценкам оплачивался этот труд, сколько он платил за оформление юридически грамотных документов. Важным обстоятельством для Фёдорова было и то, что он уже два раза оказывал Альберту услуги в переговорах с иностранцами: один раз – с немцами, другой – с французами. Достоевский без проволочек оплачивал эту работу. Но сейчас он задал Алексею Витальевичу встречный вопрос:

- А сколько бы вы хотели?
- Альберт Фёдорович, ведь это *вы* сделали мне предложение... Вернее, его часть – ту, которая касается сферы моей возможной деятельности. Так сделайте, пожалуйста, своё предложение полным: такая-то работа за такую-то плату на таких-то условиях расчётов!
- Ай, что это у нас за кошки-мышки, в самом деле! Ваше

слово – и переходим к делу! Ну, и сколько бы вы хотели иметь?

Да, такая форма „диалога“ с работодателями стала типичной во время „реформ“. Это раньше, при советской власти, люди получали за труд, что ни говори, но всё же – в зависимости от его объёма, сложности, квалифицированности. Теперь же, при „рыночных отношениях“, за одну и ту же работу каждый *наёмный работник* получает столько, сколько сумел урвать, выцарапать, отстоять у своего работодателя. Сами же величины платы за работу – совершенно очевидно, в чьих интересах – возведены в ранг „коммерческой тайны“. Конечно, ведь так было легче манипулировать людьми, проще присваивать часть их заработка, прикрывать тот факт, что все нынешние богатеи и сверхбогачи суть воры „в особо крупных размерах“, что миллиарды они сколотили за счёт распродажи богатств, созданных трудом предшествующих поколений, или же, сбывая на Запад невосполнимые природные ресурсы. Фёдоров решил, что настала пора проявить свою осведомлённость.

- Я не претендую на такой размер оплаты, каким у вас пользовалась Наталья Петровна (это было имя переводчицы, не устроившей Альберта по причине технической безграмотности и недостаточно свободного владения языком, хотя она и имела диплом инъязы). Я согласен – но при условии постоянства работы – на половину, то есть сто пятьдесят в час. Юридические вопросы можно обсудить и позже.

Было видно, что осведомлённость Федорова неприятно поразила его возможного работодателя. Но скромность притязаний кандидата, его спокойное и выдержанное поведение сыграли свою положительную роль. К тому же, квалификация была проверена, когда в прошлом году Фёдоров распознал турецкий акцент предполагаемого

германского партнёра Достоевского и рассказал о приёмах, которыми живущие в Германии турки-торговцы пользуются для обмана российских дельцов. Все эти размышления, как и их результат, с отчётливой ясностью для Фёдорова отразились на лице предпринимателя.

- Ай, пусть будет, как вы сказали! Сто пятьдесят? Нет вопросов – я согласен! Оплата раз в месяц, ну, скажем... Какое у нас сегодня число?.. Так я же и говорю: по пятым числам. Пойдёт?
- А этот договор, о котором вы говорили по телефону, я подготовлю ко вторнику за пятьсот. Вы согласны? – спросил Фёдоров и, увидев утвердительный кивок, сделанный Альбертом с явным удовлетворением, продолжил: – Но есть ещё один очень важный нерешённый вопрос. Вопрос о связи. У меня нет обычного телефона, только радиотелефон сотовой связи. При этом – дорогой, потому что номер я получал давно, а менять его значило бы потерять связь с теми, кому этот номер известен.
- Так поставьте телефон! Какие проблемы?!
- Проблемы нет, но есть две трудности – большая очередь и высокая цена...

Здесь разговор был прерван новым телефонным звонком. И Достоевский, сделав извиняющийся жест, начал долго и нудно втолковывать что-то о приемлемых и неприемлемых условиях и сроках какой-то поставки из Бельгии. Фёдоров подумал: то ли его будущий работодатель не умеет вести переговоры, то ли подстраивается под своего тупого московского партнёра? Второе, с учётом общего образовательного и культурного уровня дельцов в „эрэфии“ казалось более вероятным. Наконец, Альберт с тяжёлым вздохом положил трубку стационарного телефона и счёл нужным доверительно пояснить:

- Ну, Алексей... Витальевич! Невозможно работать! Ну,

не понимают, *не хотят понимать* люди реальных условий! Думают, в Бельгии – как в России! Хотят навязать *иностранцам* свои правила игры! Сказал бы я этим столичным козлам... Но мы же интеллигентные люди. Вы понимаете?

- Да, я-то понимаю, а вот как это объяснить тем... кого вы так ласково назвали... – вполне искренне ответил Фёдоров.

Достоевский в ответ рассмеялся и спросил:

- Ай, я и не пытаюсь! Делаю вид, что играю по их правилам!.. И на чём мы остановились? Так я же и говорю: телефон. Ну, и что *вы* имеете мне предложить?
- Я бы предложил заключить договоры на два телефона в фирме „Связьинформ“. Тогда между нами связь будет бесплатной, а с *заграницей* – около двенадцати рублей за минуту.

Достоевский взглянул на часы, потом перевёл взгляд на экран компьютера, перед которым он сидел, ещё раз посмотрел на часы, что-то прикидывая, и предложил, поднимаясь из вращающегося „делового“ кресла:

- Так я же и говорю: дельное предложение! Поехали за телефонами! Вы на колёсах?

Через какой-нибудь час Фёдоров уже пробирался к выезду из города, имея в портфеле новенький радиотелефон сотовой связи и пятисотенную бумажку аванса в бумажнике. Обнадёживало то, что новый работодатель *сам* предложил этот аванс и счёл необходимым недвусмысленно пояснить, что радиотелефон – это не подарок, не вещь, переданная в аренду, а часть его затрат как предпринимателя. Да, Достоевский ещё во время предварительной встречи в феврале самым категорическим образом отказался и от оформления

трудоустройке, и от официальной оплаты труда Фёдорова. Но и с его аргументами Фёдоров не мог не считаться: Достоевский заявил, что у него „нет желания вступать в отношения с этими негодяями–взяточниками“ из налоговой инспекции и что финансовое положение его фирмы „пока что не позволяет платить поборы, которые сосёт „этот паук – государство“. Впрочем, теперь, после заключения договора с Мальцевичем, неформальность (следовательно, ненадёжность) отношений с фактическим работодателем потеряла в глазах Фёдорова свою актуальность. Да, и в таком своём нелегальном положении он был в реформаторской России отнюдь не одинок!

По дороге домой Алексей Витальевич заехал в универсам, потратив большую часть аванса на продукты, новую соску и некоторые предметы ухода для дочери. Ему не терпелось скорее очутиться дома, порадовать своих любимых женщин переменами в положении, которые он расценивал как отрадные. В самом деле, на какое-то время (вероятно, не менее, чем на год) он будет приносить в семью постоянный доход и, к тому же, зарабатывать, не выходя из дома. Это значило – не только не отрываться от семьи, но и экономить на проезде около двух тысяч рублей в месяц.

Домой Фёдоров попал как раз к обеду. Едва открыв входную дверь, он почувствовал соблазнительный запах каких-то блюд, которые на пару, соревнуясь в кулинарных навыках, готовили его любимые женщины – жена и мать. Младшая пока в этих соревнованиях не участвовала: она часами что-то „гукала“, улыбалась и с интересом разглядывала детали своей деревянной кровати, по которым водила толстеньким пальчиком, временами посмеиваясь с заразной беззаботностью. В *прошлой жизни* кулинарные заботы целиком лежали на Алексее Витальевиче. При этом *тогда* ему приходилось заниматься раздельной готовкой: для себя с женой – одно, для умирающей матери – другое.

Приобретённые в прошлой действительности навыки никуда не исчезли. Как-то раз он приготовил вкуснейшие (как говорила Вика, фирменные) котлеты. Мама съела одну и задумчиво, будто догадываясь о страшной тайне, медленно, с расстановкой молвила:

- Лёшечка! Когда же ты научился так вкусно готовить? Ведь, если по совести, я тебя и близко к кухонной плите не подпускала – не мужское это дело!
- Знаешь, мама, – ответил Фёдоров со смехом, но внутренне холодея от того, что его проницательная мать может о чём-то догадаться, интуитивно добраться до истины. – Во-первых, сколько я за твоей работой наблюдал! А, во-вторых, за время стройки кое-какие навыки приобрёл. Но, если тебе с Викой не нравится, – больше не стану вас отравлять.
- Нет уж! Отравляй, моё солнышко! В рестораны мы не ходим, так пусть дома будет что-то по-настоящему фирменное! – вмешалась Вика, подошедшая к концу разговора.

Тем дело и кончилось.

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

3. БЕЗРАБОТНЫЙ.

Алексей Витальевич в очередной раз позвонил в морфологическую лабораторию, которая располагалась на территории областной больницы, то есть километрах в двух от него.

- Татьяна Петровна, когда вы, наконец, передадите мне журнал?! – спросил он у своей младшей научной сотрудницы, подошедшей к телефону.

В ответ он услышал не слишком вразумительное объяснение:

- Ой, вы знаете, Алексей Витальевич, такая нескладуха! Маргариты Станиславовны сейчас нет. А без неё что я могу? Я же ничего не решаю.

Фёдоров раздражённо опустил трубку на рычажки телефонного аппарата.

Ему не понравился и сам ответ, и тон, выдававший неискренность и неуверенность подчинённой. Уже в третий раз он требовал от руководительницы лаборатории Маргариты Станиславовны Ершовой журнал регистрации данных измерений и в третий раз выслушивал отговорки, в сущности, означавшие отказ. В чём дело?! Ведь Маргарита, непонятно каким образом числившаяся без учёной степени в должности с.н.с., не могла не знать, что сроки сдачи годового отчёта жёстко определены, что его просьбы – это не прихоть, не каприз строгого руководителя, а необходимость. Как он мог писать отчёт, не имея исходных данных? Но именно этого и хотелось Ершовой, которая представила ему две недели назад выполненные ею весьма поверхностно обобщающие заключения, с улыбкой сообщив, что, вот де,

их группа облегчила ему дело, выполнив за него часть работы. Фёдорову было ясно, что за улыбкой скрывалась неискренность, за которой ему померещилось нечто вроде тревоги. Содержание же ответа о якобы выполнении работы *за него* выдавало скрываемую неприязнь. Впрочем, последнее Алексей Витальевич отнёс на счёт того, что с его появлением здесь три года назад заметно осложнилось положение старшей научной сотрудницы – "бусика" (так принято в их среде называть сотрудников без учёной степени, то есть б.у.с.), снизилась её значимость, а так и не доделанная за эти долгие годы диссертация стала вызывать сомнение и в желаниях, и в способностях, и в квалификации соискательницы учёной степени.

Фёдоров ещё раз набрал номер лаборатории, выяснив прежде всего, вернулась ли Ершова, и, дождавшись, пока она подойдет к аппарату, вежливо, но достаточно жёстким тоном сказал:

- Здравствуйте, Маргарита Станиславна! Вы помните, какое сегодня число?.. Прекрасно! Поэтому в течение часа, пожалуйста, организуйте доставку журнала ко мне! Завтра утром можете сами снять здесь лабораторию с пульта охраны и забрать журнал назад!

Лаборатория, хотя она и располагалась в одном из корпусов университета, фактически числилась за Министерством среднего машиностроения и считалась секретной, как и хранившиеся в её шкафах и сейфах материалы исследований. Единственно открытыми данными во всей теме были те, которые получали под руководством Ершовой и журнал с результатами которых требовался Фёдорову для составления годового отчёта. Тем не менее, Маргарита тоже имела так называемый допуск. Получила его года за два до самого Алексея Витальевича, прибывшего в город молодого доктора наук, назначенного вначале ответственным исполнителем темы, затем её руководителем. Приехав в Калининград, Фёдоров был удручён и разочарован.

Разочарован уровнем исследований, который не соответствовал даже имевшейся весьма добротной аппаратуре. Удручён отношением тех, кто числился научными сотрудниками. Сам он, с юности занимаясь наукой, был не просто убеждён, а *знал*, что научная работа – это не просто *работа*, это не только вид деятельности, но и – прежде всего – образ жизни. Только если поиск новых знаний или, несколько высокопарно выражаясь, поиск истины станет *главным* в жизни, лишь тогда возможен серьёзный результат. И этот результат, вернее – результаты окупят все труды, скучную рутину единообразно организованных бесчисленных опытов, их частых неудач, бессонницу от переутомления, а порой и невозможность встретиться с друзьями, сходить в театр, кино. Когда получаешь долгожданные результаты, точнее – Результат, видишь, что он – действительно нечто новое, потенциально или реально полезное, когда понимаешь, что были не напрасными все мучительные сомнения в правильности выбранного направления исследований, в организации опытов и постановке задач, потому что Результат говорит и сам за себя, и подтверждает: "Ты был прав, не ошибся!", – вот тогда и чувствуешь именно то, что называется счастьем. Тогда всё вокруг начинает восприниматься иначе, становится ярким, радостным, тогда понимаешь, что живёшь не зря, что от тебя есть какой-то прок, нечто новое, что-то полезное.

К тому же, Фёдоров поначалу никак не мог понять причин того, что Ершова отнюдь не спешила завершить работу над кандидатской диссертацией. Более того, заходя в их лабораторию, Алексей Витальевич всякий раз – исключений не было – заставал всех трёх её сотрудниц (одной с.н.с. – Маргариты и двух младших, то есть м.н.с.) за чаепитием и приятной беседой. Только техник лаборант Виктор был всегда занят чем-то существенным по своей части: то отлаживал микротом, то ремонтировал электронный микроскоп, то добивался идеальной работы вакуумных насосов. Сотрудницы неизменно с улыбками приглашали Фёдорова присоединиться, и он временами соглашался,

130

временами — отказывался, ссылаясь на какие-либо дела. Лишь постепенно он стал понимать, что для этих молодых женщин и их руководительницы, постарше, наука — не только не главное в жизни, а вообще лишь вид непыльного и неплохо оплачиваемого способа добычи средств к существованию, весь смысл которого, к сожалению, лежал в тряпках, гостевании или встрече гостей, в общем, во всём том, что проще и понятнее назвать одним словом — потребление. Тогда Фёдорову стало понятным, что не только его приход сюда, но и весь его стиль работы — с продуманной планировкой времени, то есть, максимально насыщенным его использованием, да и просто работоспособность, стали ничем иным, как вызовом всему местному укладу. Пусть этот вызов и был непреднамеренным и не осознаваемым им самим — новым руководителем.

В самом начале Фёдоров вполне искренне хотел помочь Маргарите скорее завершить диссертацию, просил в конце рабочего дня задержаться, чтобы обсудить её трудности, выяснить, в чём нужна помощь. Сперва Маргарита соглашалась, рассказывала о встретившихся трудностях. А Фёдоров, объясняя, что он не морфолог, всё же помогал: несколько раз быстро организовывал то вроде бы нужную Ершовой консультацию, то доставку редких реактивов или красителей. Но, видя, что благодарность и улыбки сотрудницы за помощь на деле скрывают растущую тревогу и даже неприязнь, оставил это. Маргарита бесспорно увидела, что Алексей Витальевич *не понимает* её, не видит её истинных намерений. Желая продлить это непонимание и, в свою очередь, не понимая, что на фоне его работоспособности все они вскоре станут выглядеть бездельницами, видя огорчение Алексея Витальевича, она благодарила за помощь и уклонялась от неё, ссылаясь то на болезнь дочери, то на ревность мужа — моряка, который в кои-то веки оказался дома. Как-то раз даже принесла бутылку коньяка в подарок на день его рождения. При этом, увидев, что Фёдоров не разбирается в винах и не смог оценить редкость

и дороговизну презента, пояснила: "Муж из Санта-Круса привёз!" Фёдоров в ответ удивлённо мотнул головой и, догадавшись, что отказываться нельзя, поблагодарил. После этого случая он перестал атаковать Ершову своими предложениями о помощи в завершении (да в *завершении* ли?!) диссертации.

Он мог понять и ревность мужа, и первостепенную важность для женщины любых семейных дел по отношению, например, к работе. Более того, был убеждён, что поддержание семьи, бережное пестование семейных, супружеских отношений, забота о правильном воспитании детей и распознавании их природных способностей – всё это и составляет главную жизненную задачу любой нормальной женщины. Но сам-то он прошёл совершенно иной путь. И хотя был всего на пару лет моложе Маргариты, так и не смог, к своему большому огорчению, не сумел обзавестись собственной полноценной семьёй. Правда, в восемьдесят четвёртом он познакомился в поезде с одной девушкой, которая сразу же расположила его к себе, чтобы не сказать больше. Но... она ехала в Калининград, чтобы стать студенткой, в то время как Фёдоров только что защитил докторскую диссертацию.

Дальше дела пошли так, что он не смог, не имел морального права сделать ей предложение: эта девушка стала не простой студенткой, а попала в *его* группу, где он вёл курс психологии. Потом она взяла академический отпуск, чтобы ухаживать за отцом, поражённым смертельным недугом. Затем перешла на заочное отделение и... перевелась в Ленинград, а недавно уехала туда, чтобы подготовиться к получению диплома. Фёдоров пришёл на вокзал, чему его бывшая студентка Виктория не только удивилась, а и обрадовалась, но он так и не решился сказать ей то, что уже давно собирался. Правда, когда поезд уже тронулся, Виктория, долго стоявшая в тамбуре и глядевшая на него сияющими глазами, что-то прокричала, помахав рукой. Что именно, он не расслышал. А потом... потом опять с головой

ушёл в работу: надвигалось время подготовки и сдачи годового этапа работы. Потом он казнил себя за нерешительность, которую сам же и объяснял себе полным отсутствием опыта. С другой стороны, его беспокоили и двенадцать лет разницы в возрасте, и отсутствие полной уверенности в том, что она смогла бы стать его супругой в истинном значении этого слова, соратницей. А иначе было нельзя: наука как образ жизни и тип мышления неизбежно бы их разлучила. Удивительно ли при нынешнем-то легковесном отношении к браку, к готовности женщин радостно идти на развод.

Всё это Фёдоров считал недопустимым вообще и неприемлемым для себя. К тому же, он уже повидал горе некоторых своих однокурсников. Один из них, сын профессора, за три месяца после развода совершенно облысел, сморщился, стал выглядеть лет на двадцать старше своих лет. Иные вещи лучше познавать со стороны, без личного опыта, — полагал Фёдоров. Как бы то ни было, но он с совершенно искренним сочувствием выслушивал сетования своих подчинённых на семейные неурядицы. Даже пытался давать им дельные, как он полагал, советы, проверенные специалистами — психологами и сексопатологами. Но это так и не помогло установлению контакта с сотрудницами, скорее — наоборот.

Фёдоров-то исходил из священности института брака, понятно, не употребляя таких выражений, из незыблемости половых ролей мужчин и женщин, предписанных самой природой и социальным наследованием. А его "бусики", сотрудницы были женщинами совсем иных убеждений. Он долго не мог понять причин, полагая, что все их временами прорывавшиеся откровенности, включая и пренебрежение к мужчинам как к человеческим особям, результат эмансипации, феминизма. Лишь как-то раз один из сотрудников университета, застав Алексея Витальевича расстроенным после одной из стычек делового непонимания сотрудницами и, видимо, сочувствуя, объяснил, в чём дело. По словам

этого коллеги, носившего вполне еврейскую фамилию, выходило, что всё дело в особенностях еврейского воспитания его сотрудниц, в особенностях их мировоззрения. Улыбнувшись полной неосведомлённости Федорова, никогда не придававшего значения национальности в любых вопросах кроме культуры и традиций, и взяв с него честное слово, что тот не выдаст источник сведений, этот коллега многое порассказал Фёдорову. Для этого они уединились в его лаборатории, чего, вообще-то, по условиям режима, делать не полагалось. Так Алексей Витальевич впервые познакомился с законами талмуда, сущностью сионизма, узнал и о резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 10 ноября 1975 года, согласно которой сионизм, с полным на то основанием, был отнесён к виду расизма, в сущности, отождествлён с фашизмом.

- Так что же мне делать? – просил совета Фёдоров. – Мне же от них ничего, кроме нормальной, добросовестной работы не надо. Да я и не подозревал ни об их национальности, ни о твоей!
- Ничего тут не поделаешь! – убеждённо ответил коллега-просветитель, мотнув головой. – Оставь всё как есть!

Фёдоров крепко пожал ему руку, прощаясь, и пообещал, что завтра же вернёт и словарь Даля на букву "ж", и копию резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 3376. Всё это, однако, не помогло. Алексей Витальевич усвоил, что для его сотрудниц работа – лишь неприятная обязанность, необходимое зло, что диссертации, поскольку ничего в должностном положении не добавляют (даже при условии надбавки за степень!), лишь вредны, так как заставят ощутить свой истинный уровень. Но оправдать недобросовестное отношение к служебным обязанностям он не мог, не умел. Да, честно говоря, и в вопросе о диссертации Ершовой ему ничего не было ясно. Ведь сам-то он сделал почти четыре! Ну, первую, ещё по хирургии, не удалось завершить по причине смерти профессора, а у

преемницы покойного руководителя были и свои взгляды, и свои... интересы, далеко вне рамок науки. Вторую он с блеском защитил. Но когда всего за восемь месяцев доработал её до уровня докторской, к тому же получив ещё два очередных авторских свидетельства, последовал разгромный отказ в допуске к защите. Лишь годы спустя Фёдоров узнал, что невзначай вторгся в сферу, негласно отведённую москвичам. И не просто москвичам, а тем, кого вполголоса и с явным оттенком презрения настоящие исследователи называли блатными. Пришлось браться за другую тему – уже с оглядкой на возможные "подводные камни" и прошлую неудачу. Этой своей работы Фёдоров стыдился: он видел, что работал в заведомо неперспективном направлении, что вся эта официально утверждённая научная проблема ведёт в тупик. Но и здесь он сумел получить принципиально новые результаты, отчего молодой доктор наук и получил направление в сферу оборонной науки. Мог ли он на фоне такого личного опыта, своих убеждений и в своём официальном положении допускать недобросовестность, тем паче – откровенную халтуру?

В установленное время журнала с данными, необходимыми при составлении годового отчёта о НИР (научно-исследовательской работе), он так и не получил. Не было его и спустя ещё два часа. Лишь за час до окончания официального рабочего дня он получил истребованный журнал от Татьяны Петровны с напоминанием обещания вернуть его утром. На фальшивую улыбку своей сотрудницы Фёдоров не ответил. Он мрачно взглянул на часы и спросил:

- Вы так полагаете? Может быть, вы считаете, что я должен остаться здесь ночевать? Ладно, к обеду, пожалуй, управлюсь, – продолжил он, не дождавшись ответа и убирая в свой рабочий стол журнал, к которому при этих словах почему-то непроизвольно дёрнулась рука принесшей его сотрудницы.

Однако та, ни слова не говоря, вышла из лаборатории. Алексей Витальевич недоумевал: в чём дело? Почему она, то есть все они так странно себя ведут в связи с этим несчастным журналом? По правде говоря, эти результаты мало, что вносили в общие итоги НИР. Однако, поскольку всё это было внесено в план, поскольку надлежало отчитаться по *всем* полученным результатам, не представлялось никакой возможности исключить морфологический раздел.

Раскрыв журнал, Фёдоров сразу же обратил внимание на то, что первая страница склеена. Собственно, это был не журнал, а общая тетрадь большого формата, разграфлённая под журнал. В таких тетрадях за обложкой из дерматина следует лист плотной желтоватой бумаги, а затем уже идут 96 страниц, разлинованных, в данном случае, "в клеточку". Вроде бы, приклейка первого тонкого разлинованного листа к этому плотному соответствовала желанию сотрудниц, заполнявших журнал, не дать истрепаться этой странице, содержащей ключевые данные. Но Фёдоров заметил, что к первому листу из плотной бумаги приклеено *два* тонких, собственно тетрадных. Это порождало сомнения и вызывало вопросы. Расположив этот лист против света своей яркой настольной лампы, Фёдоров увидел, что первая страница, содержавшая данные, наклеена поверх другой, тоже содержавшей какие-то числа. А уже эта заклеенная страница была закреплена на первом плотном листе общей тетради, предохранявшем страницу от повреждений. Ненадолго задумавшись, Алексей Витальевич подошёл к шкафу с реактивами и выбрал в нём тот, что помог быстро и без повреждений разъединить склеенные листы.

Проделав эту процедуру, он пришёл в негодование: первый лист, впоследствии заклеенный, содержал *два* ряда данных, не совпадавших ни друг с другом, ни с данными второго, верхнего листа, прикрывавшего собой всё это. Заклеенные данные были нанесены чернилами. Другие, здесь же, — карандашом с небрежными следами резинки.

Посмотрев выставленные на обозрение данные, сравнив их с плохо стёртыми карандашными и с сохранившимися чернильными на заклеенной странице, можно было прийти только к одному выводу – фальсификация.

Долго просидел Фёдоров на работе. Все уже давно разошлись. Именно, когда все ушли по домам, он быстро составил докладную записку на имя ректора университета, в которой не только мотивированно излагал свой отказ составлять ту часть отчёта, которая касалась фальсифицированных данных, но и доказывал сам факт фальсификации, а также высказал соображения на тему, чему эта фальсификация должна служить. Докладная получилась длинной – два листа на машинке через полтора интервала. Положив бумагу себе в портфель, Фёдоров позвонил на пульт, чтобы поставить лабораторию под охрану:

- Здравствуйте, объект номер двести восемьдесят девять сдал Фёдоров.
- Объект принял лейтенант Лебедев.
- Это ты, Стас?– уже другим, не официальным тоном произнёс Алексей Витальевич. Он симпатизировал этому милиционеру с тех пор, как тот, одетый в гражданское, как-то раз пришёл в лабораторию, быстро устранил неполадки прибора сигнализации, ловко орудуя паяльником, и высказал несколько дельных соображений по поводу лабораторного прибора, который мастерил Фёдоров.
- А вы инженер? – спросил он в тот раз.
- Да нет, что вы! Простой техник! Вот перехожу в милицию, будем вас под охрану брать!

Они тогда познакомились. Фёдоров похвалил техника за добротные инженерные знания, предположил, что в милиции при таких способностях он быстро дослужится до майора. Впоследствии так и вышло. Но в этот раз он сдавал объект пока ещё лейтенанту (или *уже* лейтенанту, ведь год

назад он был младшим), который вполне по-дружески поинтересовался:

- А вы, я вижу, расстроены? Или просто устали? Отчёт, Алексей Витальевич?
- Отчёт. Но ты, Стас, угадал – расстроен донельзя. Представляешь, сотрудницы-то мои – данные подделали...
- А вы спуску не давайте! Я этих баб давно знаю, пораньше вас. Всё удивлялся, как вы ещё уживаетесь. Они же нас, русских, вообще за людей не считают...
- Да, так уж получилось... Кстати, в этом вопросе я тоже теперь грамотный. А просветил меня, знаешь, кто? Их, так сказать, соплеменник. Так что, Стас, люди разные бывают! Ну, пока!
- Что, ректору хотите доложить? Не советую...
- Правильно догадался, милицейская твоя голова. Но не могу же я на основании фальшивки отчёт писать! Да какой отчёт! Сам ведь знаешь, на кого мы работаем! – не договаривая, намекнул Фёдоров.
- Алексей Витальевич, – с тревогой в голосе продолжил лейтенант. – Ведь у него же младший брат на Горбача работает! Вы что, не понимаете?!
- Правда? Вот уж удивил... Послушай, вы же всё пишете...
- Да не... Я давно отключил, как вы на пульт сдали. А, вообще-то, я, конечно, заболтался. Ну да, работы в такое время нет – все уже давно посадали, а преступников – если будут – ждём позже. Ну, успехов вам!

Фёдоров едва успел на последнюю электричку в Зеленоградск, где он тогда жил.

На следующий день утром Фёдоров отправился в административный корпус, где непременно решил дожждаться секретарши ректора с тем, чтобы вручить ей свою докладную записку. Отношения с этой молодой дамой, явно

имевшей очень высокое мнения о себе, у него не сложились. Ему так и не удалось понять, что же для неё представляет интерес, кроме как выступать в роли неприступного цербера. Она считала не только возможным, но и нормальным вести себя весьма резко с людьми, которые были значительно старше её годами и заслугами. Впрочем, в последнем смысле её отношение к учёным и преподавателям университета было дифференцированным и зависело в первую очередь от того, как относился к этим сотрудникам ректор. Приходилось также слышать, что секретарша любила принимать подарки от посетителей, но брала не от всякого, не во всякой форме и не всегда. Алексею Витальевичу и в голову не приходило, что в целях успеха его сегодняшнего визита не дурно было бы использовать приношение взятки (ведь так на самом деле следовало оценивать эти "подарки"!). Впрочем, сомнительно, что она бы что-то от Фёдорова приняла.

Наконец, секретарша появилась в коридоре и, едва кивнув в ответ на вежливое приветствие Фёдорова, скрылась за дверью приёмной. Выждав ещё минуты две – три, Фёдоров негромко постучал в дверь и, так и не дождавшись ответа, зашёл в "предбанник" приёмной с вежливым, но твёрдо сказанным "Разрешите?"

- Ну, что там у вас? Я сегодня очень занята!
- Это понятно! Передайте, пожалуйста, эту докладную записку Николаю Алексеевичу и отметьте на моём экземпляре входящий номер, – попросил Фёдоров, торопясь, чтобы его не перебили. И, хорошо зная привычку церберессы отказывать посетителям всегда и во всём, когда это только возможно, продолжил:
- Это касается годового отчёта и важно для университета!

С этими словами он протянул секретарше свою докладную, которую та сразу же, приняв высокомерное и одновременно критическое выражение лица, начала читать, неодобрительно хмыкая и дёргая головой.

- Светлана Сергеевна! – обратился к ней Фёдоров, стараясь чтобы его голос не звучал резко. – Я думаю, ректор сам разберётся, а вы, пожалуйста, зарегистрируйте и отметьте входящий номер на моём экземпляре!
- Я знаю, что мне делать! Не мешайте!! – прозвучал резкий ответ и его продолжение: – Возьмите назад эту чепуху! Николаю Алексеевичу некогда разбираться в ваших литературных изысканиях!
- Светлана Сергеевна! – настаивал Фёдоров. – Докладная записка составлена на имя ректора, – это во-первых; а во-вторых, её содержание носит чисто рабочий, а не литературный характер! Пожалуйста, зарегистрируйте! Или вы хотите, чтобы я отправил заказным письмом?!

Секретарша с явной неохотой проставила входящий номер на втором экземпляре, небрежно швырнув его Фёдорову и подумав, что тот и правда мог отправить свою деловую записку заказной почтой.

Покинув приёмную, Алексей Витальевич пешком отправился в свою лабораторию, хотя это должно было занять не менее 15 – 20 минут. В душе у него кипело негодование. Он и раньше знал о скверном характере секретарши Медунова (такова была фамилия ректора). Но сегодня она фактически выступила не просто в недопустимой роли цензора, но явно и открыто на стороне фальсификаторов. До сих пор Фёдоров полагал, что ректор держит её в силу трёх обстоятельств: как поговаривали, имеющегося дальнего родства, личной преданности и умелого отсеивания нежелательных посетителей. Впрочем, недемократичный и резкий ректор вообще не любил встречаться с сотрудниками университета. Однако после сегодняшнего инцидента Алексею Витальевичу пришла в голову мысль, что реакция Медунова может оказаться совсем не такой, на которую вправе рассчитывать со стороны добросовестного ректора добросовестный учёный, дорожащий и своей репутацией, и добрым именем университета. Почему? Да потому, что

секретарша, эта цербересса, *никогда* не позволяла себе высказываться перед посетителями приёмной вразрез с мнением ректора, которого столь ревностно охраняла.

Незадолго до обеда зазвонил телефон, в трубке раздался резкий, металлический голос, спутать который с каким-то другим было невозможно:

— Фёдоров? К двум часам вас ждёт Николай Алексеевич!

Сразу же после этого послышались частые гудки. В самом деле, зачем дожидаться ответа? Кто такой Фёдоров? Всего лишь один из множества сотрудников университета! А ректор Медунов, как накануне стало известно от милиционера вневедомственной охраны, — старший брат одного из приближённых Горбачёва, проводящего разрушительную перестройку. Фёдорову была не просто непривычна и неприятна царившая в университете обстановка. Она была дика и явно шла во вред делу. Вся эта скрытность, кулуарность принимаемых в университете решений ни в коей мере не были связаны с тем, что многие лаборатории фактически работали на оборону, то есть на них распространялся режим секретности. Алексей Витальевич и раньше работал в сфере обороны. Он хорошо знал особенности, связанные с режимом государственной тайны, но *такого* стиля взаимоотношений, *такой* недемократичной манеры руководства не встречал. Не встречал и не мог привыкнуть, хотя работал здесь уже более трёх лет. Конечно, как говорится, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Но дело было не в этом, а в том, что отсутствие свободы обмена мнениями между сотрудниками разных уровней зачастую мешало работе. Введённый и поддерживаемый ректором Медуновым авторитарный режим лишь скрывал беспорядок (чтобы не сказать, бардак) в организации всех сторон деятельности университета.

Фёдорову не составило труда понять, что университет, преобразованный из педагогического института около

тридцати лет назад, не соответствует своему новому официальному рангу, не дотягивает до университета. Главную ответственность, вину за это Фёдоров относил на счёт Медунова, связывал с явными недостатками его и как организатора науки, и как человека. С другой стороны, конечно, здесь не было ни такой плеяды талантливых и заслуженно широко известных учёных, как в родном институте Алексея Витальевича. Не было здесь, да и не могло быть, и тех давних традиций, пестуемых этими учёными. Откуда всему этому взяться? Ведь и сама область перешла под юрисдикцию СССР всего-то менее сорока пяти лет назад. Но тем большую роль в данной ситуации играл ректор, его инициативы, его стиль, его личность!

Уже догадываясь, что ректор, скорее всего, выразит ему своё неудовольствие за попытку "вынести сор из избы" (хотя, из какой избы – всё происходило и *оставалось* в рамках университета!), Фёдоров отправился к Медунову. Однако то, что произошло в кабинете ректора, далеко выходило за пределы самых худших предположений Алексея Витальевича. Его трудно было смутить и грубостью выражений, и изъяснением на повышенных тонах. Но сейчас он невольно морщился от звона в ушах. Николай Алексеевич Медунов, профессор, ректор выкрикивал нецензурную брань с такой силой, что временами было физически больно всё это выслушивать. Побывав здесь, в кабинете ректора, за три с половиной года всего-то раза два (это он – один из ведущих научных сотрудников университета!), лишь сейчас догадался об истинном назначении мер звукоизоляции. Весь смысл монолога ректора сводился, в сущности, к следующему: во-первых, Фёдоров пошёл против коллектива; во-вторых, его действия – отказ писать часть отчёта – могут повредить репутации университета в глазах заказчика, имеющего Государственное, Оборонное значение (ректор произносил слова с заглавных букв); в-третьих, Фёдоров – саботажник и никудышный учёный. Никаких объяснений, тем более, возражений ректор слушать не стал. Вернее, не позволил

даже заикнуться, но, видя спокойствие и выражение терпеливого ожидания на лице своего, так сказать, собеседника, Медунов постепенно затих, бросив напоследок своё знаменитое:

- Ну! Всё! Идите!
- Николай Алексеевич! Именно, исходя из интересов университета, я и обратился к вам, рассчитывал на... – попытался всё же произнести свою первую фразу Фёдоров.

Но ректор его уже не слушал, а о чем-то беседовал по телефону. Оставалось выйти и притворить дверь с наружной стороны. В предбаннике он кивнул математику профессору Мите Никитину, который внимательно взглянул ему в лицо (видимо, всё же, звукоизоляция не была полной) и вполголоса произнёс:

- Ты сегодня когда освободишься?
- О! Дмитрий Анатольевич! Отчёт! Но ты заходи.
- Часов около пяти, ладно?

Фёдоров кивнул и вышел. Оказавшись на свежем, слегка морозном воздухе, он старался не оступиться на пятачке льда прямо перед невысоким крыльцом административного корпуса. Чувствовалась неприятная тяжесть, тупая боль в затылке. Проявленные им выдержка и напускное спокойствие, отсутствие разрядки стресса сделали своё дело – опять подскочило артериальное давление. Стараясь дышать неглубоко, накапливая углекислоту в крови, Фёдоров отправился назад – в свою лабораторию.

В последующие дни он старался превзойти себя и в трудоспособности, и в интерпретации собранных данных, и в поисках наглядности их изложения для заказчика. Конечно, фальсифицированные данные были им из отчёта исключены. После заголовка соответствующего раздела он написал: "Ко

времени составления настоящего годового отчёта материалы, относящиеся к данному разделу, не поступили". Будучи физиологом, он невольно составил отчёт так, что при внимательном прочтении складывалось впечатление: морфологические исследования в данной работе не так уж важны; пожалуй, в целях экономии средств в будущем этот раздел можно из плана исключить. В этом была фатальная ошибка Фёдорова. Мало того, что он не понял высказанного, пусть намёками, пусть в повышенных тонах, пусть в форме неприглядного разноса, но понятного, как это полагал ректор, меряя всех по себе, явного приказа: писать отчёт на основании фальсифицированных данных и увязать эти "данные" с остальными. Мало того, что Фёдоров не сфальсифицировал отчёт и тем поставил под вопрос финансирование заказчиком защищаемой ректором группы недобросовестных женщин. Кроме этого, стремясь сделать прочие полученные данные более наглядными, обходя молчанием морфологический раздел, он фактически и в самом деле показал его второстепенность для заказчика. Так это и было в действительности, но... Тут в силу вступали соображения, касавшиеся финансирования некоторых направлений в университете, и дипломатия, которой Алексей Витальевич совершенно не владел, да и не понимал в достаточной мере. Его целью было установление *фактических* явлений и связей, их объективное описание, а отнюдь не соображения выгоды или удобства для кого бы то ни было. Собственно, а вправе ли исследователь, учёный действовать, работать иначе?!

Пожалуй, стоит сказать, что с заказчиком, так называемым ОКБ "Пламя", у Фёдорова были прекрасные отношения. С заместителем директора по испытаниям генералом Ахметом Мирзагидовичем Насыровым они были в доверительных, почти дружеских отношениях. Психологический контакт установился сразу же, едва только Фёдоров впервые осенью восемьдесят шестого зашёл в кабинет генерала и увидел висевший у того на стене, прямо напротив входной двери крупный плакат "Кто хочет сделать дело —

ищет возможности, кто не хочет – ищет причины". Недюжинного ума и наблюдательности генерал сразу понял посетителя – по озорной и одобрительной искорке, сверкнувшей в глазах вошедшего учёного, по мимолётной улыбке одобрения и понимания, мелькнувшей у него на лице и по серьёзности, которой вошедший хотел скрыть своё понимание того, что обитатель кабинета раскусил посетителя. Этот личный контакт и единство взглядов на жизненные ценности, на долг, трудовую дисциплину и совесть не раз помогали делу. Та продукция, которую выпускало Опытное Конструкторское Бюро и которая имела непосредственное отношение к стратегической обороне, к сожалению, плохо влияла на здоровье и продолжительность жизни людей, которые с ней имели дело. Это беспокоило и государство, и руководителей предприятия. Потому-то на базе университета и была открыта специальная лаборатория, чтобы исследовать, установить причины и механизмы вредоносных воздействий изделий оборонного предприятия и найти способы их предупреждения или нейтрализации.

Как-то раз для работы Фёдорову понадобился редкий и дорогой прибор. Не раздумывая долго, он отправился в "Пламя" и, предъявив соответствующий пропуск, вскоре был в кабинете у Ахмета Мирзагидовича. Тот, с полуслова поняв, что требуется для продолжения исследований и какие результаты прибор может дать, тут же, по ВЧ, обзвонил предприятия отрасли. Это была и помощь, и одновременно знак высокого доверия: лишь люди высшей степени допуска к секретности вправе были знать, географию отрасли, места расположения её объектов.

- Через неделю доставят из Златоуста, – сообщил генерал.
- Как, подойдёт? Или заказать самолёт?
- Спасибо! – ответил Фёдоров и, заглянул в свой блокнот, где ему одному понятными значками был расписан план исследований со сроками их выполнения. Потом добавил: – Если через 8 – 10 дней начнём, думаю, уложимся в срок. Так что, самолёт гонять незачем.

Генерал удовлетворённо кивнул, потом лицо его помрачнело, и он с горечью произнёс:

- Честно говоря, не знаю, зачем мы с вами ещё возимся... Всё стараемся что-то сделать... Слышали, что Горбач сокращает нашу отрасль, а вскоре собираются продать часть патентов во Францию... Конверсию надумали проводить... Я прикидывал: наши соковыжималки будут гнать сок по сорок рублей за литр! Не копеек, а рублей!!! Мы же *не можем* быть конкурентоспособными... *Вообще* не можем!

Фёдоров помолчал, переваривая информацию и непроизвольно хмуря брови. Потом ответил:

- Ну, что же – американцам расходы снизим: они смогут убрать спутник, который висит над нами из-за продукции 93-го отдела. А через годик, глядишь, и сами развернут подобное производство – французы с них дорого не запросят! А насчёт конкурентоспособности... Дело ведь здесь не столько в организации труда, сколько в климате, расстояниях, труднодоступности наших полезных ископаемых... На Новой Земле стаканом риса в день не обойдёшься и без шубы, в дощатом сарае не проживёшь!
- Россия – не Тайланд! – соглашаясь, как бы отрезал генерал, назвав страну по-западному, за чем тоже скрывался понятный для них обоих смысл.

Оба помолчали. Потом Фёдоров заключил:

- Честно говоря, Ахмет Мирзагидович, полагаю, что только идиот мог поверить во всю эту чушь с рейгановскими "звёздными войнами", принять всерьёз на уши лапшу этой "СОИ"...
- Да-а, – протянул генерал, соглашаясь. – Или враг... – едва слышно добавил он.

В четверг 28 декабря Фёдоров сдал отчёт руководителю одного из отделов ОКБ Провоторову, обычно замещающему в подобных делах Ахмета Мирзагидовича, когда тот куда-то уезжал. Провоторов был далеко не молод и, как казалось Алексею Витальевичу, не отличался слишком глубоким умом, хотя и был чрезвычайно опытен. О нём говорили, что прежде он работал у самого И.В. Курчатова. Это, конечно, была Характеристика! Сообщив в ответ на вопрос Федорова, что генерал ещё не вернулся из Москвы, из министерства, Провоторов без интереса пролистал отчёт, чуть задержавшись на диаграммах, в которые с таким трудом удалось воплотить основные результаты работы. Заключение и выводы он прочитал внимательно, но тоже без интереса. А вот за магнитную ленту для ЭВМ, на которой была записана диагностическая программа, поблагодарил от души и даже улыбнулся, взглянув на Фёдорова:

- Ну, с этой программой мы, пожалуй, сами сможем выявлять и отсеивать тех, кому воздействия нашей продукции вредны! Всё? Тему завершили?
- Нет, конечно! А специфические меры защиты, профилактики? А методы нейтрализации, если хотите – лечения? Всё это стоит в плане!
- Да, да, – торопливо согласился Провоторов и, взглянув на часы, закончил:
- Думаю Ахмет Мирзагидович, как приедет, сам свяжется с вами... До свидания.

Получив документ о том, что годовой этап сдан заказчику и принят им досрочно, Фёдоров покинул ОКБ "Пламя". Предвидя после давешней стычки с ректором возможность осложнений, он попросил у Провоторова лишний оригинальный экземпляр приёмо-сдаточного документа – для себя. Весь следующий день он посвятил приведению в порядок внутренней документации: что поделаешь, руководя темой, в какой-то степени из учёного неизбежно становишься администратором. Эту часть своей работы Фёдоров ненавидел и потому старался выполнить её как можно лучше и

быстрее. Сдав лабораторию на пульт охраны (опять дежурил Стас, которого Фёдоров не преминул от души поздравить с наступающим Новым 1990 годом), он с чувством выполненного долга отправился домой.

А во вторник второго января он не смог попасть в свой рабочий кабинет: комната не только была опечатана снаружи чужой печатью, но стоял и другой замок. Громкоголосая и влюблённая в себя лаборантка, дружившая с сотрудниками его группы, предавшей Дело и Истину, Сильвия Гавриловна Попейчук, ехидно ухмыляясь, заявила:

- А что вы тут, собственно, делаете? Это режимная лаборатория, и посторонним сюда вход запрещён!
- То есть как это – посторонним?! – возмутился Фёдоров, начиная теряться, утрачивать под собой почву, но, не желая признаваться в этом ни себе, ни тем более Сильвии. – Я руковожу этой лабораторией, это моё место работы, наконец!
- Было! Было! – радостно смеясь, как всегда чрезмерно громко проговорила лаборантка и продолжила:
- А вы что – не знаете, что уволены? Ну, так идите в отдел кадров, там вам дадут расписаться, выдадут трудовую книжечку, – начиная растягивать слова и явно издеваясь, вещала лаборантка.

Из лаборантской, дверь в которую была приоткрыта, послышался знакомый прокуренный голос Маргариты:

- Сильвия! Чего ты с ним объясняешься? Пусть катится... (куда именно, Фёдоров не расслышал, так как адрес был назван куда более тихим голосом). Иди сюда, к нам!

Теперь поведение лаборантки стало более понятным. Не говоря более ни слова, Алексей Витальевич вышел на лестничную площадку. Тихо прикрыв за собой дверь, ведущую в их, то есть бывший его, отсек, он спустился на первый этаж и, постояв немного на крыльце, отправился в административный корпус.

Последовавшие за этим события Фёдоров не любил вспоминать. Постепенно всё это как бы отошло в его памяти на задний план, оставив лишь впечатление пережитого ада. Действовавший тогда в университете Совет трудового коллектива (СТК), членом которого состоял и сам Фёдоров, даже не попытался вступить за неожиданно-негаданно лишённого работы учёного. Митя Никитин и двое друживших с ним физиков пытались заступиться, но и то лишь как частные лица, а не члены СТК. Не помог и партком – никто не смел выступить против Медунова, младший брат которого был любимцем "самого" Горбачёва. Но прокуратура помогла: в конце января противозаконное увольнение было отменено, Фёдоров оказался восстановленным на работе, но... место работы исчезло: другим приказом ректора лаборатория оказалась закрытой. Митя Никитин помог и здесь – Фёдоров числился старшим научным сотрудником его группы с 18 декабря прошлого года. Почему так? Да потому, что начиная с этой даты лаборатория считалась закрытой, несмотря на то, что Фёдоров как раз завершал работу над отчётом, а 28-го досрочно сдавал его заказчику. Не говоря уже о том, что ежедневно лаборатория снималась с пульта охраны и сдавалась под охрану самим Фёдоровым. Всё это время он числился... в прогуле.

Алексей Витальевич и годы спустя был признателен районному прокурору Калининграда, вызволившему его из хитросплетения подлогов, клеветы и беззакония. Конечно, числясь с.н.с. у Никитина, он терял и в заработке, и в положении, и в душевном равновесии: в самом деле, как он мог работать в абсолютно чуждой для него сфере?! Просто Митя, восстанавливая справедливость, уравнивал не существовавший двухнедельный прогул несуществующей работой. С другой стороны, этим он давал Фёдорову шанс и время, чтобы найти другую работу. Но где и какую "подходящую работу" (так это вскоре стало называться в принятом при Горбачёве "Законе о занятости") может найти в Калининграде учёный-медик, если нет ни медицинского вуза, ни каких-

либо НИИ, если он уже второй десяток лет занимается чистой наукой и забыл многое из того, что касается так называемой практической медицины?

Но дело было ещё и в том, что пойти, например, на должность участкового терапевта ему, учёному с международной известностью, автору ряда изобретений, монографий, множества научных статей, понятных только специалистам, означало примерно то же, что лётчику – командиру ТУ-154 стать "водителем кобылы".

К марту Фёдоров исчерпал все возможности хотя бы как-то пристроиться в существующие в городе лаборатории (все они были так или иначе связаны с обороной). Каждый раз было одно и то же: подача заявления, затем – вначале приветливая встреча, чуть ли не радость потенциальных будущих начальников, а потом невнятный, но твёрдый отказ, сопровождавшийся взглядом несостоявшегося начальника куда-то вбок или в землю. Нетрудно было понять, с чем и с кем всё это связано! Да и Дмитрий Анатольевич всё чаще, тоже глядя куда-то в сторону, стал спрашивать об успехах в поиске работы. Так что с первого марта Фёдоров подал заявление об уходе с работы "по собственному желанию" и оказался полностью безработным, видимо одним из первых в СССР безработных наивысшей квалификации. Спустя какой-то год – полтора это явление стало массовым и обычным, но тогда – весной девяностого, это была непривычная, непонятная и крайне тягостная редкость...

Оставив всякую активность одновременно с получением на руки выходного пособия и трудовой книжки, Фёдоров вначале несколько дней отдыхал. Это было действительно необходимо – на здоровье сказалось перенапряжение последних месяцев, все эти несправедливости, поиск работы, непривычное ощущение собственной никчёмности при высокой профессиональной квалификации, стресс в результате столкновения со стеной, непонятно как выраставшей

перед ним. Но через неделю, окрепнув физически, восстановив утраченную было способность засыпать, Фёдоров стал впадать в глубокую депрессию. Это явилось результатом и всего происшедшего с ним, и следствием отсутствия режима и необходимости самодисциплины. Никуда не надо было спешить, ничего не надо было планировать, никто не ждал от него никаких советов или указаний, никто не отдавал никаких распоряжений, не к чему было приложить ни профессиональные знания, ни навыки и умения – всё это было лишним, никем не востребованным, никому не нужным, как и он сам.

Вот только матери было тяжело глядеть на него. Но Алексей скрывал, вернее, – пытался скрывать от неё свои невзгоды. Впрочем, сердце матери не обманешь, хотя и жили они не вместе, а километрах в полутора друг от друга. В личных делах ситуация была не лучше. Виктория позвонила ему из Ленинграда под Новый год, догадавшись, что он пойдёт на этот вечер к своей матери, и узнав откуда-то номер телефона. Состоялось очень тёплое и искреннее объяснение по телефону. Выяснилось, что обоим говорить так оказалось проще. Теперь Алексей Витальевич с полным правом мог объявить, что у него в Ленинграде невеста. Но что и как он должен был и был вправе решать теперь – в его нынешнем положении? Хорошо ещё, что Виктория все эти месяцы провела в Ленинграде, навёрстывала упущенное, готовилась к защите диплома. Собственная крайняя загруженность мешала Виктории уловить неестественность и фальшь в бодром тоне Фёдорова во время их нечастых и недолгих телефонных разговоров. *Как* ей рассказать обо всём, когда она вернётся в Калининград?!

Видя, что мама страдает, Алексей стал, во-первых, бывать у неё лишь по вечерам, когда в желтоватом искусственном свете легче скрыть внешние следы своего нынешнего положения и списать всё на усталость. Во-вторых, он стал врать, вернее, не прибегая к прямой лжи, создавать у матери впечатление, будто он где-то работает и что его

неухоженный внешний вид и растерянность вызваны непривычной работой и трудностью адаптации к ней. Сам же он, честно говоря, ни о чём в своём нынешнем состоянии и положении думать не мог, а был всецело поглощён своими невзгодами, своим отчаянным социальным и профессиональным положением.

Он принялся искать свои ошибки, прикидывать, а как бы поступил в той или иной ситуации теперь, при своём нынешнем опыте, зная наперёд, к чему приведёт то или иное его действие или бездействие, сказанная фраза или молчание. Все ситуации, которые он таким образом проигрывал, были так или иначе сопряжены с тем, что привело к потере работы и даже самой возможности профессиональной деятельности. Последнее обстоятельство было именно таким – утрата *возможности* работать в соответствии с профессией и квалификацией. Ведь не ехать же ему отсюда, где он имел квартиру, где уже годами сложился и устоялся быт, в белый свет. Бросить всё и начать заново? В принципе – возможно, но лишь теоретически: *куда* ехать-то? Разве его кто-то где-то ждёт, приглашает, направляет?

На письма, ещё в марте отправленные в Москву – в Минвуз, в Минздрав – и сейчас, в июне, не было никаких ответов, хотя к письмам он приложил и списки своих научных трудов, и копии трудовой книжки, и заверенные нотариусом копии диплома ВАК. В мае он сам ездил в Москву и понял, что *всё* незаметно, но неотвратимо *изменилось*. Отношение к нему во всех инстанциях, куда он обращался в поисках работы, разительно отличалось от того, к которому он привык и которое было нормой до Горбача – "этого с кляксой на лысине", как уже почти открыто отзывались все знакомые Фёдорова о нынешнем руководителе страны. Съездив в Москву, Фёдоров убедился, насколько правильна и актуальна новая поговорка: "Раньше говорили – иди к чёрту, теперь говорят – приходите завтра".

Когда чувство горечи и досады от переживаемой несправедливости немного утихло, когда он смог взглянуть на происшедшее с ним в контексте развития общей ситуации в стране, только тогда он смог постепенно выйти из своей депрессии. Тогда-то, в июне 1990 года, незадолго до возвращения из Ленинграда невесты, и родилась у него странная мысль: а нельзя ли найти способ, чтобы всё переиграть, чтобы повернуть развитие страны на *другую* ветвь? Только в таком душевном состоянии, которое было у Фёдорова в то время, когда психика, не выдерживая одновременно свалившихся на него невзгод, оказалась на хрупкой грани между психическим здоровьем и болезнью, — только в этих условиях и могла зародиться подобная безумная мысль.

Фёдоров отдавал себе отчёт, в каком оказался положении, как опасно оно для психического здоровья. Знал он и то, что такая депрессия, которая сочетается, как у него, с необычным повышением активности, называется ажитированной. Что именно в таком состоянии люди чаще всего и совершают самоубийство. Однако кончать с собой он не собирался: мешала и ответственность (хотя бы перед своей невестой и матерью), и не угасшее стремление восстановить справедливость. Вот тут и родилась у него безумная идея — каким-то образом повлиять на прошлое, чтобы изменить настоящее, не допустить его.

Размышляя (и тогда, и — ещё больше — в последующие годы) о зарождении своей мысли, Фёдоров пришёл к выводу, что она возникла не только в результате всего пережитого им в связи с утратой работы, но и потому, что он не отделял своей судьбы от судьбы всей страны, не противопоставлял себя ей, как это делают многие, в основном — лица одной и той же национальности, называя СССР — Россию "этой страной". Наконец, Фёдоров связал зарождение своей безумной идеи с собственным, казалось бы, прочно забытым личным опытом, полученным в студенческие годы.

Ну, и совсем уже последним было то, что, как исследователь по призванию, он привык генерировать множество самых разных идей, мыслей, догадок, предположений – любых, если они могли объяснить какое-то явление, какие-то факты, словом – всё, что не укладывалось, не объяснялось общепризнанным способом. Лишь после записи и тщательного анализа всех мыслей и породивших их фактов Фёдоров безжалостно вычеркивал, забывал всё, что этим фактам не соответствовало. Правда, записей своих он никогда не выбрасывал, а напротив – классифицировал и разносил по соответствующим карточкам, после чего забракованные мысли можно было и надлежало прочно забыть, чтобы они не мешали. А понадобится – записи можно извлечь.

Вот и сейчас, не имея ни рабочего места, ни служебных обязанностей, ни предмета и темы для профессиональных размышлений, Фёдоров уцепился за свою "безумную идею". К тому же, она помогала отвлечься от личных невзгод. Придя в гости к матери вечером того дня, когда у него эта бредовая идея родилась, Фёдоров, хотя и выглядел усталым, даже измождённым, опять чувствовал в себе наличие цели и смысла жизни.

- Ну, что, Лёшечка? Как? Полегче сегодня? Пошли дела на лад? – поинтересовалась заботливым тоном мама.
- Да-а... Есть кое-какие мыслишки, – ответил Фёдоров. – Но говорить пока что рано!

Мать кивнула с удовлетворением. Она и не рассчитывала на сколько-нибудь вразумительный, тем более исчерпывающий, ответ. Ольга Алексеевна знала, что, не завершив дело, Алексей никогда и никому о нём не скажет. Ей вполне было достаточно знать, что любимый сын смог каким-то образом справиться с невзгодами (неважно, какими!) и вновь обрести цель и смысл жизни.

Строя свою фантастическую гипотезу, Фёдоров связал воедино фрагменты из представлений В.И. Вер-

надского о ноосфере, тибетские верования и постулаты индуизма о переселении душ, христианства – о загробной жизни, экспериментальные данные о невозможности точного измерения гравитационного поля и о влиянии на крутильные весы живых организмов, об уменьшении веса умирающего организма в момент смерти, так называемый феномен Бакстера в опытах с официально считающимися неодушевлёнными растениями, результаты секретных исследований "экстрасенсов", о которых ему доверительно поведал один из его оппонентов профессор А.Н. Меделяновский, доказанные случаи видения без глаз, точнейших сбывшихся предсказаний, известные из психиатрии феномены "уже виденного" и "никогда не виденного", теорию А. Пуанкаре (присвоенную и переименованную Эйнштейном), представления о фрактальности мира, возможности наличия дробных объектов (не двумерных – не трёхмерных, не трёхмерных – не четырёхмерных, и так далее), а также и свои студенческие размышления на темы пространства-времени, трёх основных начал мироустройства (перекликавшихся с христианским представлением о Святой Троице), те, что были связаны со смертью – самовоскрешением студента-строителя, с ложной (но точной и верной) памятью прошлого и предсказанием будущего шизофреником Мишей Коганом. Не забыл Фёдоров и гипотезу о параллельности миров.

Говоря коротко и только о том, что могло иметь отношение к фантастическому проекту изменения будущего посредством воздействия на прошлое, Фёдоров излагал свою гипотезу так:

"Бесконечная вселенная одновременно и конечна, построена из трёх основных начал: вещества – поля – информации; все предметы и явления во вселенной связаны; при этом, прошлое – настоящее – будущее относительны; душа как часть информации вселенной не исчезает и не появляется из ничего, а лишь переходит из одной формы в другую, будучи связана временно с одним или другим

органическим носителем, но живые, наделённые сознанием организмы этого не осознают; со смертью организма та часть мировой информации, которая была связана с ним биополем – душа, покидает его, но может взаимодействовать с иными организмами, подобно тому, как гусеница превращается в бабочку; можно найти способы обособления души без смерти организма-носителя, установления связи души с другими организмами или тем же самым, но находящимся к нему самому либо в состоянии прошлого, либо – будущего".

Иначе говоря, теоретически достижимо сделать так, чтобы человек как носитель души, то есть структурированного сгустка информации, вспомнил будущее или же, телесно живя в настоящем, информационно смог находиться в прошлом или будущем. Исходя из целостности души как особого структурированного сгустка информации, можно говорить лишь о таком "перемещении во времени", которое ограничивается *сознательной* жизнью данного человека.

Исходя из своей гипотезы, которую Фёдоров находил "достаточно безумной, чтобы она оказалась истинной", он полагал, что, уничтожая людей, наделённых высокой моралью, богатыми творческими идеями, этим сокращают напряжение информации добра в *этом* мире (понятно, что в пользу зла), но одновременно изменяют – в противоположном направлении баланс зла и добра в *мире души*, неоощаемом живущими. Но поскольку оба мира связаны, хотя мы этого и не осознаём, общий баланс при этом не изменяется. Более того, ТОТ мир (невидимый для нас, не осознаваемый нами) может влиять на ЭТОТ (в котором мы живём). Отсюда следовал вроде бы странный вывод о том, что наказывать тяжких преступников бесполезно и вредно – они, их души, наполненные злом, будут незримо и непредсказуемо тяжело влиять на события в этом, нашем с вами мире. Другим

выводом было то, что следует здесь, сейчас и немедленно воспитывать людей в добре и для добрых дел. Но главное, получалось, что, найдя способ взаимодействия, связи с ТЕМ светом, можно оказывать влияние на развитие ЭТОГО мира.

Фёдоров считал для себя ясным, даже очевидным, что если бы удалось подключить ту часть души человека, которая отвечает за его знания и жизненный опыт, детальные сведения о происшедшем и его последствиях, к сознанию этого человека в его прошлом, то вести себя он стал бы совершенно иначе. Здесь возникало множество вопросов. Останется ли психически полноценным такой человек прошлого после "подключения" к нему его же души из будущего? Что станет с ним – будущим, если удастся такое подключение? Если он как бы раздвоится, то не должно ли получиться две совершенно разные личности (с разным жизненным опытом)? Тогда откуда для этого прошлого брать информацию из будущего? Куда потом денется эта личность из прошлого? Или же, наоборот, в момент "подключения" к прошлому исчезнет подключаемый человек будущего? Возможно ли, что посредством такого подключения просто будет создан "мост" между прошлым и будущим, а личность из прошлого как бы получит советчика из будущего?

Чем больше Фёдоров размышлял обо всём этом, тем сильнее в нём крепла мысль, что всё это – бред, совершенно несуразная и неисполнимая фантазия, количество антиномий в которой огромно. Выходило, что и заниматься этим всерьёз, как он было начал, не следовало. Но как же с теми обобщёнными им сведениями (фрагментарно изложенными в этой главе)? Если отбросить то, что было почерпнуто из разных религий мира, всё остальное – факты, полученные экспериментально и не объясняемые в их совокупности современной наукой! С другой стороны, Фёдоров прекрасно знал, что древние люди были бедны фантазией, что их выдумки никогда не шли дальше рекомбинации известных им фактов. Пусть фактов примитивно объяснённых и неверно понятых, но

именно – *фактов*! Гипотеза о наличии того, что условно названо душой, а он представлял себе особо структурированной разновидностью мировой информации, объясняла множество фактов такого рода и давала толчок к развитию.

Было и ещё одно соображение, которое убеждало Фёдорова в необходимости экспериментальной проверки: идея возможности информационного "моста" сулила неслыханные выгоды (как, впрочем, и ужасы – в зависимости от того, в чьи руки такой мост попадёт). Так Фёдоров пришёл к решению – искать возможности экспериментальной проверки. Ясно, что заикаться о возникших у него соображениях было нельзя: во-первых, легко угодить в психбольницу, хотя теперь и отменили принудительную госпитализацию, предоставив право опасным психическим больным свободно жить и действовать среди здоровых; во-вторых, окажись его гипотеза верной и попади она в злые руки... (Кстати, поэтому и мы здесь изложили гипотезу Фёдорова лишь фрагментарно и в самых общих чертах, полностью умолчав о тех подходах и методах, которые он придумал для экспериментальной проверки своих гипотетических построений).

К осени девяностого года Алексей Витальевич составил детальный план экспериментальной работы. Составил он и перечень того минимального оборудования, которое могло потребоваться. Составил и лишь покачал головой: при его сбережениях это представлялось совершенно недостижимым! Надо было искать источник доходов, *больших*, следовательно – нетрудовых доходов. Приняв это решение, Фёдоров оставил пока что свой рабочий стол, бумаги, карандаши и ручки, соорудил в квартире (где он жил один) надёжный тайник и поставил стальную входную дверь. Вновь начались ежедневные поездки в Калининград. Теперь он старался найти такой кооператив, где оказалось бы лично для него возможным получение высоких доходов, не связанных с криминальной деятельностью.

ГЛАВА 3.

ОККУПАЦИЯ.

Приблизившись к пересечению улицы Ушакова с улицей Грекова, Фёдоров замедлил шаг: ему совсем не улыбалось напороться на патруль, вечно фланирующий у здания штаба Балтфлота. То есть, это прежде, всего каких-то восемь-девять дней назад, здесь ещё располагался штаб дважды Краснознамённого Балтийского флота Российской Федерации. Но теперь здесь находилось "главное управление миротворческого антитеррористического корпуса НАТО". Перед ним постоянно торчало три патруля – один прямо у входа, второй – ближе к улице Грекова, а третий – со стороны Калининградского технического института, вернее – теперь уже *бывшего* Калининградского государственного технического университета. Теперь там располагались "временный приёмник для лиц, подозреваемых в связях с международными террористами", попросту говоря – тюрьма для русских патриотов, и "департамент временной гражданской администрации Калининграда и Калининградского округа". На деле же тут занимались в основном следствием и слежкой за патриотами. Здесь же производились и расправы над ними.

Наглым и недалёким американским оккупантам невдомёк было, что русские, калининградцы, прекрасно знают историю своего края и отлично помнят, что до советской власти, при немцах, здесь располагалось ГеСтаПо. Это потом советские власти мудро обошлись с уникальной постройкой: тюремную его часть отдали под тюрьму, а административно-следственную отвели под вуз, застроив все проходы между ними. Натовцам же и в голову не приходило, что, используя это удобное для их целей здание по его прежнему, гитлеровскому назначению, они только чётко и недвусмысленно лишний раз подтвердили в глазах всего русского населения свою тождественность фашистскому режиму.

Соседнее, красного кирпича здание, в котором при немцах располагался полицей-президиум, а потом КГБ – ФСБ, своей функции не изменило, вот только прежних людей там теперь сменили американцы. Правда, сами они постоянно подчёркивали свою якобы международную принадлежность, но на деле это были почти исключительно американцы. Высшее американское, натовское руководство было несколько умнее своих низовых представителей и знало, что Германия имеет здесь, на Калининградской земле свои собственные интересы и далеко идущие планы (пусть скрываемые и отрицаемые на официальном уровне). Поэтому с самого начала, то есть ещё в конце прошлого XX века, когда планировалась оккупация расчленённого СССР – России (во исполнение государственного закона США 1959 года), было решено не допустить здесь немецкого присутствия. Решено было также не допускать сюда и славян-поляков. Американцы им не доверяли. Еще в марте 1999 года, перед самым нападением на Югославию, в Польше был многократно усилен полицейский режим: по всей стране, на всех дорогах, во всех населённых пунктах были выставлены посты и полицейские кордоны – американское руководство НАТО очень опасалось, что население его нового "члена" может начать массовые акции протеста против агрессивной политики США и нападения на славянскую страну.

Профессору Фёдорову довелось побывать в Польше и в день начала агрессии против суверенной Югославии, и несколько дней спустя: подвернулся заработок – пришлось отвезти домой в Германию заболевшего шестидесятипятилетнего немца Франца Зеегера на его серебристом "Мерседесе". Назад он ехал на автомобиле, купленном по просьбе полковника налоговой полиции Осленко. Так что, Алексей Витальевич и на полицейский режим насмотрелся, и с поляками наговорился об их настроениях в отношении американцев и НАТО. Выяснил, что в стране ведут чёрные списки, введённые в "свободной, независимой, демократической" Польше для людей, имеющих антиамериканские

настроения. Пожалуй, никогда ещё ранее, за всю десятилетнюю историю своих транзитов через Польшу и поездок по этой стране, Фёдоров не встречал к себе, русскому, такого доброжелательного, такого открытого и солидарного отношения, как в эти первые дни войны НАТО против Югославии.

В общем, американцы решили в Калининграде обойтись и без поляков, и без чехов, хотя и испытывали острейшую нужду в переводчиках. А кто бы мог стать лучшими переводчиками, чем представители народов стран – новых членов НАТО? Нет никакого секрета в том, что все эти маленькие новые члены принимались вовсе не для увеличения боеспособности натовской армии, но лишь для большей подконтрольности этих стран США, для лучшей их управляемости в критических ситуациях. Оккупация же России – пусть законодательно подготовленная проамериканским путинским режимом, пусть всячески поддерживаемая и оправдываемая отнюдь не русской верхушкой этого режима – как раз и была главным критическим моментом. В Брюсселе, в штаб-квартире НАТО хранились копии оперативных планов развёртывания карательных действий против народов новых членов НАТО – бывших социалистических стран; оригиналы же этих и всех иных планов НАТО, естественно, находились в так называемом Пентагоне.

Так что, лучше всего было брать в переводчики представителей тех народов, у которых не было славянских корней, зато имелся многовековой опыт жизни в составе России – всех этих литовцев и латышей. Полковник Думбрайт, занимавший главный кабинет в бывшем здании штаба ДКБФ, просто диву давался, сколько ненависти накопили к русским многие из представителей этих мелких народов, не совсем полноценных, по его убеждению. Перед самой командировкой в Калининград его ознакомили с секретными документами, которые должны были подготовить его к разного рода неожиданностям и научить разбираться в том, на какой почве могут возникнуть осложнения с представителями этих

"малых народов НАТО". И вот, знакомясь с этими секретными бумагами, он открыл совершенно новые, полностью неожиданные для себя вещи. Об этом он не слышал ни у себя дома в США, ни за два года работы в Брюсселе в штабе НАТО: оказывается и Латвия, и Литва, и Эстония были исконными составными частями России, ещё до большевиков! И если в Эстонии и Латвии до переворота 1917 года была хотя бы какая-то промышленность, то, оказывается, в Литве – вообще не было ничего, кроме допотопного сельского хозяйства! Оказалось, что все эти заводы и фабрики, атомная станция – всё было построено при советах, за счёт русских! Откуда же тогда вместо благодарности эта вражда? Как вспоминал теперь Думбрайт, в одном из тех документов приводилось суждение одного из литовских не то царей, не то князей (полковник не очень-то в этом разбирался): Литва всей своей историей доказала, что не может жить самостоятельно, одна, но лишь вместе с могучим соседом. В документе эти слова приводились в оправдание союза Литвы с НАТО, но полковник крамольно отнёс их к России: ведь вот он этот могучий большой сосед! В чём же дело? Только ли в успехе политики США во время холодной войны в соответствии с планами братьев Даллесов, только ли в чёрной неблагодарности латышей и литовцев?! Думая обо всём этом, Думбрайт дал своему переводчику–литовцу задание перевести и подготовить к сдаче в типографию очередного предписания "миротворческого антитеррористического корпуса НАТО" для русских туземцев. Это произошло как раз в тот момент, когда Фёдоров приблизился к улице Грекова.

Взглянув налево, Фёдоров довольно ухмыльнулся: вывешенная на углу здания штаба лишь позавчера новая табличка с названием улицы по-русски и в американской транскрипции – латиницей была покрыта жирным мазком чёрной краски, так что видимым остался лишь русский текст. Патруль же даже не смотрел в его сторону: он был занят работой – соскабливанием крупной, кривовато сделанной той же краской надписи "NATO = NAZI".

Краска была хорошей, стойкой, и работа над удалением неприятной надписи не очень ладилась. Зато Алексей Витальевич без помех, без контроля документов и содержимого портфеля, смог миновать опасный перекрёсток и приблизиться к зданию "Калининградской областной универсальной научной библиотеки". Фёдоров взглянул на часы – было ещё слишком рано, лишь половина десятого. До момента открытия оставалось около получаса. Фёдоров огляделся: пятница 22 августа нынешнего 2008 года выдалась безоблачной и не жаркой, но тёплой, а на улицах не было почти никого. Впрочем, что в этом удивительного – топливо строжайшим образом рационировалось, цены на него оккупационной администрацией были взвинчены до небес, с тем чтобы купить его могло лишь "экономически успешное" население, то есть все эти криминальные или полукриминальные дельцы. Так, собственно, и было первые два дня лимитирования продажи топлива – те стали практически единственными ездоками. Даже деляги средней руки, спекулянты не имели средств, чтобы тратить на бензин. Оккупантов не беспокоило, что они не просто вмешиваются в деятельность "свободных предпринимателей" и нарушают функционирование "цивилизованного свободного рынка", но просто парализуют экономику, и без того уже почти до основания разрушенную семнадцатью годами "реформирования" по заокеанским рецептам.

На данном этапе оккупантам было необходимо перестроить здесь всё существование таким образом, чтобы оно полностью зависело от них, приучить этот, по Аллену Даллесу, "самый непокорный народ в мире" к повиновению, а затем уже приступать к исполнению других пунктов своих планов. Ясное дело, что всю эту демагогию о "демократии", "свободном рынке" можно было отбросить за ненужностью (да и где они сохранились в "свободном мире", свобода и демократия? – повсюду жёсткое планирование, полный или почти полный государственный контроль!).

Сохранялась лишь одна обманка – "права человека", ради которых якобы и велась пресловутая борьба с "международным терроризмом". Как известно, никакого терроризма как такового в современном мире давно уже не существует. И Беслан, и Чечня, и взрывы в Москве – лишь акции в сетевой войне, ведущейся Тайным Мировым Правительством ради достижения своей цели – мирового господства. Глубоко заблуждаются те, кто полагает, что четвёртая мировая, нового типа война началась с нападения в марте 1999 года на Югославию или летом 1997-го, когда американцы с помощью МВФ и своего известного соотечественника, венгерского еврея Сороса укрепили ничем не обеспеченную бумажку с масонскими знаками, ограбив Юго-Восточную Азию, а затем – в августе 1998 года – и Россию с помощью Кириенко (почему-то стеснявшегося яркой фамилии отца – Израитель). Нет! Не верно! Как неверно и полагать, будто к активным действиям в этой сетевой войне новые кочевники перешли с сентября 2001 года, после организованного спецслужбами публичного "террористического акта" с уничтожением американских небоскрёбов и 19-метровым проломом в стене Пентагона (якобы от "Боинга" с размахом крыла в 38 метров и при отсутствии каких-либо самолётных обломков на прилегающей территории).

К началу *явных* активных действий в войне нового типа, ведущейся Тайным Мировым Правительством, профессор Фёдоров относил агрессию против богатейшего и независимого Ирака в январе 1991 года, выполненную руками главного своего орудия – США. Переход к новой политике завоевания мирового господства посредством пресловутой глобализации новые кочевники начали, внедрив в Кремле в 1985 году, после многих попыток и неудач, своих ставленников. Объявила же тайная мировая власть о своих намерениях в 1930 году, назвав (понятно для посвящённых) и своё главное орудие, когда выпустила новую однодолларовую бумажку со множеством масонских символов.

Фёдоров никак не мог отделаться от своих размышлений обо всём этом, хотя и понимал, что это ничего не даст, что поздно предпринимать что-либо, ведь новая тоталитарная власть тайных (пока ещё) властителей мира, осуществляемая руками США и НАТО никогда не допустит никакого внутреннего противостояния себе. Правда, пока жив мусульманский мир, великий социалистический Китай, могучая Япония и набирающая силы независимая Индия, полной победы им не видать. И вообще, победы им не добиться – ведь сила правды, сила света непобедимы! Маленький соседний с ними народ Палестины согнуть не могут – где уж там мировое господство! И вообще, долго ли может просуществовать такое мироустройство, когда производят одни (в новых тёплых промышленных странах, в основном, Азии), а потребляют другие ("экономически успешные" представители стран "золотого миллиарда", непрошенно взявшие на себя функции всемирных распорядителей – организаторов)?! Но *сейчас*, но *теперь*, но временно... хотя, скорее всего, даже наверное – до конца его жизни... теперь они в силе (как и гитлеровцы под Москвой в 1941-м...).

Увидев натовский патруль, движущийся по направлению от драматического театра к памятнику Шиллера, Фёдоров взглянул на часы – 9 часов 37 минут. Рано, но стоять под дверью ещё опаснее. В конце концов, не прогонят! С этой мыслью Фёдоров потянул на себя старую, ещё немецкую застеклённую металлическую дверь библиотеки. "Видимо, библиотеку от закрытия или жёсткой регламентации доступа пока что спасает название – универсальная научная, – подумалось Алексею Витальевичу при этом. – Но сколько такое положение продлится, никому не известно. Быть может, библиотека работает свой последний день..."

Рисковать Фёдоров не мог. Во что бы то ни стало он обязан завершить свою работу именно сегодня. Ради этого он и остался ночевать в Калининграде, напросился к бывшему своему товарищу по работе в университете,

ставшему потом довольно крупным дельцом, владельцем издательского центра – своему полному тёзке Мальцевичу. Отношения с Мальцевичем у него были сложные. Тот изначально поддерживал сначала ельцинский, затем и путинский проамериканский режим, не желал видеть ни последовательного уничтожения русской культуры, ни геноцида, ни даже кричащего развала экономики, невозможности выживания страны в условиях "открытого рынка". Фёдоров же, ненавидя всю эту, как он называл, капээсэсовскую мразь – всех этих яковлевых, собчаков, старовойтовых, кравчуков и горбачёвых с шеварднадзе, всегда был и оставался сторонником социализма, был по своим убеждениям беспартийным коммунистом.

Добротный и опытный учёный, с аналитико-синтетическим умом, ещё в юности занявшийся системным анализом, Фёдоров, всегда шарахавшийся от официозной пропаганды КПСС, критиковал и сами её методы и методы воспитания, но одновременно выработал в себе последовательное коммунистическое мировоззрение – не на эмоциях, не на вере, но на основе анализа фактов, изучения экономики, истории, политики, географии и права. Его мировоззрение выкристаллизовалось, когда он, ещё будучи аспирантом Воронежского медицинского института, прочитал в библиотеке материалы XIX съезда партии и последующего пленума ЦК.

Вообще, как уже говорилось, Воронежский медицинский институт представлял собой уникальное культурное явление. В 1918 году из Тарту, который ранее именовался Дерптом, был эвакуирован университет. А из него выделили медицинский институт. Да, это была та самая бывшая профессорская школа, в которой учился знаменитый профессор-хирург Пирогов. В общем, в годы студенчества Фёдорова институт входил в пятёрку лучших в СССР. С юности он имел возможность соприкоснуться с дореволюционными приборами, книгами. В библиотеке официально насчитывалось около 200.000 томов книг, но фактически было больше. Старые

библиотекари сохраняли даже те экземпляры книг, которые надлежало списать, уничтожить. Поскольку Фёдоров заслуженно имел репутацию очень аккуратного и пунктуального читателя, его, в конце концов, допустили в хранилище библиотеки института. Вот там-то он и смог изучить некоторые чрезвычайно интересные документы. Правда, с материалами XIX партсъезда он поступил нечестно – попросту тайно вынес из библиотеки. Однако не украл, а переснял на фотоплёнку и незаметно вернул точно на прежнее место. Правда, те полтора месяца, что ему не удавалось незаметно вернуть томик, совесть сильно донимала Алексея, но знание, которое он приобрел, окупало это моральное неудобство.

Ему было уже более тридцати лет, когда он понял, что Сталин хотел отстранить КПСС от власти, сделать органом идеологическим, даже, пожалуй, социально-психологическим. Тем, что могло бы обеспечить противостояние и победу СССР в начавшейся за пять лет до XIX съезда Третьей мировой – холодной войне. Одновременно устранено было бы и вредное двоевластие, параллель действия в экономике партийных и советских органов. Понял тогда Алексей и то, почему убили Сталина. Ясным стало и кому это убийство было выгодно. Тогда же Фёдоров осознал и могущество влияния официальной пропаганды. До изучения тайно скопированной книги и некоторых иных документов, целенаправленно найденных им в библиотеке, несмотря на рассказы отца, лично много раз беседовавшего с Берией, Алексей относился к этому политическому деятелю Советского Союза отрицательно. Но материалы съезда, последовавшего за ним пленума, речь Л.П. Берии на похоронах Сталина, ещё кое-какие документы заставили Фёдорова по-новому взглянуть на вещи, назвать их своими именами.

Поделиться новыми знаниями и новым пониманием он не мог тогда ни с кем, да, и не с кем было – не с квартирной же хозяйкой! Лишь двадцать лишним лет спустя, уже

при "демократах" он прочёл книги Ю. И. Мухина, убедившись в правильности своих догадок и выводов. Встречались в жизни профессора Фёдорова и другие случаи, когда он либо совершенно верно оценивал события прошлого, что потом подтверждалось официально, либо, бывало, предсказывал развитие событий. Так было, например, в случае победы Жириновского в 1993 году (он угадал даже процент отданных за него голосов). Так было и с обнаружением "двадцать пятого кадра" в "Кавказской пленнице" перед президентскими выборами 1996 года, когда Зюганов "сдал" свою фактическую победу, явно чего-то смертельно убоившись. Предсказал он и агрессию США против Югославии, точно угадав даже дату и правильно назвав причины и цели. Были и другие, менее яркие примеры, которые, тем не менее, позволяли окружающим в шутку называть, а то и считать Фёдорова то ли разведчиком, то ли Шерлоком Холмсом. Холмсом он не был, но правильно мыслить умел.

Осторожно прикрыв за собой тяжёлую полукруглую дверь, Фёдоров поднялся по короткой, по-немецки крутой каменной лесенке. Вахтёрша, выдававшая посетителям статистические бланки, была хорошо знакома с Алексеем Витальевичем. Она кивнула в ответ на его приветствие и сказала:

- Рано ещё, посмотрите на часы.
- Я понимаю... и ничего не прошу, но... там америкашки. Нашли на стене свастику... А кому охота с ними объясняться!
- Свастика? – с интересом спросила вахтёрша. – А где?
- Да на стене бывшего штаба Балтфлота... Нашлись смелые люди!
- Фашисты, они фашисты и есть! – негромко пробормотала пожилая, совершенно седая, несколько рыхлая женщина и громче добавила: – Ладно, проходите... Может, мы сегодня в последний раз работаем... – И протянула ему посетительский бланк.

Фёдоров поблагодарил и мигом проскользнул влево, спустившись на четверть этажа. Миновав раздевалку, он по железной лестнице поднялся в зал периодики. Немолодая сотрудница уже была на месте. Она сидела за барьером и сортировала какие-то бумаги небольшого формата. Кивнув в ответ на приветствие Фёдорова, она перевела взгляд на часы, висевшие на одном из окрашенных в жёлтое клёпанных железных столбов двутаврового сечения и составлявших основу конструкции здания библиотеки. Прежде, при немцах, здесь размещался архив. Алексей Витальевич, держа в руках голубую картонку читательского билета и уже заполненный бланк посетителя, сел за один из столов тесного читального зала, размещавшегося между двутавровыми железными столбами. Он счёл нужным сказать:

- Понимаете, Наталья Васильевна, там везде эти патрули... Нет желания с ними общаться, так я напросился, чтобы меня на входе пропустили... Я подожду, ладно?
- Ладно. Вы сегодня опять наверх – в хранилище?

Сотрудница тоже не знала ещё как теперь, при оккупационном режиме, себя вести с посетителями. Ей тоже трудно было находить слова. К тому же, ей, как и всем, не было известно, ни что случится завтра, ни даже через минуту. Всё свое смятение и все сомнения она выразила в вопросе Фёдорову:

- Что там сейчас люди находят... в старых газетах?
- А как готовились к Сталинградской битве, – твёрдо ответил Алексей Витальевич, глядя прямо в усталые, с безнадежной печалью глаза на уже тронутым увяданием, но ещё красивом лице.

Фёдоров, как и сотрудники библиотеки, знал, что раньше, чем за 1947 год, он никаких газет здесь, в отделе периодических изданий, найти не может, тем более газет за 1942 – 1943 годы. Но и Фёдоров, и сотрудница, как, наверное,

и все жители города, кроме разве что "лиц европейской национальности" и самых космополитически настроенных дельцов, думали и страдали об одном. Видимо, поэтому Наталья Васильевна с печалью и неверием в голосе спросила:

- Вы и правда так думаете?
- Никаких сомнений! – негромко, но твёрдо ответил профессор, не отводя взгляда. – Запомните, пожалуйста, этот день! – Он положил на барьер свой читательский билет и бланк учёта посетителей.
- А что, сегодня ... – с пробуждающейся надеждой начала было сотрудница, но Фёдоров перебил, отрицательно качнув головой:
- Я не сказал "сегодня", я сказал, чтобы вы не забыли то, что я вам сегодня сказал!
- Спасибо, – молвила Наталья Васильевна, – успехов вам в работе, – добавила она вслед Фёдорову, уже успевшему от неё отойти.

По узкой и крутой металлической лестнице Фёдоров поднялся в хранилище, где все эти годы "демократических реформ" надлежащий порядок поддерживался почти бесплатным трудом сотрудниц библиотеки. Алексей Витальевич положил свой портфель на тот стол, что располагался возле самого окна. Хотя, по правде говоря, и здесь, несмотря на солнечный день, было темновато: давно не мытые стёкла покрылись снаружи толстым слоем пыли, да и изнутри окна уже давненько никто как следует не мыл. Фёдоров прекрасно помнил, как выглядела эта библиотека в советское время, когда она ещё была не "универсальной", то есть – не единственной. Всё, всё здесь теперь говорило, кричало не о разрухе, но о планомерном уничтожении. А что будет, когда здесь – сегодня или через неделю – начнут хозяйничать америкашки?! Фёдоров открыл портфель, достал из него термос и поставил на узкий подоконник – крышка была не вполне герметичной, и за то короткое время, что портфель лежал на столе, через неё просочилось

несколько сладких желтоватых капель чая. Свёрток с бутербродами он тоже разместил на подоконнике. Пачку чистой бумаги он расположил на столе. Подумав, профессор вынул из портфеля другую пачку листов – тех, что были исписаны его неровным мелким почерком накануне, и спрятал её между подшивками на ближайшем стеллаже. "Кто знает, – подумалось ему, – не помешают ли оккупанты, не ворвутся ли сюда, не отнимут ли всё это?!"

Надо было спешить. Сегодня, именно сегодня, он обязан завершить свою работу. Вернее ту её часть, которая связана с поиском и выпиской из газет необходимых сведений. Потом ещё предстоит не меньший, а ещё более ответственный труд – запомнить, вернее, вы зубрить наизусть всё, что он собрал. До сих пор эта часть работы давалась ему тяжелее, чем прочее. Особенно теперь, когда каждый день, каждый час грозил потерей всего. Он проклинал себя за то, что всё тянул, как бы на что-то ещё надеясь (хотя при путинском режиме, особенно после 2004-2005 года, отмены референдума и введения открытого полицейского режима, надеяться на положительные перемены мог разве только слабоумный). В результате много времени оказалось непродуктивно потерянным. А ведь всё необходимое он мог собрать много раньше, всё мог вы зубрить как следует, а теперь осталось бы только повторять выученное.

Однако растраченного времени не вернётся. Да и не впустую он его всё же тратил. Несмотря на огромные материальные трудности, на нараставшее засилье чуждого везде и во всём, он был счастлив в пределах своей семьи эти последние три – четыре года: растил и правильно воспитывал дочь, ухаживал за матерью, которая стала совсем уже старенькой – в октябре исполнится 83 года, у него было полное взаимопонимание с женой, которой – несмотря на возраст (уже под 50 лет) – удавалось сохранять за собой неплохо оплачиваемое (по нынешним временам, конечно!) рабочее место. К тому же, жена и мать отлично

ладили между собой, что, согласитесь, бывает не часто. Особенно их сплотила любовь к дочке-внучке. Но что будет теперь – совершенно неясно. Вернее, легко предвидимо: полное духовное и экономическое порабощение, ускоренный геноцид... А удастся ли сохранить свою столь тщательно и за десятки лет собранную библиотеку, а не придут ли с тем, чтобы изъять кассеты с советскими фильмами (или поступят проще – дистанционно сотрут записи электромагнитным импульсом у всех и вся?!). Да, наконец, удастся ли запастись топливом на предстоящую зиму?!

Фёдорову никак не удавалось отвлечься от этих мыслей, от насущных бытовых забот. Более того, почему-то возникла смутная, но нараставшая тревога за домашних – не случилось ли там чего, пока он здесь, в Калининграде, уже второй день работает в библиотеке. Поймав себя на этих мыслях, Фёдоров отложил подшивку, развернул скрипучий стул спинкой к окну и сосредоточился на выполнении упражнений аутогенной тренировки. Минут через пятнадцать он вновь мог работать быстро и продуктивно, целиком сосредоточившись на поиске и переписывании необходимых сведений из старых газет, запоминая их налету.

Всё остальное у него уже давно было собрано и готово. И жена, и мать знали о его тайнике, сделанном дома под лестницей. Вход туда был возможен через его рабочий кабинет, располагавшийся на первом этаже с северо-западной стороны дома. Там вплотную к стене стоял платяной шкаф, заполненный одеждой. Задняя стенка была сделана съёмной и прикрывала собой невысокую дверь, ведущую в каморку площадью около пяти квадратных метров. Алексей Витальевич скрывал этот тайник от дочери, чтобы та по детской наивности не разоблачила тайну. Но никто, даже домашние, не знали о втором, главном тайнике, который Фёдоров выкопал в подвале, в том месте неровного, плохо забетонированного пола, который находился прямо под его кабинетом – в северо-западном углу здания.

Подвал был разгорожен массивными фундаментными бетонными блоками надвое: западная часть представляла собой гараж, с южной стороны которого, почти сразу после въездных ворот располагалась неглубокая ремонтная яма, а вдоль трёх стен стояли самодельные деревянные стеллажи, заполненные разной утварью, запасами продовольствия и тем, что именуется домашним хламом; восточная половина подвала была поделена кирпичной перегородкой на две неравные части – на севере располагалась топочная с дизельным итальянским котлом и маленьким верстаком, а *большая* южная часть вмещала в себя маленький автомобиль жены и четырёхметровую двухъярусную бочку с топливом, выкрашенную в серый цвет. Проникнуть в подземный тайник можно было, лишь отодвинув большой фанерный ящик, заполненный пустыми пластиковыми бутылками и стоявший на потрёпанном европоддоне. Под поддоном располагалась крышка люка. Спускаться в тайник приходилось по вертикальной железной лесенке. Это было неудобно, но не так уж трудно – глубина тайника составляла чуть более двух метров. Пол был сделан обогреваемым – иначе было невозможно избавиться от сырости, несмотря на вентиляционный канал, сделанный в толще фундамента.

Прораб всё удивлялся прихоти заказчика, который захотел сделать вход в вентиляционный канал на уровне пола, пытался его отговорить, но, не достигнув успеха, выполнил "нерациональное" желание. Теперь же вход в этот канал находился на потолке тайника в юго-восточном углу. Вдоль двухметровой восточной стены тайника располагался стеллаж с серебряными аккумуляторами, добытыми Фёдоровым у военных, возможно, стащенными в Балтийске с подводной лодки разорённого флота. Все остальное место – 9 квадратных метров, да так, что оставшиеся проходы были не шире шестидесяти сантиметров, было заставлено столами и стеллажами с оборудованием и оснащением, необходимым профессору в осуществлении его тайных планов.

Фёдоров посмотрел на часы: ого, до закрытия оставался всего один час. Аккуратно сложив исписанные и пронумерованные листы, профессор добавил к ним вчерашнюю пачку, которую давеча спрятал между подшивок. Потом достал из начатой пачки чистые листы и сложил всё это вместе, завернул в прежнюю упаковку и заклеил её. Это удалось сделать так, чтобы совершенно не было заметно, что пачку вскрывали. Теперь, если её открыть, то первыми представятся взору чистые листы, и таких в пачке – большинство. "Прошлая предосторожность с прятаньем исписанных листов не потребовалась, будем надеяться, что и эта окажется излишней, – подумал Фёдоров, укладывая пустой термос и упаковку от бутербродов в портфель. – Ну, что же, пожалуй, библиотечно-поисковый этап работы завершён! Пора домой!"

Алексей Витальевич попрощался с заведующей залом периодики, которая сообщила ему, что её вызвала директриса Нина Степановна Реузова – завтра им обоим предстоит явиться для чего-то во временную администрацию. Фёдоров внимательно всмотрелся в лицо Натальи Васильевны и произнёс:

- Я удивляюсь, почему за вас, за библиотеку не взялись сразу, ещё дней десять-двенадцать назад! Ну, а поскольку взяли, и взяли только сегодня, то имейте в виду: это кто-то из местных предателей постарался надоумить своих хозяев, что к чему! Не забудьте того, о чём мы говорили утром! Ну, успеха вам!

Не дожидаясь ответа (да, и какой мог быть ответ на его слова!), Фёдоров пошёл к выходу, отдал контрольный листок вахтёрше, попрощался и вышел на улицу.

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

4. РОДИНА

Родился Фёдоров на востоке страны. Отца его, бывшего во время войны старшим офицером знаменитого СМЕРШа, направили организовывать стройку будущего первого ядерного полигона страны. Работы контролировал из Москвы непосредственно Лаврентий Павлович Берия. Тот самый, на которого было впоследствии вылито столько клеветы и грязи. Алексей с детства знал это имя и отчество, потому что, случалось, Берия звонил отцу и домой. Конечно, содержания разговоров он не знал, да, скорее всего, и не могли они говорить по домашнему телефону открыто. Хотя, дома было два телефона: по одному частенько звонила мама, а ко второму разрешалось подходить только отцу. Позже, анализируя свои детские воспоминания, Алексей предполагал, что второй аппарат мог оказаться телефоном высоко-частотной связи, но это были лишь догадки.

А вот отзывы отца о Берии Алексей помнил хорошо: строг и чрезвычайно требователен, но справедлив и всегда выполнял деловые просьбы своих работников, принимал от них критику, во всём стремился поддержать талантливых исполнителей. Большого в памяти не сохранилось. Потом эти воспоминания стёрлись, были вытеснены в результате массивной кампании очернения, развёрнутой при Хрущёве. Правда, было ещё одно детское воспоминание. Отец тогда пришёл домой раньше обычного, совершенно белый, хотя внешне старался держаться спокойно. Это, однако, ему не удавалось. В таком состоянии Алексей видел отца лишь трижды: 6 марта 1953 года, днём, когда до них дошло известие о смерти Сталина (мама тогда рыдала навзрыд перед чёрной "тарелкой" установленного в столовой абонентского громкоговорителя), 8 ноября 1957 года, когда

умер дедушка – мамин папа, и в тот день между этими датами, когда Лаврентия Павловича объявили английским шпионом и мусаватистским агентом. Мама бросилась тогда к побледневшему отцу со словами: "Витя (так она звала отца наедине), что случилось?!" Помогла ему снять шинель, усадила в семейное кресло-качалку, принесла горячий чай. Алёша был отправлен в свою детскую комнату, но всё равно слышал через тонкую дверь непонятные обрывки фраз взволнованных до крайности родителей. Мальчик отличался феноменальной памятью и потом, уже повзрослев, сумел по запомнившимся тогда фрагментам понять: родителей беспокоила и собственная судьба, и судьба оборонных работ, за которые отвечал Берия. К концу лета 1953 года кончилась оседлая жизнь в Якутии, и начались скитания. Отца с большим понижением отправили сначала в Сибирь, потом на Средний Урал, потом на Северный Урал. Нигде они не жили дольше двух лет. Но всегда это были довольно глухие, малонаселённые местности, пока в 1961 году они не утутились на юге – в Ростовской области.

В общем, пришлось Алёше сменить восемь школ. Лишь последние три года он проучился на одном месте. К этому времени его родители, на беду, как раз расстались. Но здесь речь не о переездах семьи военного. При всех этих переездах Алексей научился многому: быстро обживаться на новом месте, устанавливать контакт со сверстниками (вот только трудно потом расставался с вновь обрётёнными друзьями), привыкать к новой местности, природе, климату. Но всегда и везде Алёша, затем Алексей, а потом и Алексей Витальевич чувствовал себя *дома*. А частые переезды способствовали формированию чувства, что дом его – очень большой, в разных его местах в нём всё разное, но своё, не чужое, что всегда в трудную минуту можно и следует обращаться к людям, живущим рядом и не совсем рядом. Порой у них бывали странные лица и имена, но все эти чужие люди быстро становились в восприятии мальчика *своими*. Он полюбил природу всех мест, где доводилось жить, но

больше всего – в тех местах, где сосновые леса граничили со степью или где реки были бурными и несли свои воды с холодных вершин. Пристрастившись к чтению лет с семи, он долго не мог понять, почему в книгах одни люди испытывают неприязнь к другим только на основании имени или разреза глаз. Обретя в детстве стойкие навыки грамотной русской речи – без московского "аканья" или волжского "оканья", южнорусского (украинского) искажения "г", – он не перенимал местных диалектов и не понимал, почему порой его произношение, грамотное и литературное, поначалу высмеивалось некоторыми одноклассниками. Но все эти насмешки всякий раз как-то сами собой вскоре стихали, и мальчик устанавливал приятельские отношения иногда даже с самыми заядлыми насмешниками. Впрочем, каких-либо кличек, тем более обидных, за ним не приживалось, и уже одно это говорило о многом. Как правило, к концу пребывания в каждой из школ Алёшу выдвигали в совет пионерской дружины. Ему удавалось сделать обычные пионерские дела интересными. Во всяком случае, никто не рвался из школы, когда он объявлял о собрании или другом мероприятии. Но едва он начинал проявлять свою инициативу в этих делах, как приходилось переезжать с родителями на новое место.

Во всех школах он участвовал в самодеятельности, слыл декламатором. Да это и не удивительно при любви к чтению. Порой это мешало. Так, на уроках литературы ему нередко бывало скучно, потому что всех изучавшихся русских классиков он уже давно знал. Но иногда то же самое и помогало: Алексей не боялся спорить с учителями при обсуждении того или иного литературного героя, нередко оказывался прав. В некоторых местностях ребят средних классов отрывали от учёбы на несколько дней для помощи в уборке урожая. Эти дни Алексей особенно любил. На всю жизнь запомнились особые запахи и свежего, и прелого сена, печёной картошки, лошадиного пота: Алексей любил на уборке урожая править лошадьми. Но к институтским годам его отношение к участию в сельхозработах изменилось: он

считал непродуктивным заменять подготовку будущих специалистов неквалифицированным трудом. Впрочем, длилось это не так уж долго: на первом курсе – две недели, на втором чуть дольше, а начиная с третьего курса студентов-медиков в колхоз не посылали.

Но и эти краткосрочные работы в непривычной сфере вносили вклад в ту же самую копилку: Алексей везде себя чувствовал дома. Но не просто дома, а частью единого живого организма – советского народа, именно советского. Позже, когда стало модным высмеивать понятие "советский народ", он противопоставлял насмешникам свой жизненный опыт и доказывал, что при всём разном – и многообразии культур, все народы в стране слились в один, как члены одной семьи. Ведь никто же не станет упрекать членов одной семьи за то, что у родителей и детей разный рост, разные пропорции тела, анатомия, разный уровень знаний, различные занятия и обязанности! Так и в СССР. Через десятилетия, когда Советский Союз был уничтожен, ему приходилось слышать сходные высказывания и доводы от белорусов, украинцев, армян, узбеков... У всех была тоска по прошлому, по единой Родине, по свободе в ней, по возможности не только всегда получить работу, но и зачастую найти её в полном соответствии со своими желаниями, по возможности творить и проявлять инициативу, по общедоступности не только почтовых услуг, но и транспорта. При этом люди критиковали былые недостатки, рассуждали (иной раз – чрезвычайно метко и мудро) на тему о том, что именно в организации власти и жизни общества способствовало выдвижению таких предателей, как Горбачёв или Ельцин, осуществлению их подлых планов и преступных дел.

Так и сформировалось и у Алексея Витальевича, и у всех его знакомых, зачастую теперь "иностранцев", представление о Родине, в которой каждый человек был Личностью, был ответственен перед предками и потомками, представлял собою часть Народа, а не атом, воюющий в

своём броуновском движении с каждым и против всех. Была любовь к природе, особенно к природе тех мест, где родился и вырос, но и к природе тех частей страны, куда мог свободно поехать, сэкономив одну-две месячных стипендии. Правда, в этом представлении о Родине и о себе не было места фальшивым и слюнявым рассуждениям о "русских берёзках" или о "партии – нашем рулевом". Согласитесь всё же, что это совсем другое дело! Но, как говорится, "что имеем – не храним, потерявши – плачем". Так и у Фёдорова окончательное осознание своего чувства Родины, неоценимой важности всего уклада жизни в ней произошло в связи с выездами за границу.

Алексей Витальевич впервые выехал за границу, уже будучи более чем зрелым мужчиной. Возможно, поэтому с ним не произошло того, что называют "эффектом медового месяца". Впрочем, ему доводилось встречать и куда более опытных и вроде бы умудрённых жизнью людей, которые с восторгом описывали своё пребывание на вожделенном для них "Западе". Так что, в трезвом отношении Алексея Витальевича к образу жизни в странах Западной Европы скорее была виновата его отработанная десятилетиями привычка наблюдать, анализировать, не упуская из виду никаких "мелочей".

Алексей Витальевич знал и учил этому своих студентов и сотрудников: *мелочей не бывает*. То, что люди считают или называют мелочами, обычно в действительности выдаёт их характер и мировоззрение, свидетельствует о том, на что нацелены их интересы и чему они не придают значения. "Мелочь" как фактор, не существенный в одном явлении или же с одной точки зрения, как правило, оказывается важным, а то и решающим в другом явлении или процессе, а то и просто при взгляде под иным углом зрения. Ведь человеческое мышление – это своего рода

моделирование явлений и предметов окружающей действительности. При этом с неизбежностью приходится упрощать, откладывая в сторону малосущественные факторы: никакая модель не может полностью повторять, воспроизводить оригинал, иначе это будет просто копия, ещё один экземпляр моделируемого объекта. Те же, кто с восторгом отзывался о Западе, в качестве "мелочей" отсекали, отбрасывали именно существенные, порой – ключевые элементы западного образа жизни. Когда Алексей Витальевич пытался об этом заговорить, окружающие отмахивались, а то и упрекали его в "совковой зашоренности", несовременности взглядов.

Больше всего угнетала Алексея Витальевича разобщённость людей на Западе, их холодность и равнодушие друг к другу. Именно здесь Фёдоров впервые осознал, что огорчавшее его на Родине, заметное для него постепенное охлаждение и ослабление семейных связей между людьми обусловлено исподволь происшедшей сменой моральных ориентиров в СССР и ориентацией на Запад (как иначе трактовать лозунг "догнать и перегнать!"). Да, на Запад, где люди не просто разобщены, но и ведут друг с другом непрерывную войну под вывеской "свободной конкуренции", где мерилom всего, в том числе – жизненного успеха, являются деньги.

Прожив месяц в Берлине, в семье, где жена работала медсестрой, а муж уже вышел на пенсию, Фёдоров стал невольным свидетелем нескольких событий, которые навсегда сделали для него неприемлемым образ жизни, как стали говорить, "цивилизованных стран", начиная со времени ненавидимого на Родине и любимого в Германии Горбачёва.

Во-первых, Алексей Витальевич на примере узнал, к чему ведёт брачный контракт. Супруги Грюнерты, обложившись квитанциями, калькуляторами и чистыми листами бумаги, подвели в кухне баланс расходов и доходов, рассчитывая, кто из них и какую сумму должен внести.

Делалось это привычно – деловито, спокойно, хотя и с заметным для Фёдорова напряжением, скрываемым обоими супругами. "Какая же это семья, где же здесь экономическая основа единства супругов, да и есть ли оно, это самое единство?!" – думалось Алексею Витальевичу. Скорее уж всё это походило на раздел имущества, пусть даже осуществляемый привычно и повседневно!

Когда "раздел имущества" был завершён, на одутловатом лице Дорис за искусственной улыбкой стало заметно некоторое раздражение. Теодор же, напротив, явно выглядел довольным. Поняв, что его реакция на происшедшее в какой-то степени замечена Грюнертами, Фёдоров задал вопрос, который был призван разрядить ситуацию и подчеркнуть полную неосведомленность русского гостя в таких делах. Ответ был прост: так предусмотрено брачным договором.

Приняв внешнее дружелюбие берлинских хозяев за искреннее и в связи с полной своей неопытностью в вопросах жизни в ФРГ, Фёдоров поначалу счёл многодетную семью Грюнертов не просто дружной, но, пожалуй, даже образцом для многих семей на Родине. Две взрослых дочери жили в Гамбурге, а старшие дети – сыновья, здесь же, в Западном Берлине, хотя и отдельно от родителей. Каждый день родители и дети беседовали о чём-то по телефону, а раза по два за месяц сыновья порознь посетили родителей.

Понятно, что содержания телефонных разговоров Алексей Витальевич не знал, но внешне все были друг с другом очень приветливы. Сыновья приносили в маленький домик родителей какие-то подарки, вино, продукты. Теперь, после наблюдения за подведением баланса, Фёдоров стал более внимательным наблюдателем и уже через пару дней заметил, что за принесённые "подарки" отец Теодор сполна заплатил сыну Карлу. А вскоре выяснилась и причина частых визитов Карла: вышедший на пенсию отец собирается *продать* ему свой дом (именно *свой*, а не совместный с

супругой!) за 200 тысяч марок. Идёт подготовка к совершению сделки купли-продажи *между отцом и сыном*.

Супруги поселили Фёдорова у себя бесплатно, в ожидании подписания контракта между одним своим знакомым и недавно созданной в Калининграде частной торговой фирмочкой. Алексей Витальевич, свободно владевший немецким языком, был уполномочен довести договор до подписания. Вначале сюда приехал и калининградский делец, но вскоре выяснилось, что он только мешает ведению переговоров, выдвигая нелепые, зачастую противоречивые требования и выражая откровенное недоверие к Фёдорову. Тогда через другого переводчика калининградцу это было разъяснено. Получив заверения немцев в том, что Фёдоров честно отстаивает его интересы, лучше него самого, он уехал назад, в Калининград, жадно ухватившись за возможность сэкономить деньги на оплату труда переводчика. И вот однажды выяснилось, что немецкий партнёр оплачивает пребывание Фёдорова у Грюнертов, оплачивает по ценам примерно вдвое дешевле самой недорогой гостиницы: так сказать, к выгоде всех участвующих сторон. "Где же здесь дружба?" – думалось Фёдорову. Но был у Грюнертов и ещё один расчёт: Теодор собирался поехать на свою бывшую родину в нынешней Калининградской области, и ему требовался проводник-переводчик. Как это было оговорено уже в первый день после приезда в Берлин, Фёдоров брался за эту функцию бесплатно, оплачивался лишь его проезд с Теодором до деревушки, затерянной на севере области.

Как-то, прогуливаясь с Дорис по тому району Западного Берлина, где все названия были связаны с бывшей Восточной Пруссией, Фёдоров обратил внимание на нищего, явно серьёзно больного и нуждавшегося в неотложной медицинской помощи. Нищий сидел на картонке (недавно прошёл небольшой тёплый дождь) и с громкими стонами раскачивался, держась обеими руками за живот. Алексей

Витальевич бросился к нему, расспрашивая, что случилось, где и как болит. Нищий только мотал головой, повторяя со стонами лишь одно слово "болит".

Подошедшая Дорис не скрывала своего недовольства неправильным поведением Фёдорова. Тот был поражён и не вникал в её объяснения и упрёки, высказанные спокойно, но твёрдо. Запомнилось только, что она этого нищего видит не впервые, что у него уже бывали такие приступы и что это их с Алексисом не должно волновать. Фёдоров недоумевал: "Как же так: ведь она – медицинская сестра?! А нищий – не какой-нибудь алкоголик, а больной, бездомный человек, возможно – не вполне здоровый психически!" Прохожих было много, но все они проходили мимо, не глядя, пожалуй, даже не замечая несчастного нищего. Это было совершенно непонятно! На Родине, даже в нынешнем жестоком 1992 году такое было невозможно.

Семья, в которой вынужденно гостевал Фёдоров, как вскоре выяснилось, не была рядовой. И Дорис, и Теодор слыли в округе очень образованными и культурными людьми. Вскоре Алексей Витальевич убедился в справедливости такой репутации. Для этого оказалось достаточным встретиться с ещё несколькими семьями. Но недоумение Фёдорова от этого только возросло: так или иначе, раньше или позже, но во всех беседах неизменно присутствовала тема цен, денег, хотя знакомыми Грюнертов были преподаватели университета, архитекторы и инженеры. Чего же было ожидать от других людей, не обучавшихся, как Теодор при Гитлере, в специальной школе для будущей элиты, руководителей нации?! Позже, встречая в газетах хвалебные высказывания "реформаторов" о "гомо экономикус", Фёдоров всегда вспоминал свой первый опыт вынужденного внедрения в западный образ жизни.

Не мог он ни принять западных лозунгов и призывов к "Умвельтшутц" (то есть, к "защите окружающей среды"),

ни смириться с их явной фальшью. Какая там защита, если повседневно супруги Грюнерты выбрасывали горы предметов одноразового пользования и ярких, красочных, явно не дешёвых упаковок, десятки пестрых рекламных листов, вынутых из почтового ящика, на котором красовалась надпись "пожалуйста, никакой рекламы!"

По правде говоря, Фёдоров в свой первый выезд на Запад, а это был Париж, тоже "купился" на красочную упаковку. То, что оказалось в этой упаковке, хотя и было съедобным, не могло идти ни в какое сравнение с отечественными, тогда ещё советскими, продуктами! Ну, ладно, он был чужаком, новичком! Но ведь люди живут здесь всю жизнь, они и родились здесь. Неужели они не понимают всей варварской расточительности использования одноразовых предметов и дорогих упаковок, сравнимых со стоимостью товаров? Неужели не понятно, что сведя упаковку к необходимому минимуму, можно сэкономить массу сырья, энергии, человеческого труда, резко сократить транспортные расходы и размеры свалок? А каково отношение к вещам? Это вообще не укладывалось в голове! Вещи, вполне добротные или ещё вполне ремонтпригодные, безжалостно выбрасывались на свалку. Кое-что из таких вещей Фёдоров позже, когда стало совсем трудно с заработками, бывало, брал с собой, ремонтировал, доводил до прежнего блеска и продавал не без выгоды, хотя и много дешевле, чем это умели другие.

Нет! Принять такой образ жизни Фёдоров не мог. И не потому, что был к нему не приспособлен и не хотел приспособливаться, а оттого, что такое развитие, такой "прогресс", производство ради прибыли, потребление как цель и смысл жизни, вели человечество в тупик, тупик, прежде всего, духовный, но также и энергетический, ресурсный и экологический. Даже Дорис Грюнерт, непонятно за что ненавидевшая социализм, с которым если и была знакома, то лишь по публикациям в "Шпигеле", даже Дорис говорила: "Раньше считалось, что немец — это порядок, дисциплина,

аккуратность, труд. Нет, теперь нет ни аккуратности, ни трудолюбия: люди стремятся только к удовольствиям!" При этом она сама не раз демонстрировала и боязнь перетрудиться, и стремление к наслаждениям.

Было ещё одно наблюдение, которое упрочило отвращение Фёдорова к образу жизни благополучной (за чей счёт?!) Западной Европы. Один из знакомых семьи Грюнерт, доцент технического университета в Берлине, проявлял интерес к так называемым реформам в России, особенно в Калининградской области. Он предложил Фёдорову научное сотрудничество. Они вместе выработали план, подписали составленный ими "договор о сотрудничестве независимых исследователей". Фёдоров добросовестно и не без денежных затрат (статистические данные тогда уже можно было получить только за деньги) собрал материалы, написал статью, выводы которой были убийственными для "реформаторов", и передал всё это своему партнёру Лотару, как это и предусматривалось договором. Но вопрос о публикации затягивался. Лотар то ссылаясь на стилистические ошибки и непривычные для немцев обороты речи, то на нехватку времени. Через год, приехав в Берлин переводчиком у очередного калининградского торговца, Фёдоров посетил Лотара. Тот по-дружески и даже с радостью его принял и ушёл готовить чай. Чай на Западе – это и в самом деле *только* чай. На русское хлебосольство здесь рассчитывать не приходится. В ожидании хозяина дома Алексей Витальевич взял небрежно брошенный на низенький столик специальный экономический журнал. Нетрудно понять, каково было его изумление и негодование, когда он обнаружил в журнале свою собственную статью, опубликованную под именем Лотара. Его одного.

Но самое примечательное случилось потом, когда Фёдоров вежливо, тщательно подбирая слова, высказал свой упрёк. Лотар Ключе ничуть не смутился, а быстро разыскал их давний договор и доказал, что он несколько не погрешил

против какого-либо из его пунктов, а вот Фёдоров в силу незнания немецкого права и своего русского образа мысли просто, что называется, попался и подписал невыгодный для себя договор – вот и всё! И по улыбке Лотара, и из его слов стало понятно, что именно так и замышлялось его немецким партнёром всё это мнимое сотрудничество. Фёдоров выпил чашку чая, не притронувшись ни к сахару, ни к одной из трёх положенных на блюде вафель, и ушёл из дома своего знакомого с горьким осадком в душе.

Ещё более примечательным оказалось то, что Фёдоров не сумел извлечь из своей ошибки урока. Лет семь спустя, его познакомили с Гюнтером Вёрстером из университета в Марбурге. Этот историк интересовался первыми послевоенными годами Кёнигсберга-Калининграда, а Фёдоров как раз заканчивал свою книгу об этом периоде, монографию историко-правового характера. Оба исследователя быстро нашли и общий язык, и общие интересы. Гюнтер сказал, что оформит для Фёдорова двух-трёхмесячную командировку в университет Марбурга, дал список документов, которые надлежало представить, и анкеты. Потом, когда Фёдоровым были собраны, оформлены и переданы Вёрстеру все необходимые бумаги, тот позвонил и сообщил, что вопрос решён положительно: весной будущего года его и Викторию на всё лето приглашают в Марбург для исследовательской работы. В конце телефонной беседы Гюнтер спросил, не может ли Фёдоров найти в архиве пару интересовавших его документов. Алексей Витальевич уже через неделю нашёл искомое, скопировал и позвонил своему новому другу. Тот был рад и выразил свою благодарность. А ещё через месяц Фёдоров с оказией передал копии архивных документов в Марбург.

Прошла зима, весна, наступило лето, но обещанного вызова всё не было. С трудом дозвонившись до Вёрстера, Фёдоров услышал то, что подействовало как ледяной душ: вызова не будет, ведь это связано с расходами для универси-

тега, а они излишни, так как требующиеся редкие документы Фёдоров сам, добровольно и безвозмездно переслал в Марбург. Осенью того же двухтысячного года Фёдоров сумел через другого своего знакомого в Германии получить копию протокола заседания, на котором рассматривался вопрос о приглашении российского учёного с женой в Университет Марбурга. Содержание повергло Фёдорова в шок, а Петер Кноль (так звали знакомого, добывшего протокол) с сочувствием сказал:

- Это – рынок, Алексис. Чего ты ждал, если всё продаётся и покупается! Что могут значить обещания и данное тебе честное слово, когда речь идёт о деньгах? Тебе следовало посоветоваться со мной. Я бы тебя научил, как правильно поступить!
- Спасибо, Петер, – только и смог сказать Фёдоров в ответ, тяжело поднялся и направился к выходу.

Эгоизм, нацеленность на личную выгоду в целях потребления и удовольствий, отказ от моральных принципов ради денег, разобщённость и равнодушие людей, приземлённость интересов – это и многое другое, проверенное личным опытом, навсегда отвратило Алексея Витальевича от западного образа жизни, этого неизбежного порождения так называемого "свободного рынка".

Фёдоров и раньше, в советские годы, встречаясь на международных конференциях с иностранными учёными, удивлялся тому, что при высочайшей материальной оснащённости своих лабораторий и богатстве экспериментальной базы они не в состоянии сделать широких теоретических обобщений, связать свои данные с результатами исследований смежных наук и даже близких направлений.

Более того, западные учёные зачастую не делали даже тех выводов из своих экспериментов, которые, казалось, напрашивались сами собой. Конечно, и на Западе было множество талантливых, объективно и широко мыслящих

учёных, но организация науки была такова, что общий уровень и глубина теоретических обобщений, сделанных нашими учёными, неизменно оказывались выше. Средний, то есть, типичный уровень советского учёного был выше. Если такие, как Маргарита Ершова с подружками были *здесь* – неприятным исключением, *там* – скорее правилом! Фёдоров часто беседовал с коллегами-соотечественниками на эту тему.

И всякий раз находил подтверждение своим догадкам: не только организация науки, но и сам уклад жизни, воспитанное с детства мировоззрение учёных богатого Запада приводили к тому, что итог оказывался не в его пользу, а в пользу советской системы. При своих 4% в численности населения Земли и миллионе отечественных учёных СССР к восьмидесятым годам XX века обеспечивал около 1/3 мировых фундаментальных исследований и около 1/4 результатов прикладных наук. Именно эти результаты и использовались Западом для упрочения своего благополучия. Что же будет теперь, когда Запад, прежде всего США, с помощью своей пятой колонны в СССР (а теперь – в России) начисто отпилил сук русской науки, на котором это благополучие держалось?

Как бы то ни было, а Фёдоров никогда не стремился жить на Западе. Он точно знал, что вскоре его потянуло бы на разоряемую, разрушаемую, обнищавшую Родину. Впрочем, теперь и время работало против него: Западу были нужны лишь молодые, желательно до 40 лет, а Фёдорову перевалило за пятьдесят, когда он, уступая просьбам матери, страдавшей от его невостребованности и фактической безработицы дома, попробовал получить временный контракт в ФРГ. Самое интересное, что в 2002 году в ФРГ его уже согласились было взять на работу учёным-исследователем в одну крупную фармацевтическую фирму, но, увидев российский паспорт, тут же аннулировали предложение. Оказалось, работодатель полагал, что перед ним гражданин ФРГ, так называемый поздний переселенец из бывшего СССР.

ГЛАВА 3.

КАТАСТРОФА.

Дорога из библиотеки домой заняла гораздо больше времени, чем предполагал Фёдоров. Поезда не ходили, автобусы тоже. Это было известно с самого начала. Оттого-то он и сел на велосипед. Но выезды из города оказались перекрыты. После первой попытки выехать из Калининграда по Советскому проспекту, когда Фёдоров был подвергнут унижительному и грубому допросу, а затем и обыску, оккупанты развернули его назад, в город. Спасибо ещё, что побрезговали копаться в грязном, неприятно пахнущем белье, которое Фёдоров умышленно положил в портфель поверх своих бесценных бумаг. Но, что же делать? Как вырваться из города? Как, наконец, попасть домой? Впрочем, откуда он взял, что перекрыты действительно *все* выезды? Наверное, есть какая-то брешь! Оккупанты, безусловно, знают город хуже, чем он, проживший здесь четверть века. Алексей Витальевич мысленно представил себе план города. Так, а что если попробовать выбраться вот здесь – сначала по улице Ломоносова, потом мимо Пятого форта в сторону улицы Габайдуллина? Правда, это большой крюк. Да и дорога там – одно название. За годы "реформ" покрытие ни разу не ремонтировалось, а после так называемого землетрясения там, скорее всего, вообще придётся пробираться чуть ли не ползком. Ну, да это как раз было ему на руку.

Так Фёдоров и сделал. К его радости предположение оказалось верным, и ему удалось выбраться из Калининграда без помех. Лишь за Чкаловской развилкой он выбрался на дорогу, пустынную, как никогда прежде. Переключив скорость, он привстал и что было сил налёг на педали. Практически бесшумный ход велосипеда позволял прислушиваться к тому, что происходило вокруг. Но пока всё было

тихо. Приближаясь к Холмогоровской дорожной развязке, Фёдоров замедлил ход: здесь могли оказаться НАТОвцы. К счастью, опасение не подтвердилось. Уже миновав посёлок, где раньше, до оккупации, располагался музей, Алексей Витальевич услышал нарастающий рокот тяжёлого транспорта, двигавшегося по Светлогорскому шоссе. Фёдоров немедленно съехал с дороги, положил велосипед и уселся в кустах, будто бы по нужде. С БэТээРа его не заметили. Дождавшись, пока шум не утих полностью, Фёдоров двинулся дальше.

Возвращение домой оказалось более продолжительным также и по другим причинам. Во-первых, ещё несколько раз приходилось сходить с дороги и укрываться в кустах. Во-вторых, усталость и нервное перенапряжение подточили силы, и ему просто не хватало выносливости. Уже вечерело, когда он, наконец, добрался до Романовского перекрёстка, от которого до дома было всего восемь километров. Дорога здесь шла по холмам через лесок, довольно круто спускаясь к развилке на Романово. Фёдоров остановился и прислушался: на развилке вполне мог оказаться пост оккупантов. Так оно и оказалось. Что же делать? "Махну через лес", – решил Алексей Витальевич. Но это было легче сказать, чем сделать. Лесок был сильно засорен, ведь санитарных порубок никто не делал лет двадцать!

Почти половина часа понадобилась для того, чтобы пробираясь с велосипедом по лесу обогнуть развилку и располагавшийся рядом с ней контрольный пост оккупантов. Те были заняты сжиганием большого деревянного православного креста, установленного возле самого перекрёстка около пяти лет назад. Солнце уже близилось к горизонту, но всё ещё ярко светило, не затмевая, однако, огромного столба пламени. Крест горел с потрескиванием и какими-то странными звуками, напоминавшими человеческий стон.

Миновав опасное место и с трудом сдерживая тревогу, почему-то овладевшую им, Фёдоров спустился с холма, где раньше располагались свинофермы, на дорогу и разогнал велосипед. "Кто их знает, – думалось Фёдорову. – Вполне могли и комендантский час учредить. Надо торопиться!" В самом посёлке Романово на улицах не было ни души. Глухая, невысказанная ненависть к оккупантам держала людей по домам. К счастью, здесь не было видно и оккупантов. Вероятно, слишком мелким и незначительным показался им этот населённый пункт.

От моста через пруд дорога вела круто в гору. Алексей Витальевич сошёл с велосипеда и повёл его в руках. Хотя до дома оставалось уже менее шести километров, тревога в его душе всё росла и росла. Миновав подъём, он вновь уселся в седло и нажал на педали. Ну, вот, наконец, и его посёлок! Но и здесь улицы как будто вымерли. Не было ни людей, ни даже собак. Притихшая было тревога вновь переполнила душу Фёдорова, когда он был всего в нескольких метрах от своего домика. Эта тревога перешла в ужас, в предвидение неизбежности чего-то кошмарного, когда он, поднимаясь на высокое крыльцо, увидел неплотно прикрытую входную дверь. Домашние, его родные так бросить дверь не могли! Рывком распахнув её, Фёдоров вбежал в прихожую и громким голосом, дрожащим от ожидания чего-то ужасного, выкрикнул:

– Вика! Мама! Дочка! Ау! Где вы?! Это я!!!

Но ответом ему была полная тишина. Только теперь он разглядел в самом тёмном углу прихожей – возле двери в ванную неподвижное тельце обычно шустрой и смелой кошечки Катьки. Не переобуваясь в домашние туфли, весь дрожа, Алексей Витальевич бросился в комнату матери. То, что он там увидел, вызвало громкий крик отчаяния: мама сидела в своём кресле на колёсиках совершенно неподвижная, со страшным, залитым кровью лицом и сжатыми в

кулаки руками. Эти руки ещё совсем недавно были такими ласковыми и нежными, такими умелыми и работающими... Страшное зрелище вызвало у Фёдорова новый крик. Он бросился к матери, встал перед нею на колени. Руки мамы были не только неподвижны, но уже и холодны... Как тогда, в прошлой, проклятой действительности, которую удалось исправить...

— Вика! Дочка! Где же вы?! — кричал Фёдоров, бросившись в спальню, затем в свой кабинет.

Всё здесь было перевёрнуто. На полу валялись окурки, книги, сброшенные со своих привычных мест. Ни жены, ни дочери тут не оказалось. Платяной шкаф был открыт, но тайник, по всем признакам, остался не обнаруженным. Алексей Витальевич бросился по лесенке на второй этаж, где располагались гостиная метров в двадцать и маленький рабочий кабинет жены, а также комната дочери. И здесь всё носило следы варварского обыска и причинённых им разрушений, выполненных с явными садистскими наклонностями. Но никого ни в комнате доченьки, ни в гостиной не оказалось. Дверь, ведущая из гостиной в кабинет супруги, оказалась плотно закрытой — единственная закрытая дверь в разгромленном доме!

Какое-то время профессор, в предчувствии нового ужаса, собирался с силами. Потом, дрожа всем телом, открыл эту дверь, и то, что предстало перед его взором, лишило его сознания. Очнувшись после глубокого обморока, чувствуя на всём теле холодный и липкий пот, ощущая слабость и сильное головокружение, Алексей Витальевич с трудом поднялся сначала на четвереньки, затем, держась за стену, встал на ноги.

Впрочем, ноги были совершенно слабыми, ватными. Держась за косяк двери кабинета, Фёдоров вошёл в эту маленькую, ещё совсем недавно по-особому уютную

комнатку. Любимая жёнушка лежала с задранной кверху подолом платья, без нижнего белья, прикрывая собой наполовину совершенно голенькое, мертвое тельце ребёнка – их любимой доченьки. В левой руке жены был зажат пистолет – его, фёдоровский пистолет, разрешение на приобретение и хранение которого ему досталось в своё время таким трудом.

Восстановить события не представляло никакого труда. Всё было ясно: оккупанты ворвались в дом, очевидно в поисках Фёдорова. Сначала с побоями допросили мать, не посчитавшись с тем, что ей уже за восемьдесят. Не добившись желанного ответа, принялись, шантажируя дочерью, допрашивать жену. Та, изловчившись, вырвала из рук врагов ребёнка и, непонятно как добравшись до пистолета, бросилась наверх... Здесь-то и захватили их оккупанты, убили ребёнка, затем – отчаянно сопротивлявшуюся Викторину, а потом надругались над нею, уже мёртвой...

ГЛАВА 4.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА.

В ушах нестерпимо звенело, вокруг стояла тьма, нет, не тьма – это его глаза были слепы, но сознание с каждой секундой становилось всё яснее. Страшная картина смерти родных стояла перед внутренним взором Фёдорова. Отчаяние вновь наполнило его душу. Но что это? Сквозь постепенно стихавший звон в ушах он услышал какой-то грохот. А, это упали дрова на пол, какие-то шаги совсем близко, судя по звукам, за закрытой дверью. Но вот глаза... Глаза не видели ничего.

"Скверно, если ослеп. Как же тогда быть?" – подумалось Фёдорову. В прошлый раз зрение вернулось почти сразу же вслед за слухом, а теперь он слеп, как крот, чёт возьми! Тогда ничего сделать не удастся. Но ведь так не должно быть! Если уж ему удалось, используя силы природы, вернуться сюда, в прошлое, на четверть века назад, то он и дальше должен оставаться активным элементом во взаимодействии сил, участвующих в событиях бифуркации. Стоп! А откуда такая уверенность, что он попал в прошлое?! Звуки, запахи... Да, недаром индейцы в память о событиях продуманно собирали пучки трав с определёнными запахами. Запахи не обманут, точно напомнят о давно минувшем и о былых переживаниях. Так что, если обоняние его не подводило, он сейчас определённо в том периоде прошлой жизни, когда снимал комнату в домике на Бакунинской.

Но было и ещё одно обстоятельство, которое тоже тревожило Фёдорова: он не чувствовал своего тела и не мог пошевелиться. „Так, давай-ка, вспомни, чем ты занимался 26 лет назад поздней осенью!“ – приказал себе Алексей Витальевич. Так, диссертация была написана

(мелькнула мысль: „Интересно, а смог бы написать её *сейчас?*“), переговоры о защите... Так! Потом смерть Брежнева, траур, сокращение штатов...

Постепенно ему удалось мысленно восстановить довольно точную схему ключевых событий своей жизни двадцатилетней давности. Осознав это, он несколько расслабился и понял, что лежал всё время на спине, почему-то крепко сжав кулаки и плотно зажмурив глаза. После первой попытки он чувствовал себя иначе. Обстоятельств прошлой жизни в тот раз вспоминать не пришлось. Открыв глаза, он отчётливо, насколько это позволял серый свет раннего осеннего утра, увидел обстановку комнаты: стол слева от дивана, тумбочку с пишущей машинкой, кривоватый деревянный стул, прямоугольник двери с пробивавшимся в щель желтоватым светом. Фёдоров поднялся, включил настольную лампу, заправил постель, надел висевшие на спинке стула брюки, рубашку и пиджак, вид которых он основательно подзабыл, но обоняние утверждало – это его повседневная одежда. Тем временем шаги снаружи его комнаты стихли. Затем он услышал приглушённый скрежет тяжёлой калитки, притворяемой хозяйкой, и щелчок замка, закрываемого ею на ключ.

Фёдоров бодро вышел из комнаты, осмотрелся. Да, он на Бакунинской улице в Воронеже. Частный домик, в котором он за 25 рублей в месяц снимал комнату, состоял из холодной прихожей, в которой стоял рукомойник, далее следовала кухня с печью-плитой, слева от которой находился вход в его комнату, а прямо – короткий коридор, ведущий в гостиную хозяйки, сообщавшуюся с её спальней. Алексей прошёл в гостиную (что, по условиям соглашения с хозяйкой дома, ему вообще-то делать не рекомендовалось) и посмотрел на отрывной календарь, висевший на стене: вторник, 2 ноября 1982 года. Рядом на столе лежали оторванные листки за 1 ноября и 31 октября – с какими-то кулинарными

рецептами. Всё это смутило Фёдорова. Во-первых, он рассчитывал здесь оказаться на несколько дней раньше – в субботу или воскресенье. Тогда бы у него было время на акклиматизацию в прошлом и на повторение вызубренных сведений о событиях периода, в котором он очутился. Да и план действий следовало ещё раз продумать – продумать уже здесь, на месте, с учётом тех мелочей повседневности, которые почти начисто забылись за четверть века и в результате всех пережитых им потрясений. Теперь времени не оставалось ни на что.

На работу он, конечно же, сегодня не пойдёт. Значит, будет прогул, который тоже может отразиться на последующем развитии событий. Он решил сделать так: пешком на вокзал, заодно уточнить в кассе сегодняшнюю дату (хозяйка, случалось, забывала ежедневно срывать листки календаря), затем час-два побродить по городу, послушать разговоры людей в магазинах, на улице, в городском транспорте, потом – сюда, на квартиру, пробежаться по плану действий и продумать версию своего двух–трёхдневного отсутствия для хозяйки. Алексей достал из кармана брюк кошелёк. Маловато! Открыв ключом чемодан, стоявший под диван-кроватью, Фёдоров вынул из потайного отделения свои запасы. Здесь было более трёхсот рублей. Подумав, Алексей взял 15 красных десяток, выглядевших теперь для него довольно непривычно. Наверное, и в его внешнем облике, точнее – в манерах, движениях, появилось что-нибудь, что ощутимо отличает Фёдорова от него самого, но *прежнего*. Ну, что же, в Москве это может сыграть положительную роль, а вот здесь, "дома", скорее всего, осложнит существование.

Размышляя так, Алексей Витальевич сбросил пиджак, и быстро освежил лицо у ракушечника. После этого оделся и пошёл пешком на вокзал, ведь расстояние не превышало двух километров. Совсем уже рассвело, но день обещал

быть пасмурным и холодным. В его памяти город, особенно Бакунинская улица, был грязным и неухоженным. Сейчас же он видел всё совершенно иначе, другими глазами. То, что раньше воспринималось как грязь и неухоженность, понимались им теперь как некоторая небрежность в явно регулярной уборке и определённая нехватка средств. В сравнении с тем, во что превратились русские города в ельцепутии, Воронеж 1982-го казался образцом порядка и чистоты. Никакого мусора на тротуарах, никаких ям на проезжей части. Да, местами на асфальте нечто буромокрое. Но это – просто раскисшая от осенних дождей пыль. К тому же – и тут и там – следы метел дворников. Никакой американизированной рекламы, ни одного слова на омерзительном американском наречии! Вот рабочие украшают здание лампочками и праздничными транспарантами. А здесь – огромная афиша нового советского фильма "Ожидание полковника Шалыгина" с Борисом Галкиным в главной роли. Кажется, примерно в эти дни Фёдоров и посмотрел этот отличный фильм в своей прошлой жизни: не то 31 октября, не то – 6 ноября.

Ни одного нищего на улицах, ни одного опустившегося бродяги, ни одного жующего американскую жвачку, ни одного бритозатылочного деляги. Да и взгляды людей совсем другие: не заметно ни застарелой безнадежности, ни злобы и хищности; лица светятся уверенностью в будущем, спокойствием, большинство – доброжелательны. И речь, речь у людей совсем другая – русская, не засорённая ни американщиной, ни жаргоном, ни даже матом. Алексей остановился возле кондитерской фабрики, недалеко от которой находилась трамвайная остановка. Соблазнительные ароматы приятно щекотали ноздри. Алексей даже зажмурился и глубоко вдохнул.

– Что, любите сладенькое? – с добродушной усмешкой спросил вышедший из трамвая немолодой мужчина.

- Да, вот... Грешен, – несколько смущённо ответил Фёдоров.
- Осваиваем новый сорт конфет, – бросил его собеседник и устремился к проходной.

Фёдоров сел в подошедший трамвай и, жадно прислушиваясь к разговорам пассажиров, доехал до вокзала. Возле суточной кассы стояла небольшая очередь. Алексей приготовил деньги и паспорт. Лишь в самый последний момент он спохватился, чувствуя себя едва не разоблачённым шпионом: никакого паспорта не требовалось, а билет (он взял себе верхнюю полку в купе) оказался маленькой картонкой с датой отправления, выбитой на нём мелкими дырочками. Фёдоров подошёл к киоску „Союзпечати“ и за 5 копеек купил две газеты – „Правду“ и „Известия“. Все ноябрьские и декабрьские номера этих газет он давно уже знал почти наизусть. Вот с газетами начала 1983 года было хуже: в связи с постигшей его бедой, так и не нашлось времени выучить их перед отправлением в прошлое. Сейчас ему было приятно ощутить белизну бумаги только что вышедших изданий, запах свежей типографской краски. Впрочем, просмотр этих номеров мог и помочь освежить память.

Проехав одну остановку от вокзала в сторону своего жилища – самое опасное место, где он мог попасться на глаза кому-либо из коллег, – Фёдоров дальнейший путь проделал пешком. Зашёл в пару магазинов, чтобы купить продуктов в дорогу и на обед. Он взял 3 сайки по 6 копеек, 3 пол-литровых тетраэдра молока по 14 копеек, полкилограмма спортивных конфет по 1 рублю 80 копеек, десяток яиц за 90 и половинку „кирпича“ белого хлеба за 8 копеек. Прихватил ещё бутылку дорогих „Саян“ за 34 копейки. Масло брать не стал – солидный кусок его ещё имелся дома.

Пообедав яичницей из 3 яиц, хлебом с маслом и молоком, Алексей Витальевич развернул газеты. Так он просидел за столом около трёх часов. Со стороны могло показаться, что он полностью сосредоточен на газетных

статьях. На самом же деле мысли его зачастую были очень далеко и от содержания статей, и от сегодняшней – 1982 года – жизни.

Выспаться как следует в поезде не удалось, хотя Алексей специально с этой целью взял до Москвы купейный, а не плацкартный билет. Шумные курящие соседи, возвращавшиеся из командировки в Москву, совершенно не заботились о сне других пассажиров, то и дело вставали и, выходя в коридор, громыхали дверями. Поэтому голова была несвежей, что сильно беспокоило Федорова. Ведь рискованная задача, которую он взвалил на себя, требовала полной ясности мышления, собранности и хорошей работы памяти. Алексей Витальевич раскрыл свой „дипломат“ и вынул оттуда пару таблеток цитрамона. Как раз в это время в дверь деликатно постучали, после чего она открылась, впуская в купе вежливого седого проводника с четырьмя кружками чая в левой руке.

- Можно у вас попросить пару лишних порций сахара?– спросил Алексей у проводника. – Что-то у меня голова раскалывается.
- Пожалуйста, – промолвил проводник, – четыре копейки!

С этими словами он положил на столик два дополнительных батончика с дорожным рафинадом.

- Ещё вопрос, – несколько замявшись, добавил Фёдоров.
- Не напомним ли, какой сегодня день.
- Ну, как же, – усмехнулся в седые усы проводник, похоже, полагая, что пассажир мучается с похмелья,
- Среда, третье ноября тысяча девятьсот восемьдесят второго года!

Фёдоров буркнул что-то в знак благодарности, давясь чересчур горячим чаем. Впрочем, свежий чай, да и цитрамон, спустя несколько минут, сделали своё дело – мучительная головная боль постепенно отступила.

На сыром, морозном воздухе, в котором перепархивали снежинки, Алексей Витальевич пробрался через толпу ко входу на станцию метро Павелецкая. Фёдоров нащупал в кармане пятак и устремился к одному из автоматов, выпускавших пассажиров на станцию. Сутолока, вечная московская толкотня, хотя они и были неагрессивны и в чём-то даже дружелюбны, изначально претили Алексею, были ему неприятны. Собственно, из-за них он и отказался около тридцати лет назад (“То есть, каких тридцати”, – поймал себя Фёдоров, – “Это было в 1981-ом – значит всего лишь год назад!”) от предложенной ему работы в крупном академическом Московском НИИ. Протолкавшись к эскалатору, Алексей встал на ступеньку и переключился на другие, куда более актуальные мысли.

Именно сейчас, как никогда остро, он почувствовал всю авантюристность, всю рискованность своего плана. Слишком многое зависело от элементарного везения – то есть, от того благоприятного стечения обстоятельств, которое никак не зависит от воли и образа действий человека, а является по отношению к нему внешним фактором. И потом, многое зависело от того, насколько истинны сведения, собранные им по крупицам в библиотеках и архивах. Кроме того, ни в коем случае нельзя было поручиться за то, что ему *удастся* встретиться с нужными людьми (уж слишком высокие посты они занимали). А приёмы входа с ними в контакт могли оказаться непригодными. И где гарантия, что ему поверят?! Собственно говоря, Алексей Витальевич, вполне мог быть признан если не сумасшедшим, то, во всяком случае, провокатором, которому каким-то неведомым путём стали известны высшие государственные секреты.

Чувство неуверенности и растущий холодок страха (всё может сорваться!) понемногу овладевали Фёдоровым, и лишь толчок при спуске с эскалатора вывел его из состояния растущей тревоги. „Стоп! Ну-ка, возьми себя в руки!“ – приказал он себе. Слишком многое сейчас зависело от его выдержки, уверенности в себе (пусть, хотя бы, внешней!), от собранности. Однако собраться он смог лишь после того, как ему повезло в вагоне усесться и проделать упражнение аутогенной тренировки.

Покинув метро на станции Дзержинская, Фёдоров оглянулся на памятник знаменитому поляку. Сам тот факт, что памятник стоит на своём месте, ещё не сваленный вандалами из числа лиц... демократической национальности, вселил в Алексея чувство уверенности. „Ничего, Феликс Эдмундович! Пробьёмся! В конце-то концов, кто, если не я, и когда, если не теперь!“ – подумал Алексей. Взглянув на свои часы, точность хода которых он специально ещё раз проверил перед выездом в Москву, Фёдоров не спеша, пошёл по направлению к знаменитому зданию на площади.

Сейчас надвигалось сразу три критических момента, от которых зависела судьба всего его авантюрного плана: 1) верно ли ему удалось установить время прибытия необходимого лица; 2) удастся ли приблизиться к этому лицу достаточно близко для того, чтобы войти в первоначальный контакт; и, наконец, 3) удастся ли "ключевыми словами", найденными после очень долгих поисков, пробудить у этого лица живой интерес к себе.

Алексей взглянул на часы. Вот сейчас, через полторы-две минуты (если не лгали использованные им источники!) появится "Волга" начальника ПГУ! Фёдоров подошёл ко входу как раз к моменту, когда тот должен был подъехать. Однако машины не видно. Неужели всё было враньём недобросовестных мемуаристов и продажных

писак?! "Ну, что же! Тогда используем один из двух запасных вариантов!" – решил Фёдоров. Внезапно волнение куда-то совершенно исчезло. Он теперь мог мыслить и оценивать обстановку совершенно холодно и трезво, как бы со стороны. Алексей достал из кармана сигареты, приготовленные им, некурящим и не переносящим табачного срада, именно для такого случая: для мотивации задержки, совершенно неуместной именно в *данном* месте города. После этого он на ходу сунул сигарету в рот и, остановившись, стал прикуривать. Первая спичка погасла, вторая – вот повезло! – даже не загорелась. Наконец, будто бы сосредоточившись на прикуривании, Алексей заметил приближение заветной машины. Он был примерно в трёх метрах от вышедшего из машины Шебуршина и ускорил шаг.

– Леонид Иванович! – окликнул он начальника ПГУ КГБ СССР.

Тот оглянулся, и в этот момент возле Алексея оказалась неизвестно откуда взявшаяся пара людей в штатском. Фёдоров был менее чем в двух метрах от Шебуршина.

– Леонид Иванович, – ещё раз громко произнёс Фёдоров и гораздо тише добавил два слова – название одной, только что запланированной Шебуршиным операции.

Начальник Первого Главного управления резко остановился и подал людям в штатском едва уловимый знак рукой. Те, уже готовые взять Алексея „под белы ручки“, мгновенно замерли, как и вытянувшийся по стойке смирно Фёдоров. Волнение вновь начало овладевать им, что внешне, как он надеялся, ничем не проявилось. Впрочем, как потом выяснилось, – не для главного разведчика страны. И это обстоятельство сыграло положительную роль при установлении первого контакта. Фёдоров внимательно следил за психомоторной реакцией Шебуршина, что не укрылось от последнего, как и то, что Фёдоров это понял.

- Товарищ генерал, – совсем тихо произнёс Фёдоров, – я ещё по поводу... (он назвал ещё одну операцию ПГУ), а также ... (ну, это уже было совсем по другому ведомству!). Любая утечка... (Фёдоров сделал паузу). Кроме вас... (тут Фёдоров чуть оглянулся на замерших в отдалении „штатских“; нет, слышать они не могут!) не имею права! Пятнадцать минут... Прямо сейчас...

Шебуршин заметил и волнение Фёдорова, и боязнь быть услышанным кем-либо из третьих лиц. Оценил он и немногословие. Ясно было, что это непрофессионал и что ему каким-то образом стали известны высшие государственные секреты. Начальник ПГУ обратил внимание и на то, что Фёдоров полагал совершенно незаметным: глубоко спрятанное отчаяние и огромный жизненный опыт, светившиеся в глазах Алексея Витальевича, этого рослого, на вид тридцатилетнего мужчины.

- Ну, что же, – негромко молвил Шебуршин и громче, явно для слушателей и зрителей, протягивая для рукопожатия руку, добавил: – Здравствуйте! Пойдемте, доложите!
- Слушаюсь, Леонид Иванович, – нормальным голосом ответил Фёдоров.

Вся описанная сцена у входа заняла менее четверти минуты. И вот, Фёдоров уже входил в дверь вслед за начальником ПГУ. „Со мной!“ – бросил тот на вахте и быстрым шагом пошёл по длинному коридору, не оглядываясь на своего неожиданного попутчика, но всё время чувствуя, что тот рядом. Вот, наконец, и кабинет. Здесь Шебуршин остановился и, открывая дверь, пропустил гостя вперёд. Фёдоров, воспользовавшись этим, быстро достал из левого кармана брюк небольшой листок бумаги и с умоляющим взглядом, уже входя в двери, протянул её генералу. Тот машинально взял бумажку и резко скомандовал:

- Проходите! Садитесь! Рассказывайте!

Сам он при этом прошёл за свой стол и, садясь, прочитал записку. Ещё не окончив чтение, глянул на Фёдорова. А тот умоляющим и одновременно строгим взглядом пристально смотрел на генерала. Шебуршин окончил чтение и на секунду задумался. Этот неожиданный гость всё более занимал разведчика. Из записки следовало, что он осведомлен и о системе прослушивания в *самой конторе* и что он, по всей видимости, опасается, как бы о содержании разговора не узнал Андропов. В то же время, записка была составлена так, что попади она в руки постороннего и даже милиции – вряд ли будет понято её истинное значение. „А ну-ка подыграю!“ – с нарастающим азартом решил генерал.

- Э-э, дорогой! Да на тебе лица нет! Тебе что – плохо?! Сейчас врача вызову! – сказал он, протягивая однако руку не к телефону, а указывая ею в сторону своей комнаты отдыха, мотнув одновременно в ту же сторону подбородком.
- Не надо, Леонид Иванович, это пройдёт, а у вас времени нет со мною возиться, – подхватил, тяжело дыша, Фёдоров больным голосом.
- Ну, вот полежи здесь пяток минут, а не полегчает – врача вызову. Пойдём!
- Записка, Леонид Иванович, – напомнил Фёдоров, когда оба расположились в мягких креслах у маленького столика. Шебуршин с едва заметным выражением недовольства на лице сжёг записку. Фёдоров заметил и это недовольство, и то, что генерал действительно не располагает временем, как и то, что первоначальный интерес к нему начинает сменяться массой сомнений и подозрений.
- Леонид Иванович, позвольте сэкономить ваше время и коротко изложить некоторые факты, – чётко очень тихим голосом сказал Фёдоров. Шебуршин кивнул.
- Сегодня третье ноября, а через неделю, десятого, в день

милиции будет объявлено о смерти Леонида Ильича Брежнева. Праздники будут очень холодными – минус семь, со снегом. Брежнев после праздников поедет на охоту. Вернётся бодрый, ляжет спать, а утром в девять, десятого числа... внезапно скончается. Его преемником на посту Генерального секретаря станет Юрий Владимирович, на которого позже будет совершено покушение. Впрочем, у него и без того больные почки, так что уже к весне 1984 умрёт. После его смерти генсеком станет Черненко, который скончается через год и на высшем посту окажется смертельный враг советской власти, русского народа и нашего государства, тип с кляксой на лысине и подкаблучник Раисы Максимовны, бывший секретарь Ставропольского крайкома КПСС Горбачёв. Умнейший и надёжнейший министр иностранных дел Андрей Андреевич Громыко будет уже в 1985-ом снят им со своего поста, а его место займёт будущий президент независимой Грузии генерал-лейтенант КГБ Шеварднадзе. Третью из ключевых ролей в капитуляции перед США в холодной войне выполнит завербованный ещё в Гарварде Александр Николаевич Яковлев, который станет у горбача секретарём ЦК по идеологии. 9 декабря 1991 года Союз Советских Социалистических Республик будет распущен собравшимися на пьянку в Беловежской Пуще Беспалым (Ельциным, который 12 июня 1991 года будет избран президентом РСФСР), Кравчуком (президентом Украины) и Шушкевичем (председателем ВС Белоруссии). Президент России Ельцин Указом № 1400 в сентябре 1993 года ликвидирует советскую власть, а 3 и 4 октября того же года расстреляет Верховный Совет из танков....

Тут Фёдоров себя прервал и закончил так:

- Я из будущего, Леонид Иванович. Одиночка. Но я располагаю совершенно точными сведениями о том,

какие внутри– и внешнеполитические шаги допустить нельзя ни в коем случае. Имею сведения и о тех шагах, которые крайне желательны в интересах советского государства и народа. Понимаю, что поверить мне трудно, что нужна проверка. Предлагаю простой способ: я надиктую вам или изложу собственноручно, когда и какие сообщения о каких событиях будут публиковать „Правда“... ну, скажем, до нового 1983 года. Вы это сможете проверить лично, не привлекая никого. Любая утечка может привести к катастрофе. После этой проверки Вы можете вызвать меня... Если сочтёте нужным...

Фёдоров несколько замялся, но почти сразу продолжил:

- Конечно, я носитель того, что сейчас составляет государственные секреты. Меня можно изолировать, ликвидировать или отправить в психбольницу. Поймите, мне всё равно! Я пережил убийство моей семьи американскими оккупантами в 2008 году, мне уже 60 лет, хватит! Но сейчас наступает период бифуркации, то есть такое время, когда история, всё развитие страны с минимальными усилиями может быть повёрнуто в любом из двух направлений. Надо не дать Горбачу и Беспалому уничтожить нашу страну, наш народ...

Напрасно Фёдоров думал, что Шебуршин ему не сможет поверить. Тот поверил сразу, хотя вещи его нежданный гость говорил, мягко говоря, странные. Однако версия „гость из будущего“ объясняла всё: и странную дискордантность между внешней молодостью собеседника и его бросающейся в глаза умудрённостью, опытностью и явной усталостью от жизни, и его вроде бы непонятную осведомлённость о высших государственных секретах и то, почему он боялся андроповской прослушки в здании КГБ, и даже то, почему гость обратился именно к *нему*, а не к кому-либо иному...

- Согласен! Напишите о предстоящих публикациях "Правды". Кстати, а как же вас зовут?
- О, извините, товарищ генерал! Фёдоров Алексей Витальевич, научный сотрудник Воронежского медицинского института, вот мой паспорт.

Генерал быстро перелистал паспорт, сделав мысленные пометки: холост, скитается по частным квартирам (а то и по углам – за 2 года 4 разных адреса). Да, если он действительно из будущего, то выходит, что он согласился – со своим-то опытом и знаниями – вернуться, в общем, к разбитому корыту по каким-то очень и очень веским причинам.

- Числитесь в отпуске или прогул? Ночевать в Москве есть где?
- Прогул, Леонид Иванович... Если сегодня уеду, будет трое суток. Ничего! Как-нибудь выкручусь... Ночевать негде.
- Стоп! Давайте без самостоятельности! Сейчас организую больничный лист... с Воронежскими печатями.
- И будет утечка...
- Никаких утечек! Слушайте, что вам говорят! Или вы и мне не вполне доверяете? – ухмыльнулся Шебуршин. – Вижу-вижу по вашей реакции! Выходит и у вас – в будущем обо мне не такие уж полные сведения.
- Леонид Иванович! Речь не лично о вас, но о вашем окружении... В частности, очень прославятся на Западе такие предатели, как два Олега из КГБ – Гордиевский и... (Фёдоров несколько замялся) Калугин.

Шебуршин помрачнел:

- Даже так?! Хорошо, тогда сделаем следующее. – Генерал помялся, затем вытащил из кармана портмоне, достал из него несколько купюр, выбрал самые свежие – десятирублёвую и трёшку, порвал каждую из них

пополам и протянул половинки каждой из банкнот Алексею. – Если мне что-то от вас понадобится, придёт человек с десяткой, его инструкциям вы можете вполне доверять, однако **никаких** сведений ему ни в коем случае не сообщайте. Если вы понадобится здесь, в Москве, к вам придет человек с половиной трёшки. Через **три дня** после этого я вас встречу в метро Комсомольская – кольцевая. Пойдёте вправо, по вашей правой руке, когда выходите, поняли?! К переходу на радиальную линию. Там есть нечто вроде балкона. Ясно?! Я вас с этого балкона увижу. Если нет, то идите к выходу через радиальную к вокзалам. Ждите у телефонов-автоматов снаружи у Казанского вокзала. Время встречи вам сообщат. Всё! Запомнили?! Так! А сейчас пишите о будущих сообщениях газет! Здесь! Закончите – выгляните ко мне!

Генерал вышел, а Фёдоров, весьма довольный результатами беседы с ним, принялся своим аккуратным почерком писать о будущих сообщениях „Правды“ и „Известий“, которые специально с этой целью вызубрил, делая выписки в библиотеках. Каждое сообщение он начинал с указания точной даты публикации и её названия.

Расставшись с Фёдоровым, генерал Шебуршин задумался. Стыдно признаться, но эта незапланированная беседа совершенно выбила видавшего виды разведчика из колеи. А он этого не любил. Будучи человеком глубоко порядочным и далеко не глупым, первый разведчик великой державы, тем не менее, представлял собой яркий тип чиновника. Такого чиновника, который, предпочитая всегда действовать строго по правилам, стремится рассортировывать людей и события „по принадлежности“ и не любит явлений экстраординарных. Конечно, проще всего было бы

сбагрить недавнего собеседника в „Пятку“ (Пятое управление, занимавшееся диссидентами). К тому же, они прекрасно установят все факты, касающиеся прошлого Десятого ("десятым", вручив ему парольную десятку, генерал окрестил Фёдорова, одновременно, не вполне осознанно, присвоив себе условное имя "Третий", что, впрочем, в общем-то, соответствовало его месту в иерархии конторы). Они уже сейчас, немедленно могут дать справку, а не состоял ли уже Десятый в их разработке.

Но что-то мешало генералу поступить так. К тому же он недолго любил Папкова, считал того недостаточно принципиальным, карьеристом, никому и никогда не давая повода догадаться о своих симпатиях и антипатиях. Более того, он считал, что учреждённая Андроповым 17 июля 1967 года "Пятка" способствует созданию нездорового ажиотажа вокруг службы государственной безопасности, необходимой любому суверенному государству, представляет в искажённом виде деятельность всех других управлений, десятилетия успешно работавших до создания "Пятки", играет на руку Западу, где создан и искусственно поддерживается извращённый, демонизированный образ КГБ.

Хуже того, призванное бороться с идеологической диверсией, Пятое управление фактически, в основном лишь давало рекламу ничтожным и весьма корыстным людишкам, прозванным на Западе "диссидентами" и представлявшими всегда одну и ту же этническую группу – ту, которая имеет привилегию мгновенного получения иного гражданства... Правда, у Папкова могли бы легко установить все связи, интересы и пристрастия Десятого, всё его прошлое.

Однако, рассудил генерал, причём здесь *прошлое* Десятого, если необходимо установить достоверность сообщаемых им сведений, которые касаются *будущего*. Как опытный и небесталаный разведчик, Шебуршин, что называется, чувствовал своего собеседника. Были вещи,

которые его сильно смущали. В том числе и знание Фёдоровым высших секретов. Причём таких, о которых знали даже далеко не все ближайшие помощники генерала.

Начальник разведки чувствовал, что Фёдоров знает гораздо больше, чем говорит. Шебуршин понял и главную причину этого – страх. Но страх не за свою шкуру, а за то, что лишние слова могут помешать миссии Фёдорова. Почувствовал генерал и страшное внутреннее напряжение своего недавнего собеседника, которое мгновенно исчезло, когда генерал, подыгрывая Фёдорову, дал ему возможность вступить с собою в контакт.

Не осталась незамеченной и заученность слов Фёдорова. Эта же заученность диалога позволила разведчику разглядеть и внутреннюю опустошённость, и явно огромный жизненный опыт своего собеседника, не вязавшиеся с его внешней молодостью. Но генерал никак не мог понять, *почему* Фёдоров пошёл на контакт именно с ним, почему он выбрал его – начальника разведки, которая практически никак не была связана с внутренними делами страны. Может быть, именно поэтому?

Может быть, Десятый как раз и хотел избежать "заматывания" своих сведений, попадись они в *соответствующие* руки? Похоже на то. Шебуршин был не только разведчиком, но и аппаратчиком, представителем высшей номенклатуры. Если бы сведения Десятого подтвердились, то работа с ним давала генералу шанс – в прямом смысле исторический шанс, а не просто карьерный. Если сказанное Десятым – не бред, то возможно, что он располагает какими-то сведениями о нём – руководителе внешней разведки, которые и определили выбор Фёдорова. Что это за сведения? Какого они характера? Всё это пока оставалось непонятным. Так что генерал был заинтересован в отсутствии самой малой утечки, чего, к сожалению, избежать уже не удалось (слишком уж много было в конторе и глаз, и ушей!). Вот

если бы встреча состоялась *не здесь...* "Ладно, как-нибудь залегендирую",— решил Леонид Иванович, приступая к очередному, и так уже почти на четверть часа отложенному пункту своей ежедневной рутины.

Дел и повседневных забот у генерала действительно было много, но все они после его разговора с Десятым как-то съёжились, предстали менее весомыми. Леонид Иванович вызывал людей, отлучался из кабинета, выезжал из Комитета и вновь возвращался, но всё, чем он занимался по долгу службы, выполнялось им как бы автоматически. Мысленно он постоянно возвращался к своей неожиданной встрече. Прокручивал её в памяти, анализируя и поведение Десятого, и своё, и полученные сведения. Правда, со стороны это было мало заметно. Разве что, генерал казался сегодня несколько резче, чем обычно, чуть-чуть короче были его беседы с подчинёнными. Но такое бывало нередко, особенно накануне самых серьёзных операций. А сегодня ведь был именно такой день ("Вот только, как до этого смог докопаться Десятый?— думал генерал. — Неужели и вправду столь строго охраняемые государственные секреты через каких-то двадцать — двадцать пять лет станут для всех столь доступными?! Впрочем, *для всех ли?*").

Теоретически существовало три возможности, три варианта объяснения непонятной осведомлённости Десятого о запланированной операции: утечка из конторы; целенаправленная работа агентства главного противника; наконец, то объяснение, которое дал сам Десятый. Случайные совпадения были исключены абсолютно. Осведомлённость Десятого исключала и то объяснение, которое как будто бы напрашивалось само собой вследствие явной необычности, чтобы не сказать бредовости, обрисованной им ситуации. В то же время профессионально искушённый и от природы недоверчивый генерал не мог, да и не имел права полностью взять на веру сведения, сообщённые ему Десятым.

Теперь о главном. Десятый предлагал неплохой, — да что там! — единственно возможный способ проверки истинности записанных им сведений. Так что, поживём — увидим! Но у привыкшего никому не верить генерала было ещё одно сомнение: что если Десятого используют для прямо противоположных целей, то есть, не для того, чтобы спасти государство и советскую власть, а, наоборот, — для их гибели? Поразмыслив основательно, генерал решил, что такая возможность маловероятна, хотя исключать её не следовало. Заодно продумал он и способы проверки этой версии. Проверка облегчалась тем, что Десятый был явным непрофессионалом, столь же явно малопригодным для работы в конторе. "Ну, что же, буду ждать!" — решил генерал. А вот два листа, убористо исписанных Десятым, нельзя доверить даже личному сейфу! Решив так, Шебуршин сложил эти два листа писчей бумаги формата А4 и убрал их себе во внутренний карман, с тем, чтобы спрятать их в надёжном месте у себя дома.

Выйдя из здания Комитета Государственной безопасности в несколько приподнятом настроении, Фёдоров повернул вправо и, пройдя пару сотен метров, перешёл дорогу, чтобы зайти в букинистический магазин. Теперь, когда ключевой момент тяжкой миссии, взятой им на себя, выполнен, и ничего уже нельзя было изменить, им всё более овладевали заботы о предстоящем существовании. Ведь жить ему предстояло заново! Вернуться назад — в будущее?! Он не знал, возможен ли мгновенный перенос туда, но, прежде всего, он и не мог бы на это решиться. Да и куда возвращаться — в свой разорённый оккупантами дом?! К кому? К своей убитой, растерзанной проклятыми америкашками семье?! Перед мысленным взором Алексея,

остановившегося у книжной витрины, вновь, как наяву, встала жуткая картина: убитая мать, изнасилованная и заколотая штыком жена, раздавленное, в луже крови тельце дочери... Он зажмурился и, не сумев овладеть собой, громко застонал.

- Что с вами, товарищ? Вам плохо?! – спросила его одетая в синтетическую шубку женщина лет сорока пяти, стоявшая рядом, перед витриной книжного магазина.
- Нет... Да... Спасибо... – забормотал Фёдоров. – Ничего. Сейчас пройдёт, уже лучше, – добавил он, смахивая перчаткой невольно выкатившуюся из глаза слезу.
- Что? С сердцем нехорошо? Я же вижу. Хотя вы такой молодой! Может, скорую вызвать?! – настаивала женщина.
- Нет, правда, лучше. Понимаете, я только что пережил большое горе, вспомнилось всё почему-то... – ответил с благодарностью в голосе Фёдоров, вновь овладевая собой, и добавил: – От всей души спасибо!
- Ну, если так... – Женщина отошла от витрины и, приветливо кивнув Фёдорову, продолжила свой путь.

Постояв здесь ещё несколько минут, Алексей пошёл дальше, к вокзалу. Собственно говоря, спешить ему было некуда. Поезд уходит вечером. Никаких дел в Москве у него больше не было, да и быть – в нынешнем положении – не могло. Сейчас, после удачной встречи с Шебуршиным, на первый план выходила забота о том, *как* адаптироваться к этому миру, *как*, имея шестидесятилетний жизненный опыт, вновь вжиться в роль молодого "эмэнэса". Удастся ли *теперь*, в его нынешнем положении, довести готовую докторскую диссертацию до защиты? Вспомнив свои предзащитные хлопоты, он невольно поёжился. Да и нужна ли ему теперь вообще эта защита? Ведь целью жизни стало *иное*, при том несравненно большее! Впрочем, Фёдоров уже успел в этом несколько раз удостовериться, и его биологический возраст вполне соответствовал 1982 году, и память работала великолепно. Пожалуй, даже лучше, чем в *том* 82-м:

например, расписание движения поездов он запомнил с фотографической точностью, хотя взглянул на него на вокзале по приезде в столицу всего один раз. Но вспомнить то, как он вёл себя, как поступал, о чём думал в таком-то или ином случае, в той или иной ситуации *тогда*, в прежнем 82-м, пока что никак не удавалось. Чувства раздвоенности сознания не было, но не было, как при первом эксперименте, и ощущения полного возврата в прошлое. Он казался себе иностранным агентом, который должен найти правильную линию поведения в чужой стране, знакомой лишь по описаниям.

Раньше, в прежней жизни он всегда недолюбливал Москву и за её всегдашнюю толчею и суетолю, и за напряжённый ритм жизни, и за деляческий образ мыслей москвичей (конечно, в меньшей степени это распространялось на москвичей коренных, не из числа приехавших за карьерой и длинным рублём). Но *эта* Москва, теперь, выглядела и воспринималась Фёдоровым совершенно иначе, чем *та* - злая, агрессивная и очень чужая, американизированная столица, которая осталась у него в памяти, когда он в последний раз до НАТОвской оккупации ездил получать Шенгенскую визу. *Сейчас* он чувствовал себя здесь удивительно спокойно и комфортно. Не было ни засилья рекламы на чужом языке, ни агрессивной отчуждённости куда-то мчащихся прохожих. Наоборот, в сравнении с *той* Москвой люди казались ему отзывчивыми и добрыми. Вот взять хотя бы этот случай возле букинистического магазина.

Не столько, чтобы убить время, сколько для того, чтобы побыстрее адаптироваться, Фёдоров решил сходить на обед в ресторан, а потом в кино на какой-нибудь современный фильм. Так он и сделал. В общем, ко времени отхода поезда он смог почувствовать себя в этом времени гораздо более уверенно, чем перед отъездом из Воронежа.

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

5. ГЕНЕРАЛ.

Придя на работу в субботу шестого ноября, Леонид Иванович никак не мог сосредоточиться на делах, ожидая, когда же ему доставят сегодняшние газеты. Но вот, наконец-то, принесли! Испытывая необычное для него волнение, генерал развернул "Правду", тут же отложил её, чтобы связаться с секретарём:

— Пожалуйста, пятнадцать минут ни с кем не соединять!

Шебуршин вновь взялся за газету, снова отложил её, чтобы извлечь из внутреннего кармана заветные листки Десятого, потом опять развернул "Правду". Хотя в списках Десятого содержались сведения о публикациях, начиная с четвёртого ноября, генерал начал проверку со вчерашнего дня. Почему? Да, всего лишь потому, что это на номере 308 значится "4 ноября" — дата выхода в свет, но материалы ведь поступают на день раньше.

Нередко, правда, не на день, а лишь на несколько часов — только не в данном случае. "Правда", 1982, № 308, 4/XI — "Осуждение агрессии". Нью-Йорк. XXXVII сессия Генеральной Ассамблеи ООН приступила к рассмотрению вопроса о бомбардировке Израилем иракского ядерного центра" — значилось пунктом 1 в списке Десятого. Вторым пунктом было: "США, поражение республиканцев"

Генерал, однако, рассудил, что, теоретически эти сведения Десятый мог получить и из какого-либо другого источника. Третий пункт в списке был вообще коротким: "1982, № 309, 5/XI. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР О присуждении Государственных премий СССР 1982 года в области науки и техники". И всё — больше ничего! Конечно, Леонид Иванович понимал, что Десятый

был вынужден заучить, зазубрить, не допуская ни малейшей ошибки, массу сведений, точно привязать эти сведения к датам и номерам газет. Это было нелёгким делом. И всё же, просматривая списки Десятого дома в первый же вечер, Шебуршин не избежал некоторого разочарования. Подсознательно хотелось чего-то яркого, существенного, политически значимого. Но нет, в списках Десятого всё было буднично, как бы серо. Впрочем, ведь и вся "Правда" была такой – будничной, сероватой, скупой и объективно сообщавшей о массе международных и внутренних событий, каждое из которых, в общем-то, было серо и обыденно.

„А, собственно, кто, кроме политинформаторов и политработников, то есть не в силу служебных или общественных обязанностей, может прочитать *всю* "Правду" от передовицы до последней заметки?!– впервые задумался генерал. – Не в "серости" ли скупой, хотя и объективной информации наших газет одна из причин растущей аполитичности народа? С другой стороны, сам факт глушения иностранных радиостанций делает их психологически привлекательными: запретный плод слаще". Хотя генерал был прекрасно осведомлён о целях и о методах работы всех этих филиалов ЦРУ, вроде "Свободы", где, кстати, успешно действовал его человек – Олег Туманов, нельзя было не отметить, что психологически "информация" БиБиСи или "Свободы" выглядела привлекательной для массового слушателя не только в силу своей запретности или остроты тем, но и в результате последовательной и целенаправленной работы именно над привлекательностью, над интересностью, над способами подачи своих материалов.

Приходилось также признать, что Пятое управление КГБ, занимавшееся диссидентами, немало помогало деятельности той же "Свободы". Несколько упрощая, суть этой деятельности можно представить в виде следующей схемы: диссиденты, то есть весьма специфические в психологическом отношении личности, с помощью американских

спецслужб подпольно "публикуют" (зачастую лишь в нескольких экземплярах) нечто не совпадающее с официальной идеологией; Пятое Управление их за это таскает к себе, а то и отправляет (как правило, совершенно оправданно) на лечение в психиатрические учреждения; "Свобода" делает из этого материал, который вновь нелегально издаётся и распространяется в СССР диссидентами, что даёт повод для интереса к ним со стороны Пятого Управления и новых сообщений "Свободы": и ... всё повторяется. Леонид Иванович находил такое положение не просто глупым, но вредным. Конечно, в условиях холодной войны (которая уже около трёх лет – с начала событий в Афганистане – всё более тяготела к переходу в свою классическую "горячую" форму) борьба с идеологическим влиянием противника необходима. Вот только организовывать и вести её следовало иначе – совершенно иначе! Будучи опытным аппаратчиком, Шебуршин никогда не вмешивался в дела чужого ведомства, впрочем, у него и своих забот было более чем достаточно.

Однако теперь, если, конечно, факт перемещения Десятого к нам из будущего подтвердится, могла возникнуть иная ситуация, к которой также следовало готовиться. С такими мыслями генерал начал сверять список десятого с "Правдой" за шестое ноября:

- Так! Что тут у нас?! "Продолжая дело Великого Октября. Доклад тов. В.В. Гришина на торжественном заседании, посвящённом 65-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлёвском дворце съездов 5 ноября 1982 года." – Совпадает!

Следующее: "Обуздать гонку вооружений". Так, весьма конспективно изложено, но совпадает полностью! Дальше: "Сформировано правительство в Голландии. Премьер министром стал Люберрс." Тоже совпадает, хотя в оригинале "Правды" имя написано несколько иначе –

Любберс. Однако мелкие неточности сообщений из списка лишь убеждали Шебуршина в том, что всё это – не выдумка, не мираж, а действительно сообщения, привезённые из будущего в памяти Десятого! Генерал не догадывался, что Фёдоров долго думал не только над тем, какие сообщения газет выбрать, но и над тем, насколько точно их передавать – допустимы ли конспективность и ошибки. Так что, заголовки Десятый зазубрил точно, текст излагал – конспективно, а в нескольких местах допустил умышленные несущественные ошибки. Так было и с фамилией ставшего премьером голландского лидера партии христианских демократов Любберсом.

Уже после прочтения третьей или четвёртой "Правды" Шебуршин убедился в том, что Десятый говорил правду – он действительно попал сюда из будущего. Обдумывая состоявшуюся между ними беседу, генерал всякий раз приходил к выводу, что Десятый, безусловно, не был профессионалом. Значит, не мог он оказаться и подосланным к нему агентом противника. Но то, что вначале представлялось как результат недостаточной подготовленности гостя из будущего к беседе с ним, теперь представало в совершенно ином свете. Проверая версию Десятого (прибыл для того, чтобы предотвратить разрушение страны), генерал выискивал в словах, мимике, стиле речи, построении беседы, в затронутых Десятым темах то, что противоречило этой версии, что её подтверждало и какие элементы следовало использовать для того, чтобы завоевать первоначальное доверие высокопоставленного работника Конторы (так среди сотрудников именовался Комитет).

Леонид Иванович вначале обнаружил много слабостей в действиях Десятого с этой точки зрения, сделав допущение, что тот действительно каким-то образом смог вернуться в

прошлое: если уж он смог узнать названия и содержание сверхсекретных операций, то почему не использовал для установления доверительных отношений, например, деталей, что называется, бытового характера о жизни и деятельности Конторы, без сомнений гораздо более доступных? Почему, затронув весьма поверхностно и схематично будущее развитие страны, не попробовал завоевать интерес и закрепить его, например, ссылкой на те явно знакомые Десятому сведения о предательской деятельности работников КГБ? Что это – результат непрофессионализма и волнения, недостаточная подготовленность к беседе с ним, неумение правильно строить отношения с незнакомыми людьми?

Но постепенно генерал пришёл к выводу, что Десятый действовал продуманно и правильно, не "переживая" на интересе, явно умалчивая о деталях, которые позволили бы возникнуть первоначальному доверию, и очень поверхностно обрисовав свою цель и мотивы. Он умышленно дал возможность зародиться сомнениям и вопросам, которые теперь так занимали генерала, предоставив ему шанс *самому* всё проверить и оценить. Похоже, Десятый знал ту его особенность, что первоначальное доверие и интерес генерала к новым знакомым частенько с необратимостью переходили в свою противоположность. И напротив, если Леонид Иванович сам собирал информацию о ком-то и затем, действуя на этой основе, устанавливал контакт, то такая связь становилась прочной, а доверие – надёжным. Вот и сейчас, получив сведения о Десятом (под удобным предлогом и среди множества ненужных ему сведений о других людях из Воронежа), генерал испытывал интерес к своему недавнему собеседнику, желание с ним встретиться и обсудить целый ряд вопросов.

Вторым побуждением генерала, которое возникло после установления им фантастического совпадения текстов "Правды" с заметками Десятого о них, стало намерение проверить обстоятельства предстоящей смерти Брежнева.

К сожалению, генерал не располагал ни необходимыми людьми, которых можно было бы найти в окружении генсека, ни временем для внедрения своих людей. Но кое-какие сведения ему получить удалось. И они закономерно привели генерала к вопросу, а не была ли смерть генерального секретаря ЦК КПСС ускорена? Встал и другой вопрос: что знает и может пояснить по этому поводу Десятый?

Кроме того, ещё до смерти Брежнева, удалось найти благовидный предлог и поговорить с Шумом. Этот чрезвычайно проницательный и безусловно патриотически настроенный работник Конторы ведал вопросами экономической контрразведки. Шебуршину было важно и то, что говорил Шум и как он вёл себя в процессе беседы. По поведению своего собеседника Шебуршин понял, что от Шума не остался скрытым факт старательного легендирования начальником ПГУ мнимой случайности их встречи и содержания беседы, а также и невысказанная обоими, но явная тревога о возможных опасностях будущего развития событий в стране. Расстались они как единомышленники, хотя и не проявили этого ни словом, ни намёком.

Генерал сравнивал текст и фотографию в "Правде" в связи с кончиной Леонида Ильича с описанием этих материалов, которые сделал Десятый. "Правда" № 319 за понедельник, 15 ноября 1982 года: на первой полосе крупный заголовок – "Москва прощается с Л.И. Брежневым". Здесь же крупное, чёткое фото: слева от гроба первым стоит Устинов, вторым – Черненко, а четвёртым – глава Конторы Андропов; справа от гроба – вторым Горбачёв, а четвёртым Громыко. Всё это было точно описано Десятым, а процитированное им начало статьи совпадало буква в букву: "В глубоком трауре наше государство. Траур объявлен в ряде зарубежных стран. Советские люди, все прогрессивное человечество отдадут дань глубокого уважения Леониду Ильичу Брежневу – выдающемуся политическому и

государственному деятелю современности". Всё, что Десятый написал о содержании "Правды" на заветных двух листах, полностью соответствовало тому, что генерал читал сейчас в газетах, выглядело как подробный конспект. Генерал впервые представил себе Десятого за этим конспектированием: вот он сидит, скорее всего – в библиотеке, выбирает наиболее доказательные места, делает точные выписки...

Шебуршин принял решение встретиться с Десятым. Время, место и обстоятельства предстоящей встречи были им подготовлены с особой тщательностью. Слишком большое значение придавал генерал этой встрече, чтобы допустить малейшую оплошность или хотя бы самую ничтожную утечку информации. Любая утечка была опасной.

Готовя предстоящую встречу, генерал во второй раз в жизни серьёзно задумался о том, насколько всё же детерминированы все его действия в Конторе, несмотря на высокий руководящий пост, насколько он ограничен в средствах и возможностях. В первый раз ему эти мысли пришли в голову, когда, проверяя Десятого, он попытался было получить собственные сведения о событиях в окружении Брежнева в канун его смерти. Однако трудности никогда не охлаждали генерала, а обостряли его способности выбирать правильное направление деятельности и планировать её.

ГЛАВА 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернувшись в Воронеж, Фёдоров отправился домой – в ту комнату деревянного домика на Бакунинской улице, которую он снимал частным образом. Переданный ему Шебуршиным больничный лист давал возможность ещё два дня не ходить на работу. Это было весьма кстати, так как позволяло собраться с мыслями, продумать план дальнейших действий и своего поведения. Неприятное ощущение, что он здесь гость, исчезло, когда он сел в вагон. Теперь, наоборот, события пережитого им в начале XXI века представлялись воспоминаниями. Выйдя из поезда, Алексей Витальевич постарался сделать так, чтобы не оказаться случайно замеченным кем-либо из знакомых. А встреча была довольно вероятной: уж слишком близко от вокзала располагалась Центральная научно-исследовательская лаборатория, где он работал.

Чувство раздвоенности, едва возникнув, исчезло ещё в Москве. Не появилось оно и после возвращения в Воронеж. Фёдоров подумал, что это хороший знак: всё им делается верно. Шёл он быстрым шагом и вскоре оказался довольно далеко от опасного места, приближаясь к широкой Плехановской улице. Отсюда до дома было, как говорится, рукой подать. Потолкавшись какое-то время в букинистическом магазине и побывав в продуктовом, он взглянул на часы. Пора было позвонить на работу. В кошельке двухкопеечной монеты не оказалось, а привычки в беспорядке рассовывать деньги по карманам он не имел. Остановив первого приблизившегося к телефонной будке прохожего – это был коренастый, уса́тый капитан внутренних войск, Фёдоров обратился к нему:

– Извините! Не найдётся у вас двушки? Позвонить нужно срочно...

- Сейчас глянем, – отозвался капитан, останавливаясь. Порывшись в своём портмоне, выудил оттуда пару двухкопеечных монет и штуки три по одной копейке.
- Вот, забирайте, – сказал капитан, протягивая Фёдорову монеты на открытой ладони.

Алексей Витальевич взял одну монетку и поблагодарил прохожего за помощь.

- Берите всё! – приказал капитан. – А то ещё не сработает, проглотит монету!

Фёдоров взял, благодарно улыбнувшись, и протянул гривенник капитану. Тот обиделся:

- Да вы что?! Или я спекулянт какой! Или мы не советские люди?!
- Извините, пожалуйста, привычка... Спасибо!
- А-а! – протянул прохожий. – Бухгалтер, наверное...

Фёдоров кивнул в ответ, ещё раз улыбнулся и повернулся к аппарату. Как всё же быстро из обихода были вытеснены "реформами" вроде бы прочно укоренённое в людях чувство принадлежности к единому народу и готовность помочь без взвешивания возможных выгод или потерь! Набрав номер ЦНИЛа, Фёдоров попросил, чтобы пригласили Евгению Дмитриевну Михайлову – заведующую отделом, где он работал. Через какое-то время в телефонной трубке раздался её встревоженный голос:

- Куда это вы пропали, Алексей Витальевич? Я уже хотела послать Тамару к вам домой, да вспомнила, что это только прописка. Что случилось, заболели?
- Да, Евгения Дмитриевна. Здорово прихватило, а позвонить, сами знаете, неоткуда.
- А нас тут шерстят всюю! Сокращение штатов готовят... Ну, ладно, поправитесь – расскажу. Долго ещё проболаете? Раз звоните – значит скоро опять с головой

в работу, верно?

- Собственно, я бы и сегодня пришёл, раз уже из дома вышел, но больничный лист ещё дня на два будет, – ответил Алексей Витальевич, всё время стараясь по тону старшей научной сотрудницы Михайловой понять, видели его в городе или нет.

Похоже, что не видели. Искренняя и честная Евгения Дмитриевна не сумела бы скрыть такое обстоятельство и при этом вести себя столь естественно. К тому же, эта упомянутая ею идея посылки к нему на дом старшей лаборантки отдела Татариновой. Вскользь затронутое заведующей отделом сокращение вызвало в памяти Фёдорова целую серию воспоминаний. Тогда, в начале двадцать первого века, он этих деталей не помнил, а совместив своё тогдашнее сознание с собственным сознанием в прошлом, обрёл не только способность оптимально планировать действия на основе "предвидения" будущего, но и в мельчайших деталях мысленно воспроизводить то, что на *самом деле* имело место в прошлом, непосредственно следующим за *данным* моментом.

Теперь он не просто детальнейшим образом знал, как Михайлова – эта спокойная, рассудительная и осторожная сорокавосемилетняя женщина, будет его защищать от сокращения, борясь за него как тигрица. Он с отчётливостью и стыдом видел все свои глупые и ошибочные шаги, продиктованные обидой и ощущением несправедливости. Курировавший их отдел завкафедрой патологической физиологии института отличался диктаторскими наклонностями. Ко всем, кто занимал более низкое положение в иерархии должностей и званий, он обращался только "на ты", требовал беспрекословного повиновения: не исполнения каких-либо обязанностей или поручений, а именно личной покорности. Если сотрудник кафедры или закреплённый за ним соискатель осмеливался возразить против наложенного взыскания, то немедленно следовало новое, гораздо более

жёсткое. Как-то раз Фёдоров, не боявшийся в институте ничего и никого, переведя взгляд с ненормально тяжело-весной нижней челюсти прямо в глаза жестокого профессора, медленно, стараясь сохранить спокойствие, сказал ему:

- Знаете, Аполлон Николаевич, это не только несправедливо по отношению ко мне, но и невыгодно для института. А вы прямо как бульдозер – без заднего хода!
- Твоей темы нет в плане работы института... И не будет, пока не научишься себя вести! Так что можешь идти на хер! – услышал Фёдоров в ответ. Из всех букв русского алфавита самовластный профессор почему-то только букву „Х“ называл по старинке.

Проблему, которой в институте по согласованию с Москвой руководил Леонтьев, в принципе следовало оценить как бесперспективную, не имеющую большого будущего. Но она являлась *перспективной практически*, так как хорошо финансировалась и была утверждена в качестве научной проблемы на самых верхах. Повседневно общаясь с Аполлоном Николаевичем уже в течение нескольких лет, прочтя все его публикации, собрав все доступные сведения о биографии своего научного консультанта, Фёдоров знал, что тот, как говорится, пороха не выдумал. Да, у Леонтьева, четырнадцать лет назад приехавшего в Воронеж с Волги и получившего в тридцать девять лет кафедру, были авторские свидетельства, множество публикаций, огромное влияние в учёном совете и вообще в институте, связи в Москве, обширный запас специальных знаний и эрудиция. Однако не было главного, самого важного для учёного – способности к новаторству, то есть к тому, что связано с отходом от традиций, сомнением в авторитетах и в "общепризнанном".

Своих сотрудников и аспирантов он уже многие годы "обламывал" до полного подчинения и покорности. Благодаря авторитету, наработанному с помощью характера и связей, а не творческими взлётами и новыми идеями, защиты его

аспирантов и соискателей всегда проходили успешно. Но результатом такой политики, такой линии поведения и созданного им стиля работы кафедры стал застой. Да, верно, Леонтьевым была разработана так называемая "метаболическая концепция" действия на организмы сжатого кислорода. Но к чему она сводилась? В сущности, лишь к тому, что характер этого действия зависит от исходного состояния метаболизма (говоря по-русски – обмена веществ). И всё! Видимо профессор прекрасно всё это понимал и сознавал, что не ортодоксально мыслящие люди ему просто необходимы. Вероятно, потому он и согласился включить в состав своих соискателей нестандартно мыслящего Фёдорова, склонного к научному риску и не полагающегося на авторитеты, который был не только непокорным, но к тому же ещё и чрезвычайно работоспособным и плодовитым.

Помогла, конечно, и протекция Кости Резунова, только что защитившего при содействии Леонтьева докторскую и ставшего вскоре, в сорок лет, заведующим кафедрой фармакологии. Приступив к работе, Алексей Витальевич сумел так организовать своё рабочее время, прихватывая ежедневно вечерами ещё три – четыре часа, что уже через четыре месяца положил на стол Аполлона Николаевича статью в серьёзный центральный научный журнал. Вторым автором статьи стоял Костя Резунов, который хотя и не сделал для этой статьи ни одного эксперимента и не обрабатывал полученные материалы, но постоянно и заботливо оказывал консультативную и организаторскую помощь Фёдорову, пришедшему на теоретическую кафедру фармакологии прямо с клинической кафедры хирургии института усовершенствования врачей.

Фёдорову доводилось слышать рассказы о том, как некие руководители или начальство заставляли ставить себя впереди *настоящих* авторов, но такого с ним ни разу не происходило: не было такой ненормальной практики в их

институте! Соавторство же Константина Максимовича он считал совершенно заслуженным: без его содействия он бы не смог так быстро войти в курс дела и провести необходимые эксперименты. При этом у Фёдорова мелькала мысль, что Леонтьев был бы не прочь стать *первым* соавтором в любой чужой интересной работе, вот только традиции института ему в этом мешают.

Свою догадку о взглядах Аполлона Николаевича Фёдоров строил не только на основе знания характера и стиля действий Леонтьева, но и разглядев реакцию того на сам факт появления на его рабочем столе совершенно готовой статьи и актов экспертизы на неё. Тем не менее, статью он завизировал, и работа ушла в центральную научную печать. Ошибкой же Фёдорова было то, что он и в дальнейшем поступал так же, ни разу не взяв в соавторы неучастного к его работам Аполлошу (так звали деспотичного профессора за глаза). Лишь многие месяцы спустя, выяснилось, что статьи было принято приносить Аполлоше не в готовом, а в "сыром" виде – без авторов, подписей и, уж конечно, без актов экспертизы! Как черновик. Да, непонимание, вернее – неприятие, Фёдоровым стиля работы Леонтьева во многом ему навредило, приведя, в конечном итоге, к тому, что он попал под сокращение штатов.

Весной восемьдесят второго Фёдоров, ожидая приёма у Леонтьева прямо под дверью его кабинета, случайно услышал разговор, состоявшийся между ним и Михайловой. Разговор шёл о нём самом. Михайлова, как выяснилось, напросилась на приём именно с целью его защиты и в попытках побудить Леонтьева пропустить к защите давно уже готовую диссертацию своего научного сотрудника. А как пропустить к защите, если Леонтьев, как выяснилось, обманул и даже не включил *готовую работу* в институтский план *предстоящих* исследований?! Из той нечаянно подслушанной беседы Фёдоров узнал, что при всей откровенной грубости и склонности к не всегда цензурной

брани Леонтьев прекрасно знает ему цену, отдаёт должное новизне подходов и решений, предлагавшихся Фёдоровым, его преданности науке, объективности и работоспособности. Алексей Витальевич слышал, как Михайлова просила:

- Продвиньте, пожалуйста, его к защите, Аполлон Николаевич! Я вас прошу! Ведь всем же лучше будет – и он успокоится, и институту польза! Ведь Фёдоров – способный учёный!
- Я знаю, что делаю, Евгения Дмитриевна! Нет и нет! А он не просто "способный", а талантливый! Ты посмотри, *как* он пишет! Мне после него и слово вставить некуда! При этом он *легко* пишет! После его анализа зацепиться не за что, всё обсосёт! Так что можешь не рассказывать, без тебя всё вижу и знаю! Но ты понимаешь слово "нет"? Или, может, это тебя Фёдоров просил поговорить?
- Что вы, Аполлон Николаевич! Это я сама. Мучается же человек, а для института это...
- Что ты заладила "для института", "для института"! Тебе сказано – НЕТ! Всё! Пока! Пусть научится себя вести!

Фёдоров решил, что ему лучше исчезнуть. Удаляясь от кабинета по короткому, ярко освещённому солнцем коридору кафедры патологической физиологии, Фёдоров ещё слышал обрывки громких фраз своего жестокого "научного консультанта" – и о том, что он "лезет в чужие вопросы", "всё подвергает сомнению" и что "проявляет излишнюю инициативу". Да, вообще, лучше без предварительной договорённости здесь не появляться! Именно такой совершенно ненормальный порядок приёма сотрудников *по записи* был установлен Аполлошей! Алексей Витальевич понимал и то, что этот диктатор имел в виду, когда говорил "пусть научится себя вести". Речь здесь шла вовсе не о поведении в нормальном значении этого слова!

Сейчас он мог бы с лёгкостью переломить ситуацию и преодолеть сложившийся нездоровый и ненормальный стиль взаимоотношений со строптивым, склонным к

диктаторству Аполлоном Николаевичем. Вопрос был в том, следует это делать или не следует. Если, как он надеялся, Шебуршин пойдёт на сотрудничество, то вскоре окажется необходимым постоянное присутствие в Москве. Тогда изгнание его Аполлошей из института "по сокращению штатов" будет играть на руку делу. В противном случае нужно сделать всё, чтобы избежать тех горьких разочарований и невероятных трудностей, которые выпали на его долю *в своё время* в иной реальности. Был ещё один вариант – затяжной и крайне нежелательный. Если Леонид Иванович начнёт его разработку и проверку, то резкое, ничем внешне не мотивированное изменение стиля жизни и предельная рационализация алгоритма действий Фёдорова могут быть расценены начальником ПГУ в качестве косвенного подтверждения тех необычных сведений, которые Алексей Витальевич ему записал на двух листах бумаги. Выходило, что сокращения всё же следовало избежать.

Дома Алексей Витальевич поставил на стол свою древнюю "Мерседес" – купленную с рук за пятьдесят рублей пишущую машинку, сделанную ещё до войны. Вставил два чистых листа бумаги, переложив их копиркой, и задумался, вспоминая в деталях свою встречу с генералом. Возникло острое чувство неудовлетворённости собой, своими действиями: сейчас он бы многое сделал иначе, с большей пользой для своей цели. Теперь он обдумывал, как лучше, с учётом сделанных им в Москве ошибок, подать материал – "информацию к размышлению", и какую именно.

В качестве первой порции такой информации он решил дать сведения, почерпнутые у Кара-Мурзы. Кроме прочего, это давало надежду рассчитывать на то, что Сергея

Георгиевича подключат к делу предотвращения катастрофы. Конечно, его возьмут в разработку, станут проверять. Но Кара-Мурза – человек проверенный, к тому же "выездной", не имеет никакого отношения к так называемым диссидентам. Кроме того, уже в эти годы он был известен как системный аналитик, занимал совсем не такое уж малозаметное место. Помимо того, подставка под проверку этого уважаемого Фёдоровым самого сильного в будущем философа и политолога России давала ещё два шанса: могла ускорить созревание Сергея Георгиевича именно как крупного философа-патриота и способствовать подтверждению чистоты, искренности намерений самого Фёдорова.

Ведь предложи он в качестве своего первого опорного лица, к примеру, бывшего редактора журнала „Человек и закон“ русского патриота Сергея Семанова, уже бравшегося в разработку КГБ, отношение к гостю из будущего могло бы измениться в нежелательную сторону. Придя к такому решению, Алексей Витальевич принялся набивать текст. Сейчас он вновь чувствовал себя гостем из будущего. Поначалу он, привыкший за долгие годы к работе на лёгкой клавиатуре персональной ЭВМ, испытывал некоторые затруднения, но продолжалось это недолго. И хотя текстов своего излюбленного автора он, в отличие от выписок из "Правды", не заучивал, Кара-Мурзу помнил хорошо, многие места наизусть. Работа пошла споро. Для начала он воспроизвёл фрагмент о "перестройке" из книги "Предупреждение второе. Неполомки в Русском Доме".

Тексту почти дословной цитаты он предпослал такое предисловие:

"Доктор химических наук Сергей Георгиевич Кара-Мурза, 1939 года рождения, тесно общавшийся с 1985 года с Отделом науки ЦК КПСС, стал к концу 90-х годов крупнейшим философом России и наиболее объективным политологом-аналитиком..."

Написав это, Фёдоров будто услышал голос Кара-Мурзы:

— Что вы из меня классика делаете? Я всего лишь добросовестный учёный.

— Более чем добросовестный, — мысленно возразил Алексей Витальевич. — Вы стали пророком для целого поколения и обличителем для многих политиков. Не спорьте, надо обладать мужеством, чтобы развенчать затеянную Горбачёвым “перестройку”. Ведь это именно вы, а не кто-то другой сказали, что перестройка, эта так называемая “революция сверху”, была затеяна вопреки интересам и идеалам трудящихся масс.

— Я увидел, что в перестройке назревающий кризис легитимности власти, грозящий её перераспределением, разрешается действиями правящей верхушки через государственный аппарат и идеологическую машину.

— Не будем забывать, что перестройка была с энтузиазмом поддержана значительной частью общества. И, тем не менее, вы отнеслись к ней скептически. Как, впрочем, и я сам...

— Даже негативно. Общество как бы „переросло“ политическую структуру, созданную на первом этапе советского строя. Вынужденное на первом этапе создание закрытого правящего слоя...

— Номенклатуры.

— Совершенно верно. Создание такого слоя, — продолжил Сергей Георгиевич, — породило, как и предвидели Ленин и Сталин, рецидив сословных отношений. Однако произошёл срыв, и процессом овладела именно “номенклатура”. В критический момент, в девяностом — девяносто первом годах, верхушка пошла на национальное предательство.

— Как вы *первый* заметили, перестройка была частью холодной войны. Она изменила политическую структуру мира... Номенклатура же, которую Сталин называл проклятой кастой и которая при Хрущёве была сознательно выведена из-под контроля госбезопасности и постепенно, но

неуклонно совершенно утратила ответственность перед людьми, стала пятой колонной.

– Конечно. Именно так! А Соединённые Штаты играли в холодной, Третьей мировой, войне активную роль и рассматривают результаты „перестройки“ как поражение СССР в этой войне. По своим масштабам это явление всемирно-исторического значения.

Фёдоров напомнил своему мысленному собеседнику о том, какую реакцию в общественном сознании вызвала так называемая гласность:

– Можно ли со всей определённой утверждать, что вся эта кампания гласности привела к революции в сознании общества? – спросил он.

– Конечно! И эта “революция” стала первым этапом перестройки, предшествовавшим демонтажу государства. – А второй этап – это, надо полагать, “приватизация”?

Алексей Витальевич представил, что Кара-Мурза должен был нахмуриться при упоминании об этом катастрофическом кризисе, последовавшем за расчленением Советского Союза и сломом хозяйственной системы.

– Этот кризис, – гневно сказал он, – не был объективным результатом процессов, происходивших в экономических и политических структурах страны. Он был искусственно создан. Создан и осуществлён как антисоветский проект, направленный на слом буквально всех устоев и структур жизнеустройства, на разрушение всей советской, а точнее – русской – цивилизации. Кроме того, передача в процессе “приватизации” преступному миру большей части собственности...

– И власти...

– Да, и власти! ...породила аномальный уклад, принципиально несовместимый с жизнью общества, с выживанием страны.

– Так что своеобразным ответом народа на такую

реформу стали снижение рождаемости и рост смертности?

– Вот именно!

Пальцы Фёдорова бегали по клавишам машинки, строка за строкой ложились на бумагу, а голос чтимого им философа и политолога звучал в сознании чётко и размеренно, мысли формулировались логично и аргументированно.

– Чтобы оценить масштабы кризиса, – продолжал Сергей Георгиевич, – надо напомнить, что на реформу в России истрачены беспрецедентные в мировой истории средства: экономия от прекращения гонки вооружений; экономия от прекращения войны в Афганистане; экономия от прекращения финансирования всех крупных проектов (а это практически все капиталовложения в промышленность, АПК, транспорт и строительство, которые составляли до 1987 года огромные суммы); экономия от свёрнутых социальных программ; отнятые у населения сбережения (400 миллиардов долларов); экономия от резкого снижения уровня потребления 90 процентов населения. Были загублены не только эти средства, но и промотан весь золотой запас страны, а также сделаны долги на 150 миллиардов долларов.

– Разворовали? Только ли?! – перебил Фёдоров.

– Воровство, конечно, было великое. Но главная причина всё же – не воровство и не вывоз денег за рубеж, а паралич хозяйства...

– Но и паралич хозяйства во многом обусловлен прекращением капиталовложений („инвестиций“ – по нынешней терминологии), – опять мысленно перебил политолога Фёдоров, – а те неразрывно связаны с вывозом огромных сумм за рубежи страны!

– Конечно! Но нельзя забывать, что все большие технические системы, на которых стоит, *пока что ещё держится* жизнь страны (энергетика, транспорт, теплоснабжение и так далее), созданы в советское время. Все они устроены иначе, чем в западном хозяйстве, капиталистическом...

– „Рыночном“, по терминологии Горбачёва, Ельцина и Путина...

– Верно. За 15 лет выяснилось, что созданная хозяйственная система не может их содержать: при рыночных отношениях они оказываются слишком дорогими. Они разрушаются. В то же время рынок не может и построить новые рыночные системы такого же масштаба. Страна попала в историческую ловушку, в порочный круг, из которого в созданной реформаторами хозяйственной системе вырваться невозможно...

„Как довести глубокие мысли политолога и философа, его точную диагностику „реформ“ до адресата? – подумал Фёдоров, возвращаясь от мысленного диалога к действительности. – Как неназойливо, но однозначно показать, что на самом деле, по всем своим основным признакам, созданный в РФ уклад принципиально отличается от западного капитализма, что так это и было задумано. Это *разные* экономические, социальные и культурные явления. Запад поддерживает наших “капиталистов”, потому что они подрядились развалить СССР, обезоружить армию, уничтожить промышленность и науку, *бесплатно* допустить Запад к ресурсам России, уничтожить и конкурента, и образец для подражания. Организовать стабильное жизнеустройство ни по типу общины (советского типа), ни по типу гражданского общества (западного типа) этот режим не просто не может, а *не должен, не имеет права*“.

Алексей Витальевич печатал текст, порой утрачивая грань между своими мыслями и цитатами из Кара-Мурзы, настолько их позиции совпадали, настолько были ему созвучны книги философа, всплывавшие в памяти – острые, отлично аргументированные. В самом деле, страна живёт, *пока ещё живёт*, в **той** реальности – вопреки этому капитализму и параллельно с ним. Многие подсистемы советского строя уцелели и показали поразительную устойчивость. Их охраняют, зачастую неосознанно, инстинктивно, вопреки

рыночной риторике, и большинство работников государственного аппарата, и хозяйственные руководители, и само население. Там, где советские структуры выходят из тени, как в суверенной Белоруссии под руководством президента-патриота А. Г. Лукашенко, дело идёт лучше.

„Опыт начала XX и XXI веков показал, что при господстве в России уклада, основанного на конкуренции („капитализм“, - отметил Фёдоров), она не может выжить как независимое многонациональное государство, тем более в условиях „открытости мировому рынку“. Гибель целой цивилизации маловероятна. Следовательно, после более или менее длительного хаоса в России всё равно возобладают, *должны возродиться*, различные формы социалистического уклада, пусть даже с мимикрией под капитализм (хотя влиятельные силы постараются не допустить возрождения России как сильной независимой страны, тем более с социалистическим жизнеустройством).“

Записав эту мысль Кара-Мурзы, Алексей Витальевич вновь вступил с ним в кажущийся диалог:

– Сергей Георгиевич, давайте вернёмся к причинам катастрофы, – предложил он. – Вот ваш главный тезис: “Крушение советского строя было обусловлено состоянием сознания, которое генсек Андропов определил чётко: “Мы не знаем общества, в котором живём”. Надо бы этот тезис разъяснить детальнее.

– Да, таким было тогда общественное сознание. В 70 – 80-х годах это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую у части элиты до степени паранойи. Незнанием и нежеланием знать была вызвана и неспособность руководства быстро выявить назревающие в обществе противоречия и найти эффективные способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки

действий для изменения общественного строя, а значит, и к неспособности защитить свои кровные, *жизненно важные*, интересы.

- Хорошо бы разобрать этот *главный* тезис по частям.
- Попробуем. Кризис партийного руководства. Смена поколений. Смерть Сталина стала концом важного этапа. Уходило поколение руководителей партии, которое выросло в „гуще народной жизни“. Оно знало общество, в котором мы живём, не из учебников марксизма, а из личного опыта и опыта своих близких. Это знание в большой мере было неявным, неписанным, но оно было настолько близко и понятно людям этого и предыдущих поколений, что казалось очевидным и неустрашимым. Систематизировать и записать его *казалось* ненужным. В результате это знание *потом стало* труднодоступным...

Тут Фёдоров услышал шум шагов в прихожей, затем и в кухне. Он прервал работу и приоткрыл дверь:

- Здравствуйте, Мария Григорьевна! – постарался он сказать как можно приветливее. Алексей Витальевич прекрасно знал, что вскоре его неприветливой хозяйке он окончательно надоест: во-первых, пишущая машинка мешает, во-вторых, из-за того, что явно не оправдались некоторые надежды этой сорокалетней хромой и одинокой женщины, связанные с квартирантом. Так что весной 1983-го он вновь окажется в поисках крова.
- Здравствуйте, – неприветливо буркнула в ответ хозяйка.
- Я вот вам из Москвы кое-что привёз... Помнится, вы говорили... – продолжил Фёдоров, протягивая хозяйке свёрток с предметом, не имеющим для нашего рассказа никакого значения. Важно лишь то, что об этой бытовой вещи хозяйка прямо попросит его лишь в январе, хотя намёками, непонятыми в своё время Фёдоровым, уже несколько раз высказывала свою просьбу.
- Что это вы вспомнили, Алексей?! – уже с интересом взглянула на него хозяйка и, почти улыбнувшись,

продолжила: Сколько я вам должна?

- Ну, что вы, Мария Григорьевна! Это маленький подарок. Понимаете, в моей жизни может кое-что произойти, но это выяснится не раньше лета. Пока я вам не скажу, – сглазить боюсь. Так что, возьмите. Я и так вам уже со своей машинкой и вечной работой здесь в вашем доме надоел.
- Да ладно! – уже окончательно оттаивая, произнесла почти с симпатией хозяйка и улыбнулась: – Живите сколько хотите. А чего? Платите вы исправно... Ну, как там в Москве?

Фёдоров помрачнел, не зная, правильно ли поступит, если намекнёт хозяйке на "возможную" смерть Брежнева. С другой стороны, ему никак нельзя было в ближайшее время оказаться погружённым ещё и в заботы о поиске подходящего жилья. Помедлив несколько секунд и видя, что его молчание начинает отрицательно сказываться на установившемся было контакте с хозяйкой, он решил:

- Знаете, Мария Григорьевна, я вам кое-что скажу, если вы дадите честное слово молчать, а то мне может не поздоровиться. Да и диссертацию могут помешать защитить, не дадут довести до защиты.

Хозяйка глядела на него уже не просто с явным интересом, но и с симпатией. Это следовало закрепить. К тому же он знал, что хозяйка квартиры страшно одинока и не склонна к распространению сплетен и слухов. Понизив голос и оглянувшись на входную дверь, Фёдоров сказал:

- Говорят, Брежнев очень и очень болен. Знающие люди намекают, что вместо него будет Андропов. Но это не надолго, у него тоже здоровье не в порядке. А самое плохое я вижу не в этом, а в том, что американцы везде в Москве имеют своих агентов. На самом верху... и хотели бы... Ну, вы понимаете, чего они добиваются.

Сказав так, Фёдоров знал, на что рассчитывал: домовладелица, работавшая в одном из городских СМУ, страстно ненавидела так называемых диссидентов и уже причислила было к этой категории самого Алексея Витальевича, пытаясь подсознательно оправдать этим свою глухую неприязнь к квартиранту, вечно погруженному в работу, в свои мысли, и не старавшемуся наладить с ней личный контакт. Такими словами, высказанными с оговорками, с опаской и после взятия с неё честного слова, квартирант сразу противопоставил себя ненавистной кучке отщепенцев.

- Значит, к празднику хотят, сволочи! – по-своему истолковала хозяйка дома слова квартиранта и как будто без связи с услышанным и с некоторым недоверием спросила: – А вы на демонстрацию пойдёте?
- А как же! В этот раз непременно! Все дела по боку! – с жаром ответил Алексей Витальевич.
- Ну, ладно. Устала я после работы, – завершила Мария Григорьевна, проходя к себе в комнату.

Какое-то время Фёдоров сидел за машинкой, но напечатал лишь несколько строк. Работа не шла. Беседа с квартирной хозяйкой выбила его из запланированного ещё *в будущем* ритма. Всё выходило гораздо сложнее, чем он предполагал. Знание будущего помогало лишь частично. Все решения и вытекающие из них действия следовало тщательнейшим образом обдумывать, заново предвидеть новый результат, вызванный *другой*, не *тогдашней* линией его собственного поведения.

А то, что он не годится в разведчики и слишком часто ошибается в людях, Фёдорову и без того было известно превосходно. Да, пожалуй, при его образе жизни и особенностях личности иначе и быть не могло: полная сосредоточенность на научной работе, крайняя ограниченность контактов с людьми не могли не сказаться на его способности к общению с людьми, на „коммуникабельности“.

За окном, между тем, стало совсем темно: ведь уже почти семь вечера. Пора бы и поужинать. В *тогдашней* своей жизни он слишком мало заботился о здоровье, нажив ряд болезней, прежде всего язву двенадцатиперстной кишки. Вскоре он услышал деликатный стук в свою дверь, но не встал, как *в прежние времена*, не подошёл к двери, упреждая нежелательное появление хозяйки в сданной ему комнате, а громко и приветливо ответил:

- Да, да, Мария Григорьевна! Слышу! Заходите!
- Где вы купили такую прелесть?
- А-а! – протянул Фёдоров, догадавшись, что не вполне уместный эпитет относится к подарку, сделанному им хозяйке. – В ГУМе, Мария Григорьевна... Да это всё мелочи! – продолжил он без тени какой-либо натяжки. Его скромные доходы научного сотрудника, в отличие от "заработков" профессора двухтысячных годов, позволяли без труда покупать большинство предметов домашнего обихода и хозяйства, в том числе и эту противопригарную сковороду.
- Вы ужинали уже? – спросила Мария Григорьевна, явно не зная, как предложить своему молчаливому квартиранту совместный ужин – впервые за год жизни под одной крышей.

Фёдоров понял это лишь благодаря своему шестидесятилетнему сознанию, перенесённому сюда из будущего. Раньше он в такие вещи не вникал, полностью поглощённый своими научными делами и заботами, которые и в самом деле были гораздо выше среднестатистических. "Как же мало надо этой некрасивой, хромой, не вышедшей замуж бездетной женщине, ставшей совсем одинокой после похорон родителей полтора года назад", – подумал он с сочувствием, а вслух произнёс:

- Да, знаете, приехал, сел за работу... В общем, как-то не до того было!

- Пойдёмте, а то у меня всё равно борщ пропадает!
- Вот спасибо! – вполне искренне сказал Фёдоров и поднялся из-за стола, заваленного бумагами.

Фёдоров и его хозяйка, едва достававшая квартиранту лишь до подбородка, прошли в ту самую комнату, куда до сих пор его ни разу за год с лишним не то чтобы не приглашали, а даже наказывали не заходить. На столе, где поверх белой скатерти по такому случаю была уложена клеёнка, уже стояли две полные до краёв тарелки с борщом, и вправду аппетитно пахнущим. Оба, скрывая неловкость, молча поели. Фёдоров сердечно поблагодарил хозяйку и, дождавшись, пока та завершит ужин, молча взял грязные тарелки, чтобы их помыть. Он не знал, правильно ли поступает, не разбудит ли снова этот безобидный поступок матриониальных идей, скрываемых его квартирной хозяйкой.

- Что вы хотите делать? Я сама помою!
- Думаю, будет справедливо, если это сделаю я! – с мягкой настойчивостью произнёс Фёдоров и продолжил: – Заодно обдумаю, что и как мне писать дальше, а то работа что-то не идёт.

Вернувшись в свою комнату, он убрал пишущую машинку со стола назад, на тумбочку и собрал бумаги, спрятав их затем в потайное отделение чемодана, который стоял под диван-кроватью и всегда был заперт на ключ. Работать сегодня он всё равно больше не мог. До выхода на работу девятого в понедельник было ещё четыре дня. Так что, времени должно было хватить и на обдумывание плана поведения и действий в институте, и на подготовку печатных материалов для начальника ПГУ, и на подготовку к встрече с ним. Фёдоров полагал, что раньше чем 18 – 19 ноября Шебуршин никак не даст о себе знать. А вот когда даст, следовало быть готовым к двум вариантам развития событий: либо к вызову в Москву (что было самым

желательным для дела и представлялось наиболее вероятным), либо к тому, что Алексей Витальевич называл "реакцией КГБ на месте" (и что граничило с крушением его плана и связанных с ним надежд, хотя и представлялось – так хотелось в это верить! – наименее вероятным).

До седьмого он успел напечатать то, что условно обозначил как идеологический меморандум. Фёдоров прекрасно сознавал, что этот материал, попади он под "реакцию КГБ на месте", может причинить ему лично серьёзные неприятности и похоронить все надежды, связанные с перемещением его сознания в прошлое. Но появилось обстоятельство, вызвавшее новые тревоги и трудности: с каждым днём после исчезновения давешнего чувства раздвоенности и восстановления контактов его удвоенного сознания с прошлым стала утрачиваться острота пережитого им в начале XXI века. Алексей Витальевич начал опасаться, что весь его опыт, все приобретенные в *будущей* жизни знания о предстоящем крахе всего устройства жизни и о расчленении страны могут стать чем-то вроде нечёткого воспоминания, как о прочитанном в фантастическом романе, перестанут быть *реальной* частью его жизненного опыта, предстанут тем, что в психиатрии именуется французскими терминами *deja vu* (уже виденное) и *deja vecu* (уже пережитое). В таком случае он утратит даже малейший шанс повлиять на развитие событий!

Он, как и никто другой, не знал, обоснованны ли такие опасения и не является ли известное любому психиатру "ощущение уже виденного" (*дежа вю*) результатом *действительных* переживаний пациентов, то есть следствием каких-то совмещений или контактов между будущим и прошлым сознанием таких больных. Конечно, обо всём этом он не раз думал, готовя свой эксперимент. Но теперь сомнения вспыхнули с новой силой, требовали, чтобы он запечатлел на бумаге как можно больше точных сведений – с именами,

датами, точным описанием фактов будущего. И он делал это. Делал споры, старательно перечисляя организаторов, общественных деятелей, политиков, учёных, достигнутые ими полезные или вредные результаты, конкретные действия. Описывал он это, стараясь тщательно всё привязывать ко времени – к определённым датам, приводя проверенные сведения о прошлом упоминаемых им людей, тщательно рассортировывая всё по рубрикам: "перспективные направления науки и техники", "нежелательные и опасные направления в экономике", "общественные и политические деятели, ставшие в будущем разрушителями СССР", "невостребованные или неизвестные лица, перспективные и полезные для страны". Особенно трудно шла работа над списком *именитых* пособников врага.

Разделов было много. Наиболее сложным оказался тот из них, что касался идеологии. Как следовало объяснять, в какой форме излагать, что классический марксизм в качестве составной части официальной идеологии не имеет отношения к реальной практике построения, развития, нынешнего состояния СССР и к сложившемуся в нём общественному строю?! Как показать, что официальная политэкономия на самом деле неприемлема, неприложима к экономике социализма, так как разработана *не для общества*, построенного, организованного по принципу семьи (традиционного общества, каких большинство на Земле, где производство служит *средством* обеспечения жизни), а для общества, хозяйственная жизнь в котором подчинена цели извлечения прибыли, то есть организована на принципах хрематистики ("рыночные" общества, сложившиеся лишь в странах Западной Европы и США и существующие только благодаря ограблению ими всего остального, "третьего", мира, присвоения его ресурсов и результатов труда миллиардов людей)?!

Ссылаться на древних греков, понимавших это, на Аристотеля введшего в обиход сами эти понятия – экономия

242

(ведение дома, материальное обеспечение дома или города) и хрематистика (рыночная экономика, где целью является не жизнеобеспечение, а лишь прибыль)? Ссылаться на Сталина, прекрасно сознававшего всё это? Использовать авторитет Фернана Броделя, доказавшего, что "Капитализм есть результат неравенства в мире. Для своего развития он нуждается в международном разделении труда. Он вообще не мог бы существовать без услужливой помощи чужого труда"?

Показать неразрывную связь вульгаризованного марксизма с расистской идеологией евроцентризма и социалдарвинизма, одним из следствий которого является мальтузианство?! Попытаться показать, что пролетариат – в действительности самый нереволуционный класс и что все социалистические революции были на самом деле крестьянскими? Упомянуть А. В. Чаянова с его работами о крестьянском хозяйстве?

В таком случае участием Фёдорова почти с неизбежностью стали бы обвинения в ревизионизме, а то и антисоветской деятельности! Слишком далеко зашло дело! С одной стороны, вся идеологическая работа в стране была захвачена и велась фактическими врагами и народа, и советской власти, и социализма.

С другой стороны, поколение тех, кто был носителем коренных русских качеств солидарности и нестяжательства, кто безо всяких преувеличений грудью и кровью защищал страну и народ, уходило из жизни. А на смену ему пришло поколение тех, кто никогда не знал, не пережил, не прочувствовал на собственной шкуре ни голода, ни безработицы, ни войны. Тех, кто воспринимал как *естественные*, природные социальные блага, созданные тяжким трудом, самоограничением и лишениями прежних поколений. К тому же, чрезвычайно быстрая урбанизация в течение немногих лет коренным образом изменила исконно общинный, крестьянский, сельский образ жизни народов страны, на

индивидуализированное, разобщающее устройство жизни горожан... А ко всему этому – хорошо спланированная и тщательно продуманная идеологическая работа внешних врагов – всех этих последователей братьев Даллесов и Черчиллей, использовавших *наоборот* замалчиваемые идеи итальянского коммуниста Антонио Грамши!

Происходившая смена ценностных ориентиров людей и вызванный этим быстрый рост потребительских тенденций был связан и со сменой поколений, и с изменением образа жизни, и с успешностью работы внешних врагов, но главное – с отсутствием должного и совершенно необходимого духовного, идеологического противостояния. Такое противостояние, помимо всего прочего, обязано было включать в себя также *иные*, не потребительские, а истинно человеческие, духовные и творческие ориентиры развития. Напротив, разработке подобных ориентиров сколько-нибудь должного внимания не уделялось. Хуже того, продолжал поддерживаться изначально порочный, запущенный в оборот Хрущём лозунг „догнать и перегнать“. В чем догонять? Да в потреблении же, – пусть это явно, в прямой форме и не произносилось. Кроме того, искусственно создавалась противоречащая действительности массовая иллюзия об отсутствии каких-либо опасностей. А весьма поверхностные и формальные официальные сообщения о ведущейся против нас холодной войне воспринимались людьми как заклинания идеологов, чья неискренность и фальшивость давно уже были интуитивно распознаны и поняты практически всеми нашими людьми. Где новые духовные ориентиры, где большие проекты, которые могли бы способствовать сохранению страны и народа? Их *уже более* не было!

Хуже того, работа "Пятки" (идеологического Пятого управления КГБ), говоря *объективно*, способствовала распространению среди интеллигенции убеждения в мнимой правоте диссидентов, давала им рекламу, создавая ореол

преследуемых мучеников. А почему было бы не издать – с соответствующими и обязательно толковыми и интересными комментариями – бредовые и антигосударственные идеи А.Д. Сахарова?!

Почему не противопоставить злонамеренной клевете Солженицына, бывшего в лагере стукачом и поведавшего всему миру о шестидесяти миллионах людей, якобы загубленных советской властью, *действительные* числа, почти в сто раз меньшие. Да ещё и сопоставить их с ростом численности населения СССР. Почему было не издать роман Лиона Фейхтвангера "1937"?! С какой целью замалчивалась государственная измена Тухачевского (тайная служба Германии и подготовка к перевороту с убийством высших руководителей страны)?! Эх! Да что там говорить!

Даже такая вещь, как закупка иностранных кинофильмов объективно работала и против людей, и против общественного строя, и против целостности страны! Ведь покупались всегда *лучшие* фильмы. Более того, ещё и облагораживались! Не только тем, что вырезались похабные или глупые сцены, а временами фильмы даже и перемонтировались. Речь шла о том, что русский текст, как правило, был лучше и глубже. И даже голос дублирующих артистов был классом выше!

Взять хотя бы ставший культовым фильм „Фантомас“: разве может сравниться высоковатый голос прекрасного актёра Жана Марэ с глубоким, сочным басом Владимира Дружникова, тщательно отработавшего каждую фразу! А в результате, в массовом сознании бытовало не соответствующее действительности мнение, будто *всё* западное кино лучше отечественного. Почему было бы не показывать (скажем, хотя бы, в пропорции 1/4) ту чушь, которая и составляет основную продукцию западной кинопродукции? Почему в титрах всегда опускали текст,

касающийся западной цензуры и номеров соответствующих разрешений, полученных, например, известными комедиями Пьера Ришара?!

Ответы на все эти вопросы, конечно же, были Фёдорову известны. Но как упомянуть обо всём этом, не повредив делу и не поставив себя под удар Пятого управления...

Как бы то ни было, а ко вторнику 9 ноября Алексей Витальевич закончил основную часть работы по всем намеченным разделам и отпечатал на машинке более девяноста листов через полуторный интервал. Идеологическую часть он спрятал в специально изготовленный тайник под половицей, куда убрал и вторые экземпляры текстов по остальным разделам своего информационного сообщения. Работа над меморандумом помогла Фёдорову восстановить пошатнувшуюся было уверенность в правильности затеянного им вмешательства в прошлое, в надёжности своей памяти и в том, что сам он, что ни говори, – гость из будущего.

Утром во вторник 9 ноября Фёдоров пришёл на работу раньше всех. Ему было необходимо преодолеть снова появившееся чувство раздвоенности и по привычке к своей прежней рабочей обстановке. Взяв на вахте в главном корпусе института ключ и расписавшись за него в журнале, Алексей Витальевич прошёл сотню метров, отделявшую этот корпус от несколько обветшалого, со старинными полукруглыми окнами двухэтажного здания ЦНИЛ – Центральной научно-исследовательской лаборатории. Открыв входную дверь, он повесил ключ в специальный шкафчик, расположенный на стене и повернул направо, в "Отдел патологической физиологии с экспериментальной хирургией".

Включив люминесцентные лампы, ярко осветившие длинный коридор отдела, он прошёл по нему в самый конец и открыл дверь своего кабинета. Чувство раздвоенности сознания стало почти непереносимым. Фёдоров попытался проанализировать, с чем это может быть связано, но ни одной правдоподобной идеи в голову не приходило, пока он не взялся за штору, почти наполовину закрывающую окно. И тут ему вспомнилось загадочное событие, случившееся с ним *в той реальности* именно в этот день – за сутки до смерти Брежнева. Событие было странным, необъяснимым и не имело *тогда* никаких последствий. *В прежней жизни* в тот день, после обеда в институтской столовой, он уселся за свой рабочий стол, чтобы сделать в журнале запись об операциях на мышцах, выполненных им с Михайловой для одного из докторантов института. Шариковая ручка отказала. Видимо закончилась паста в стержне. И тогда он развинтил ручку, чтобы заменить пишущий стержень, а пружинка внезапно выстрелила и упала на пол. Фёдоров инстинктивно нагнулся, почти поймав пружинку на лету. Как раз в этот момент послышался какой-то странный звук со стороны окна, будто кто-то кинул в стекло камешком.

Собрав авторучку, Фёдоров взглянул в окно и заметил на стекле нечто странное. Подойдя ближе, он увидел, что оба стекла – и в наружной и во внутренней раме – повреждены: в обоих стёклах имелось по маленькой круглой дырочке диаметром около шести миллиметров с короткими лучами радиальных трещинок. Всё это походило на пулевое отверстие. Взглянув в дырочку внутреннего стекла так, чтобы в центре взгляда оказалось отверстие в наружном стекле, Алексей Витальевич сообразил, что стреляли, если это был выстрел, скорее всего, с дерева, стоявшего между домами на противоположной стороне неширокой пешеходной Студенческой улицы, точнее – во дворе между домами другой стороны. Однако ни на дереве, ни между домов Фёдорову в тот раз не удалось никого разглядеть. Проведя

мысленно прямую от обеих дырочек в центр комнаты, Фёдоров похолодел: получалось, что не нагнись он давеча за пружинкой авторучки, иметь бы ему дырку в голове. Если, конечно, это и впрямь была пуля!

На расстоянии примерно одного метра от торца его стола, расположенного так, чтобы свет падал из окна слева, в кабинете стоял книжный шкаф, отделявший рабочее место Алексея Витальевича и от двери, и от умывальника, находившегося на той же стене, к которой торцом и примыкал этот шкаф. С другой стороны от входной двери стоял лабораторный стол с аппаратами и инструментами. Так вот, подойдя к шкафу, Фёдоров быстро нашёл небольшое отверстие в дверце, как раз возле стекла. Однако дырочка не была сквозной. Старинная дубовая дверца с внутренней стороны оказалась целой. Вставив в слепое отверстие спичку, Алексей Витальевич смекнул, что пуле не хватило пяти – шести миллиметров, чтобы пробить дверцу насквозь.

В тот раз это событие никаких продолжений или последствий не имело, хотя Фёдоров немедленно рассказал о событии и заведующей отделом Михайловой, и заведующему ЦНИЛ профессору Эдуарду Генриховичу Коровину, и в милиции (а, может быть, именно поэтому!). Но *теперь* в голову пришла странная, почти бредовая мысль: а не было ли всё это покушением? Причём, не просто покушением, а именно в связи с той ролью, которую он взял на себя *сейчас*?! Тогда выходило, что покушение *в тот раз* было организовано из будущего... Едва Фёдоров об этом подумал, как неприятное чувство раздвоенности сознания исчезло.

Алексей Витальевич уже давно уяснил, что если он совершает правильные, соответствующие его миссии действия или даже ещё только намеревается их совершить, то раздвоенность исчезает. А на грани бифуркации, когда от его выбора нечто зависит, неприятное ощущение

двойственности собственного сознания возобновляется или усиливается. Выходит, что это распространяется не только на его действия, но и на мысли. Впрочем, ничего удивительного в том не было, ведь именно его сознание, его мысли, перенесённые сюда, в этот бифуркационный 1982-й год, и имели существенное значение. Не только для него самого!

Удивительным было другое: получалось, что и в самом деле имело место покушение. Причём, именно в связи с миссией, взятой им на себя! „Бред! Не может такого быть!“ – подумал Фёдоров. И тут же раздвоенность сознания овладела им с новой силой. Как живые встали перед его мысленным взором картины оккупации, бесчинств НАТОвцев, гибель собственной семьи, обстоятельства, связанные с его опытом... Неужели все эти бредовые предположения соответствуют действительности, неужели всё это – правда?!

Но, в таком случае, тому есть лишь два объяснения: либо кто-то сумел повторить разработанный им опыт (неважно как – воспользовавшись его аппаратурой или разработав нечто подобное самостоятельно), либо некто сумел из восьмидесятых годов заглянуть в будущее, *его* будущее. Заглянуть и предвидеть роль, которую он взялся сыграть в истории! „Скорее, верно первое“, – решил Фёдоров. Тогда вероятнее всего, что воспользовались его аппаратурой. „Но, в таком случае, вся моя авантюра вообще висит на волоске! – размышлял Фёдоров. – Если обнаружен тайник, если разобрались в моей аппаратуре...“ Не беда, что аккумуляторов могло хватить максимум ещё на одну попытку. Их нетрудно и заменить, если располагать средствами.

Неважно и то, что он не вёл записей, точнее – ещё перед экспериментом уничтожил всё, что могло навести на догадку. Самое трудное, но и самое обнадёживающее заключалось в том, что для такого преследования во времени

требовался доброволец, обладающий вполне определёнными, жёстко заданными свойствами личности, к тому же, готовый отказаться от уже состоявшейся собственной жизни ради неопределённого будущего. Наёмник на такое не пойдёт, за деньги на такое не решишься! Да и где оно, обещанное вознаграждение, будет ли? В случае неудачи – точно не будет! А идейных сторонников разрушений народа и страны, американских и НАТОвских агрессий и "глобализации" можно найти лишь среди действительных или пока ещё не состоявшихся пациентов психиатрических больниц. Но таковые не выдержат удвоения сознания!"

Чувство раздвоенности усилилось. "Ага! – понял Фёдоров. – Выходит, что попытка нейтрализации его из будущего всё же состоялась! Но, в таком случае, лишь одна!" Раздвоенность ослабла. Алексей Витальевич снова чувствовал себя только гостем из будущего. Он превосходно понимал, что для полного успеха пребывания в своём прошлом (но с детальным знанием будущего) ему необходимо найти такое решение, которое было бы правильным, выработать верную линию поведения. Недавние опасения, что он утратит знания о будущем, рассеялись. Он теперь полностью владел критерием правильности своих действий: исчезновение чувства раздвоенности сознания с полным воплощением в своё прошлое свидетельствовало о правильности действий или умозаключений, а возобновление раздвоенности говорило об ошибке. "Гостем из будущего" он ощущал себя во время малой бифуркации.

Фёдоров напряжённо вспоминал, что же было при *тогдашнем* происшествии с пробитыми стёклами. Милиционер посмотрел на дырочки в стёклах, в шкафу, сказал, что нет смысла портить дверцу выпиливанием куска. Потом был задержан какой-то парень лет двадцати с духовой винтовкой. Кажется, он закончил свои дни в психиатрической

больнице – в "десятке", как её звали жители города. Да, всё случилось именно так! Хотя Алексей Витальевич не был вполне уверен. В памяти всё было смазано, стёрто не столько временем, сколько событиями: смертью Брежнева, приходом Андропова, сокращением штатов... Так как же всё-таки вести себя *сегодня*? Где гарантия того, что он вовремя отклонится от пули? Но, в таком случае, – крах всему! Не лучше ли сделать упреждающее заявление в милиции? Но кто сегодня, перед днём милиции, прореагирует? И всё же Фёдоров остановился именно на этом варианте, в деталях продумав и линию своего поведения, и свой будущий рассказ (показания), и описание внешности покушавшегося.

Последнее было самым трудным: не хватало деталей. Фёдоров проклинал себя за то, что в своё время слишком был погружён в работу, мало придавал значения как внешним событиям, так и посторонним людям. Всё же, необходимые, достаточные для опознания приметы тогдашнего пациента "десятки" вспомнились! Закончив составление заявления в милицию, подписавшись полностью не только фамилией, но учёной степенью и должностью, Фёдоров вновь ощутил себя самым собой – прежним, но со способностью предвидения будущего. Чувствовалась некоторая раздвоенность сознания, но Алексей Витальевич догадывался, что и это ощущение исчезнет, едва в милиции прореагируют на его заявление, примут меры к задержанию "человека с ружьём".

-
- Ну! Как вы осунулись, Алексей Витальевич! Даже, я бы сказала, постарели! – произнесла Михайлова, едва ответив на приветствие Фёдорова. – Что, совсем худо было?
 - Да, есть маленько, – ответил Фёдоров и тут же, достав свёрнутый вдвое больничный лист (чтобы не было видно,

что он полностью оформлен и закрыт), попросил разрешения отлучиться: больничный лист закрыть надо.

- Ну, конечно! О чём разговор! Хотя, по правде говоря, нам вас с вашей работоспособностью очень и очень эти дни не хватало... Когда, сейчас идёте?
- Раньше сядешь – раньше выйдешь! – попытался шуткой ответить Фёдоров и, кивнув, вышел из отдела.

В милиции, вопреки опасениям, к его заявлению отнеслись серьёзно. Дежурный, приняв заявление и без всяких проволочек расписавшись во втором экземпляре, сразу же позвонил кому-то. Из услышанного разговора Фёдоров понял, что кто-то уже сообщал о странно ведущем себя человеке, похоже – вооружённом. Вышедший к Фёдорову человек в штатской одежде показал ему красную книжечку, представился старшим оперативным уполномоченным милиции. Он внимательно прочитал и перечитал заявление Фёдорова, выслушал его рассказ, из которого следовало, будто тот видел странного человека с винтовкой ещё до своей болезни. Фёдоров не знал, правильно ли он делает, приводя в подтверждение своих слов будто бы слышанный им рассказ юной препараторши Ходжаян, отпущенной перед праздниками на неделю к родителям, в Армению. Главным было, чтобы этого человека задержали. А с Лилией Макичевой, семнадцатилетней девчушкой, провалившейся на вступительных экзаменах в институт, Фёдоров надеялся как-нибудь разобраться.

Еще в тот же день Фёдорова пригласили к телефону, общему для всех отделов ЦНИЛ и стоявшему невдалеке от входа.

- Тут милиция тобой интересуется, – позвал Фёдорова к телефону Эмиль Хольцке, инженер, обслуживающий электронный микроскоп морфологического отдела и обладающий разносторонними знаниями, а временами ещё и пописывающий весьма недурные стихи, которые

выдавали великолепное знание редких слов русского языка.

- Заберут тебя, наверное, Лёха, – со своим неповторимым юмором продолжил Эмиль Александрович, с которым Фёдоров поддерживал самые тёплые товарищеские, почти дружеские отношения, не выходившие, впрочем, за стены здания ЦНИЛ.
- Передачку-то принесёшь? – спросил нарочито уныло и мрачно Алексей Витальевич.
- Ох, уж не знаю, Лёха! Ещё и самого посодют! Боюсь я их – ведь столько перерезал...

Выяснилось, что Фёдорова приглашают на опознание. Подивившись и обрадовавшись оперативности милиции, Алексей Витальевич с облегчением ощутил, что чувство раздвоенности полностью исчезло, а все его знания о будущем, почерпнутые из собственной жизни, представляются как бы вычитанными в фантастическом романе. Опасность миновала! Пока... Но дырок в стёклах не было! И это стало первым материально ощутимым следствием вмешательства Фёдорова в прошлое.

Вопреки опасениям, Фёдоров прекрасно освоился в обстоятельствах и во времени, не вызвав ни у кого никаких подозрений. Впрочем, многие отмечали происшедшие в нём перемены, но связывали их лишь с перенесённой болезнью. Так что, больничный лист от генерала Шебуршина оказался очень кстати. Фёдоров старался ничем не выдать своего знания будущего. Вплоть до двенадцатого ноября, когда газета "Правда" (№ 316) официально сообщила о смерти Брежнева, посвятив этому событию всю первую полосу.

Как-то само собой получилось так, что уже с десятого числа, когда ещё до официальных сообщений поползли слухи о кончине руководителя государства, в ЦНИЛе фактически

никто не работал. То есть, сотрудники приходили на работу, что-то делали, но не было *настоящей* работы, – с обычной вдумчивостью, погружением в эксперимент, в размышления над результатами, в планирование будущих действий. Да, и занятия со студентами в институте проходили тоже скомкано, формально, без самоотдачи и без души.

Люди собирались в группки и шушукались, тотчас прекращая обсуждения при появлении посторонних. У всех без исключения было тревожно на душе. Да, над Брежневым посмеивались за нечленораздельную речь, подшучивали над тщеславным желанием считаться писателем, рассказывали анекдоты. Но всё это делалось не только без злобы, но с сочувствием и, пожалуй, с сожалением, что этот пожилой и, по рассказам, очень добрый и отзывчивый человек, всё больше впадает в детство и фактически уже не может выполнять тяжелейшую работу, связанную с руководством сверхдержавой.

Многие, по крайней мере среди сотрудников института, понимали, что эта немощь означает и другое: значит за спиной слабеего, серьёзно больного руководителя стоят какие-то теневые силы, которые фактически и руководят всем в стране. И силы эти, скорее всего, недобрые, потому что добрым, здоровым силам незачем было бы прятаться, держаться в тени, не высывая наружу своего довольно специфического носа.

Будь эти силы здоровыми и добрыми – ничто бы им не помешало поступить, к примеру, так же, как с первым разрушителем советской державы, бородавчатым хамом и невеждой, отцом двух сыновей–предателей Хрущёвым. Напряжение в умах сотрудников ЦНИЛ и института (да, наверное, и всего народа) нарастало. Наконец, двенадцатого в их отдел заглянул сам Коровин, передав Михайловой "Правду" и безуспешно пытаясь при этом скрыть злорадную

улыбку. Никто кроме Фёдорова значения этой улыбки тогда не понял, а Михайлова, тоже превратно понявшая злорадство заведующего ЦНИЛ, не скрывая своей неприязни, молвила, едва тот ушёл:

- Да, национальность-то из нашего Эдуарда Генриховича так и прёт, так и прёт! Ну, – перебила она сама себя, – как по-вашему, Алексей Витальевич, кто у нас теперь вместо покойного Ильича будет?

В кабинете Евгении Дмитриевны собрались научные сотрудники отдела и старшая лаборантка. Все пристально глядели на Фёдорова, ожидая его ответа. Тот, обвёл всех внимательным взглядом, отметив напряжённое внимание присутствующих и удивляясь этому:

- Андропов будет... А национальность... Что ж, вы правильно выразились, так и прёт... из нашего заведующего. Что поделаешь?..

Присутствующие, не сговариваясь, на секунду потупили взгляд и помрачнели, однозначно и правильно поняв реплику Фёдорова. Только в глазах младшего научного сотрудника б.у.с. ("без учёной степени") Бориса Наумовича Шаинского Фёдоров заметил мелькнувшую злость, сменившуюся злорадством, совсем таким же, как у Коровина. Бросив взгляд в сторону Михайловой, Фёдоров понял, что они с заведующей отделом одинаково поняли и эту злость "бусика", и то, что Фёдоров это заметил, и то, что они понимают друг друга без слов, и что едины в своих убеждениях.

- А с чего вы так решили? – спросил "бусик" Шаинский (он сам просил, чтобы его называли таким ласковым прозвищем – "бусик").
- Всё очень просто! Посмотрите на состав похоронной комиссии: кто председатель? – Андропов. А кто следующий? – Горбачёв. И алфавит тут не причём,

потому что после Капитонова в списке следует Зимянин, а за ним – Александров. Впрочем, если не верите этим соображениям, то подождите день – другой, не больше!

- Андропов – это хорошо! – произнёс с удовлетворением Шаинский.
- Интересно, а за что же вы так любите КГБ? – не удержался от вопроса Фёдоров.
- Причём тут КГБ? – протянул "бусик" и, внезапно сбиваясь на сварливый и агрессивный тон, продолжил: – А что, лучше был бы Романов, что ли, с фарфором из Зимнего?!

Фёдорова так и подмывало ответить "бусику", кто и для чего распространил эти грязные небылицы о ленинградском партийном деятеле, молодом, энергичном и толковом руководителе, вовсе не склонном к роскоши, зато бесспорном русском патриоте. Михайлова заметила искру негодования во взгляде Алексея Витальевича и решила, что тот, по своему обыкновению, опять не сдержится и начнёт резать правду-матку в глаза мстительному, склонному бить из-за угла Шаинскому, которого в отделе недолюбливали и за лень, и за самомнение (при явной неспособности к научной работе), и за покровителей, связь с которыми он зачем-то выставлял напоказ:

- Что вы глупости чьи-то повторяете, Борис Наумович, сплетни какие-то?! – возмутилась она. – Чем это вам секретарь Ленинградского обкома так не угодил?
- Действительно, сплетни! – поддержала заведующую Тамара Ивановна Татаринова, биологиня, старшая лаборантка отдела.

После этого стихийное неформальное собрание в кабинете Михайловой затихло как бы само собой. Доверительная обстановка рассеялась как весенний туман. Первым, как обычно, ощутил это сын покойного профессора Туманского старший научный сотрудник Юрий Максимович.

Ощутил и отреагировал:

- Ну, ладно, работать надо. А то скоро к нам Юра Любый заявится!

Юрий Николаевич Любый был ассистентом кафедры психиатрии, работал над докторской диссертацией, а Туманский помогал ему организовать для этого надлежащую экспериментальную базу. Фёдорову очень хотелось поговорить с Юрой о новом пациенте – том самом, который был отправлен на психиатрическую экспертизу в связи со странностями поведения. Экспертизу провели на другой день после задержания его с пневматической винтовкой сотрудниками милиции. Повод для беседы с психиатром имелся самый подходящий: сегодня звонили из милиции, интересовались паспортными данными Фёдорова, чтобы правильно отразить их в почётной грамоте – в благодарности за помощь при задержании общественно опасного вооружённого преступника. Но, пропустив при выходе из кабинета всех впереди себя, Фёдоров услышал просьбу заведующей:

- А вас, Алексей Витальевич, я просила бы задержаться!
- А вы, Штирлиц, оставайтесь... ещё на одну минуту! – сказал голосом Броневого с.н.с. Юра Туманский, уже взявшийся за ручку двери кабинета, но остановившийся в дверях, чтобы, подмигнув, бросить с улыбкой эту реплику.
- Слушаю вас, группенфюрер! – вытянулся Фёдоров. В их отделе сотрудники любили пошутить. Это, случалось, здорово помогало при неладах и неудачах в работе.

То, что сказала Михайлова, Фёдорова удивить не могло. Но поскольку в прежней жизни это его бы, вне всяких сомнений, сильно огорчило, он постарался придать лицу серьёзное и невесёлое выражение, глядя в сторону и несколько вниз. Речь шла о предстоящем сокращении

штатов, о том, что Аполлоша предложил именно его кандидатуру и что она, Михайлова, сегодня записалась на приём к профессору Леонтьеву. Фёдоров взглянул своей пронизательной начальнице в глаза.

- А не могли бы вы, Евгения Дмитриевна, показать Леонтьеву мою новую статью? Я сейчас принесу, если позволите, – предложил он, увидев, что лицо Михайловой помрачнело. Ясное дело: она подумала, что Фёдоров *опять* передаст *готовую* статью, ещё и с актом экспертизы.

Не дожидаясь ответа, он поднялся с кресла, вышел из кабинета за статьёй. Через минуту протянул Михайловой картонную папку с тесёмками, в которой находилась статья. Но статья была подготовлена им в том самом виде, как любил Аполлоша – без названия, без авторов, без подписей и без актов экспертизы. Евгения Дмитриевна быстро развязала тесёмки, проглядела первую страницу, перебрала все листы и подняла посветлевший взгляд на Фёдорова:

- Ну, наконец-то, догадались, Алексей Витальевич! Да, думаю, *это* надо профессору показать! Ну, идите, работайте!

Алексей Витальевич долго раздумывал, как ему обратиться к Юрию Николаевичу с вопросами об их новом пациенте – том самом, которого милиция задержала с оружием напротив здания ЦНИЛ. Однако ничего подходящего в голову не приходило. Более того, Фёдоров так и не смог решить, а стоит ли *вообще* обращаться к психиатру с вопросами на эту тему. Думая обо всём этом, Алексей Витальевич контролировал себя, но нет, раздвоенности сознания не возникало. Было непонятно, что это означает. Не свидетельствует ли о том, что любой вариант пригоден?

Однако, когда в ЦНИЛ пришел Любый, всё решилось само собой. Любый был приветлив и оживлён, как никогда.

Поздоровавшись со всеми, он сразу же подошёл к Фёдорову и произнёс:

- Ну, Алексей Витальевич, спасибо тебе – удружил! Крестник-то твой – на редкость интересный больной!
- Какой ещё крестник? – сделал Фёдоров непонимающий вид.
- Ну, как же! Тот самый псих с ружьём, которого ты сосватал в милицию, а милиция сдала нам!
- Ну, и что же ты нашёл в нём такого интересного? – вяло, как бы по необходимости поддерживая разговор, спросил Фёдоров. – Он и вправду больной?
- Факт! Шизофреник. Параноик с манией преследования. Но как интересно бредит – прямо роман!
- Ну, так запиши!
- Что ты! Это же чистая антисоветчина! Коммунистов ненавидит, Америку прославляет, говорит: хорошо и правильно, что они войска к нам ввели. Но больше всех тебя ненавидит. Ну, это-то как раз естественно...
- То есть как это "естественно"? – спросил Фёдоров с негодованием в голосе.
- Так ведь из-за тебя же его милиция взяла! Ты же его на опознании признал! А без тебя, глядишь, постреливал бы себе потихоньку, убивал...
- Ну, и что же ещё интересного? – задал вопрос Алексей Витальевич, будто только сейчас заинтересовавшись темой, предложенной Юрой.
- У-у! фантастический роман! – увлечённо продолжил рассказ докторант-психиатр. – Говорит, будто он сотрудник какой-то „федеральной службы безопасности“. Надо же, так складно бредить! Что послал его сюда... Нет, ты меня слушаешь?
- Слушаю, слушаю! – бодро ответил Фёдоров. – Это и правда интересно.
- Так вот. Рассказывает, будто его послали сюда из будущего, из две тысячи какого-то года, 2010-го,

кажется. Что он выполняет особо секретное задание какого-то там босса. При этом утверждает, что эту секретную операцию „заказал“ лично Распутин, которого он называет Владимиром Владимировичем. Может, с Маяковским спутал? Потом сказал, что должен сделать официальное заявление, но что всего рассказать не имеет права, а в его задание входило уничтожение всех работников нашей ЦНИЛ. Представляешь? А тебя – в первую очередь, потому что ты...– только не падай!– опасен для государства. Думаю, что это он придумал уже после задержания его милицией. Говорит, что за работу ему обещали десять миллионов долларов и постоянное место... знаешь где? В государственной думе России! Во даёт! Придумал целую государственную систему! Бред его носит систематический характер! Но самое интересное, что во всём остальном он – нормальный человек, только агрессивность очень высокая. А так – и в пространстве ориентируется, имя своё, возраст правильно называет, считает отлично.

- А сколько ему лет?
- Двадцать один по паспорту, – ответил Юрий Николаевич, завершив свой рассказ так:
- Если бы не этот бред с перемещением во времени, выдуманными секретными службами, какой-то государственной думой, расплатой долларами, наличием чувства овладения, да ещё замысла на убийства, то вполне мог бы сойти за здорового! Все тесты выполняет идеально. Коэффициент интеллекта – сто двадцать. То есть он вполне сохранный во всём остальном. Да, ты бы Алексей зашёл, я организую тебе с ним беседу. Это впрямь как роман. Ты же с нашей завкафедрой сотрудничаешь, вон Людмила Акимовна клинические испытания твоего экспериментального метода лечения завершила. Очень тебя уважает. Вы же с ней соавторы! Заходи! Правда, интересный больной. Я таких ещё не видел. Да ещё, знаешь, он вежливый такой. И, что интересно, всех

называет господами. Прямо как иностранец из капстраны!

- Знаешь, Юрий Николаевич, мне ведь за вредность, в отличие от тебя, не платят! А то ещё в лицо меня запомнит. И что тогда? Вы его выпустите, а он меня... того... при кончит! – как бы шуткой, скрывающей страх, ответил Фёдоров.
- Ну, как знаешь, – остывая, сказал Любый. – А насчёт того, что выпустим, не беспокойся – пожизненно наш человек. Профессор Стукалина назначила ему большие транквилизаторы. Он вначале очень агрессивный был. Я бы сразу назначил, но, сам понимаешь, – он же из КПЗ к нам попал – экспертиза, протоколы... Через несколько дней его не узнаешь, забудет все свои бредни. Ну, извини! Думал тебе интересно будет. – почти обиделся Любый.
- Конечно, интересно! Спасибо за рассказ! Я этого, как ты говоришь, крестника, прямо как живого увидел! Но у меня самого забот с докторской... Ну, ты же знаешь! – завершил разговор Алексей Витальевич, крепко, по-дружески пожав психиатру руку.

Тот успел тем временем переодеться, надел свой личный чёрный халат, висевший в кабинете у Туманского, и отправился в виварий. А Фёдоров, едва сдерживая дрожь в коленках, вошёл в свой кабинет, уселся за стол, разложил перед собой бумаги, будто бы работая над ними. Однако в действительности его мысли были далеко. Из рассказа докторанта-психиатра выходило, что опасения Фёдорова отнюдь не были беспочвенными. Получалось, что тайник действительно был обнаружен, что был найден агент, готовый пожертвовать своей сложившейся жизнью, лишь бы помешать ему, Фёдорову. Но кто и каким образом мог узнать о его планах, вычислить смысл и цель его перемещения в прошлое?! Ведь он никогда и никому ничего не говорил! Чем же, как и когда он мог себя выдать? Ответов на это не было. Осталось непонятным и то происшествие с дырками в

оконных стёклах в его прежней жизни. А вот что было ясно, так это целесообразность сообщения сведений об этом "психе" генералу Шебуршину. При определённых обстоятельствах, разумеется...

Последующие три дня пролетели как-то совсем уж незаметно. Видимо потому, что было слишком много работы. Сотрудники института и ЦНИЛ вернулись к обычному рабочему ритму, хотя моральная обстановка, как, наверное, и во всей стране, была уже не та, что прежде. Конечно, сказывался и официальный траур, вся эта музыка, мрачными волнами стекающая из громкоговорителей, установленных на столбах и использовавшихся прежде лишь по праздникам. Но главным было всеобщее чувство неуверенности и тревоги, ожидание чего-то нехорошего. И дело тут было не в том, что уже на следующий день оправдался "прогноз" Фёдорова, что новым генсеком станет Андропов, а в интуитивном понимании всеми людьми: прежней спокойной и уверенной жизни им уже не видать.

Вообще-то, уже несколько лет в стране нарастало такое же интуитивное ощущение несоответствия явной и нарастающей немогущности Брежнева его обязанностям, накладываемым на него уже самим положением лидера сверхдержавы. Многие, уже очень многие всерьёз задумывались над вопросом о том, как же, каким путём произойдёт смена лидера. Что это будет за лидер, как это скажется на жизни всех и на личной судьбе каждого? Фёдорову превосходно был известен и стихийный, зачастую лишь наполовину осознаваемый ответ. Вернее, не ответ, а желание. Отнюдь не случайно за несколько лет до смерти Брежнева и почти сразу же вслед за тем, как немогущность Леонида Ильича стала для многих явной, на стёклах грузовиков—

дальнобойщиков всё чаще и чаще стали появляться самодельные фотопортреты И.В. Сталина.

При этом Фёдоров ещё в *прежней* своей жизни обратил внимание на то, что инспекторы ГАИ никогда не придирались к тому, что чуть ли не четверть лобового стекла справа занята портретом покойного вождя, хотя во всех других случаях жёстко требовали от водителей убрать из поля зрения разного рода побрякушки и картинки. Так что, как бы ни изгалялись внешние и внутренние враги на тему "культа личности", а явление это – если оно было (а было оно вовсе не таким, как это пытались представить официально!) – шло не сверху, а снизу, из самой гущи простого трудового народа. В отличие, скажем, от того явления, которое внешне было похоже на культ, но создавалось подхалимами и номенклатурными прихлебателями, использовавшими в своих целях тщеславие и прочие слабости Брежнева. Иначе говоря, „культ личности Сталина“ имел демократическое происхождение, являлся своеобразным выражением воли и мнения народа, тогда как „борьба с культом Сталина и его последствиями“, как и попытки искусственного создания сверху подобий культа *иных* личностей можно считать проявлением антидемократизма.

В день похорон опять никто не работал. В актовом зале института был специально установлен телевизор. Благодаря Эмилю Хольцке появился телевизор и в просторном коридоре второго этажа ЦНИЛ. Шла прямая трансляция похорон. Когда гроб с телом Брежнева сорвался с лямок и упал в могилу, заведующая отделом микробиологии отчётливо охнула. В глазах этой немолодой, много пережившей женщины Фёдоров заметил слёзы. На душе стало тяжело. Видимо он слишком пристально поглядел на неё, так как она заметила этот взгляд. Переглянувшись, оба потупили взор. Падение гроба оба расценили как скверное предзнаменование. Конечно, не к лицу было заведующей отделом, доктору наук, старшему научному сотруднику и

автору открытия, недавно официально признанного, показывать своё суеверие! Но, как и многие умудрённые жизнью люди, она знала, что дурные приметы слишком часто оправдываются, чтобы не считаться с этим.

Несмотря на то, что Фёдоров был почти вдвое моложе, между ними уже давно сложилась устойчивая духовная связь. Возможно, это было связано с тем, что Фёдоров был вторым человеком в институте, который тоже подал заявку на открытие, а несколько ранее – сразу две заявки на серьёзные изобретения (одно из которых, благодаря экспертам Модль и Перель, впоследствии, *в его будущем*, стало широко известно в качестве "израильского способа лечения наркоманий"). Пригласив тогда в микробиологический отдел молодого учёного, она молча в течение минуты пристально вглядывалась в его лицо, а затем сказала:

- Ну, что, Алексей! Глаза у тебя хорошие: добрые и уверенные. Может быть, пробьёшься... Хотя имей в виду, мы с Михаилом Васильевичем за признание нашего открытия сражались семнадцать лет! Ну, иди к своим крысам!

Михаил Васильевич Земцов был одним из старейших учёных института, заведовал кафедрой микробиологии. Сын его, кандидат наук, однокурсник Алексея, был младшим научным сотрудником ЦНИЛ, как и Фёдоров. Семейный клан Земцовых многие десятилетия занимался наукой, имел обширнейшие связи в научном мире, а в годы войны профессор занимал генеральскую должность главного эпидемиолога. Тем не менее, за признание открытия пришлось в течение семнадцати лет бороться с завистниками и разными модлями... Было о чём подумать! И всё же, благодаря системе жизнеустройства в СССР, солидарному типу взаимоотношений между людьми, пусть с трудом, но и

правду найти было можно, и талант, неловкий в жизни, не погибал, а, как правило, становился востребованным!

Из состояния задумчивости Фёдорова вывел толчок в бок. Он оглянулся. Это была заведующая его отделом:

- Ну, вы что, Алексей Витальевич, задумались? Всё уже закончилось. Пойдём, надо поговорить!

Когда они спустились в кабинет Михайловой, та дождалась, пока он закроет дверь, усядется в кресло для посетителей, и сообщила:

- Готовьтесь к встрече с шефом! Завтра в десять утра, после лекции, он вас ждёт. Это по поводу той статьи... Только, пожалуйста, больше помалкивайте! Он всё ещё не решил, отдавать вас под сокращение штатов или не стоит: статья-то очень хорошая! Если предложит вам самому, в его присутствии, дописать имена авторов... Ну, вы понимаете!.. Меня ваше возможное сокращение совершенно не устраивает!

Выслушав это предложение, сделанное Евгенией Дмитриевной не без заметного усилия над собой, с тревогой в усталых серых глазах и с опаской, что прямой и бескомпромиссный Фёдоров может его отвергнуть, Алексей Витальевич тихо, с мягкими интонациями ответил:

- Да, всё я понял, Евгения Дмитриевна. Буду молчать и стараться... А как с защитой? Что-нибудь прояснилось?
- Завтра с ним и поговорите... То есть, я имею в виду статью! От этого всё зависит... В среду он уезжает в Москву...
- Спасибо вам, Евгения Дмитриевна! – правильно понял намёк Фёдоров. – Так я пойду? Вообще-то у меня сегодня библиотечный день...
- Помню, помню. Иди! – отмахнулась Михайлова,

впервые, хотя и неявно, обратившись к нему на "ты". В отличие от Аполлоши, такое обращение к подчинённым с её стороны указывало на высший уровень доверительности отношений, а не на разницу в рангах или необходимость беспрекословного личного подчинения.

Стало уже совсем темно, когда Фёдоров вышел из здания областной библиотеки. В зимнем воздухе, рано пришедшем в этом году в Воронеж, мелькали снежинки. За работой в читальном зале он сумел полностью отключиться от внешних событий, как бы забыть на время о своей миссии. Он уже знал по опыту, что это лучше, чем напряжённо продумывать предстоящие действия или искать наилучшее решение. Второй или третий уровень сознания, получив задание, сделает всё сам лучше и вернее. При этом Алексей Витальевич думал вовсе не о своей предстоящей встрече с жестоким профессором. На второй (или какой уж там) уровень сознания он загнал вопрос о том, что же теперь, после похорон Брежнева, предпримет Шебуршин, да и предпримет ли что-то. А ведь сегодня уже восемнадцатое...

Конечно, лучше всего было бы, если бы генерал принял решение о сотрудничестве с гостем из будущего как можно скорее. Чтобы именно сведения в связи с кончиной генсека, изложенные Фёдоровым на бумаге в начале ноября, послужили катализатором развития их неформальных взаимоотношений. Быстроту в принятии генералом решения можно было бы расценить в качестве свидетельства и о том, что основной этап проверки завершён, и о том, что не зря сделана ставка именно на этого человека. Если же он не пойдёт *сейчас* на сотрудничество, то...

- Товарищ Фёдоров? – услышал он вопрос от человека лет сорока, крепкого телосложения, в сером пальто с воротником, поднятым для защиты от холода. Похоже, человек этот уже длительное время ожидает его здесь, вблизи троллейбусной остановки. Место самое подхо-

дящее: тут можно долгое время стоять, не привлекая ничего внимания. Будто бы мёрзнешь в ожидании троллейбуса нужного маршрута. Правда, погода сегодня, как говорится, собачья, не для прогулок или долгих ожиданий!

- Да, я, – спокойно, уверенным тоном ответил Фёдоров, догадавшись, *кто* этот незнакомец. И счёл возможным как бы с небрежностью спросить, проявляя некоторое знание смысла определённых слов, ещё не известных широкой публике в восемьдесят втором году:
- Давно вы... из... конторы?

Незнакомец бросил быстрый взгляд по сторонам, не поворачивая головы, чтобы убедиться, что никого на остановке кроме них двоих не осталось: все уехали на только что подошедшем троллейбусе. Затем ответил, доставая из кармана брюк бумажник:

- Да, порядочно уже. Холодно сегодня как никогда! – Он вынул что-то из бумажника и продолжил, протягивая Фёдорову половинку трёхрублёвой бумажки: – Вот, просили вам должок передать!

Фёдоров тоже бросил быстрый взгляд по сторонам, взял половинку купюры и, повернувшись ближе к фонарному столбу, приложил её к половинке, с ловкостью фокусника вынутой им из "потайного" отделения кошелька. Убедившись, что обе половины принадлежат одной купюре, Алексей Витальевич спрятал их в портмоне и убрал его во внутренний карман пиджака. Лишь после этого с молчаливым вопросом он пристально посмотрел в глаза связника, который был лишь сантиметров на пять ниже его ростом. Связник, в глазах которого мелькнуло одобрение поведения Федорова, понял невысказанный вопрос и чётко, отрывисто ответил:

- День вам известен. Время – ровно одиннадцать тридцать. В метро. На известной вам станции кольцевой линии. Пойдёте к переходу на радиальную. Оттуда к

выходу. Вы лично знакомы с тем, кто вас встретит. Ровно в половине двенадцатого. Билет у вас должен быть свой.

Затем связник добавил:

- Просили напомнить, чтоб от Павелецкого (там метро сейчас закрыто) куда-нибудь по радиальной за кольцевую на пару остановок выскочили, хорошенько проверились. Потом по кольцу до условленной станции! Ну, порядок?
- Конечно! Спасибо! – протянул Фёдоров связнику руку.

После встречи со связником, завершившейся дружеским рукопожатием, Фёдоровым овладело приподнятое настроение. Кажется, наконец-то, дело сдвинулось. Сдвинулось в нужном направлении! Он понимал, что оснований для радости, тем более для ликования, пока что нет, но вызов в Москву означал наступление фактической возможности для перехода к активным действиям. Таким, которые изменят реальность, предотвратят слом всей жизни в стране и её уничтожение. По крайней мере, хотелось в это верить!

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО.

6. СОРАТНИК.

В воскресенье 21 ноября вскоре после 11 часов Шебуршин вышел из метро на станции "Комсомольская". Тут всегда было многолюдно. К тому же, люди переходили с одной линии на другую, так как здесь пересекались радиальная и кольцевая линии. С одного из мест, которое генерал называл балконом, было удобно проводить наблюдение, не привлекая к себе излишнего внимания. Сюда, на встречу с ним должен был приехать по кольцевой линии Десятый. Согласно данной ему инструкции, спустившись в метро где-нибудь вблизи Павелецкого вокзала (сама станция "Павелецкая" была закрыта на ремонт), он должен был проехать по радиальной линии за кольцевую и сделать две лишних пересадки, проверяясь на первой. Во время второй пересадки Десятый должен был, как бы по оплошности, в последний момент выскочить из вагона при уже начавших закрываться дверях и перебежать на противоположную сторону перрона. Генерал волновался, сможет ли непрофессионал обнаружить слежку за собой на первой пересадке, потому и предложил такой способ второй проверки.

Ко дню встречи Леонид Иванович смог убедиться в том, что все "прогнозы" Десятого о содержании "Правды" всякий раз сбывались с удивительной точностью. Собственно, само непроизвольно применённое генералом слово "прогноз" выдавало его понятные сомнения и недоверие. Но к дате встречи недоверие полностью исчезло, а сомнения коренным образом изменили свой характер.

Окончательно уверовав в прибытие Десятого из будущего и являясь не только патриотом, но и глубоко порядочным человеком, Шебуршин теперь мучился внутренними сомнениями: будучи аппаратчиком, он

испытывал огромные трудности в связи с необходимостью действовать не только вопреки своим многолетним привычкам, но и против неписаных правил конторы; а как убеждённый русский патриот он не мог "спустить дело на тормозах" или передать его в чужие руки. За последние пару недель он с ужасом убедился, как много оказалось рядом с ним тех, чьи руки и в самом деле были чужими.

Думая обо всём этом, генерал увидел, как из поезда, когда уже двери начали закрываться, выскочил Десятый и стал с растерянностью провинциала озираться, затем обратился с каким-то вопросом к пожилой женщине, удовлетворённо кивнул и, вытянув назад и в сторону левую руку, взглянул в том направлении, похоже, повторив свой вопрос. Наблюдая это, генерал невольно усмехнулся: безусловно, Десятый действовал непрофессионально, но довольно изобретательно и, главное, успешно проверяясь. Для того, чтобы заподозрить его в искусственности этой показной провинциальной растерянности, нужно было, во-первых, хорошо знать действительный интеллектуальный уровень гостя из будущего, а во-вторых, поставить его выше себя, что было психологически неприемлемым для большинства сослуживцев генерала из числа москвичей. Генерал пошёл навстречу Десятому. Они встретились как раз в том месте, где было уговорено и где у приезжего мог возникнуть вопрос о направлении дальнейшего пути. Здесь Десятый, как бы случайно выбрав генерала из разношёрстной толпы, задал ему вопрос об улице, которую якобы искал. Вместо ответа генерал произнёс:

- Здравствуйте! Да не волнуйтесь вы так, Алексей Витальевич! Всё в порядке, я проверил: никому мы с вами тут не нужны!
- Здравствуйте! – с чувством произнёс Десятый. – Только я думаю, что именно мы-то и нужны всем! Во всяком случае... – Десятый прервал самого себя, почувствовав неуместность этого тона.

- Ну, поедемте! – Генерал лёгким движением руки прикоснулся к локтю Десятого, указав тем самым направление движения, и пошёл вперёд.

Вскоре они оказались вне метро, на морозном воздухе и подошли к бежевой личной "Волге" Шебуршина. Проверяясь, генерал обошёл вокруг машины, вроде бы интересуясь состоянием шин. Мелькнула мысль, что, пожалуй, передний фальшивый номер он закрепил вчера вечером чуть криво, не совсем по центру. Усевшись за руль, Леонид Иванович поднял кнопку блокировки замка правой передней дверцы. Десятый уселся на переднее сиденье. Вскоре "Волга" была далеко от "трёх вокзалов". Видя нарастающую напряжённость своего пассажира и прекрасно понимая её причины, генерал решил разрядить обстановку самым простым образом:

- Я проверял и вас, и ваши сведения. Всё совпадает! В интересах дела вам, пожалуй, будет лучше перебраться в Москву! – Сказав это, генерал, не переставая следить за дорогой, искоса взглянул на Фёдорова.
- Но прежде всего у меня к вам масса вопросов! – продолжил Леонид Иванович после некоторой паузы и уловив, что после его первой фразы волнение Десятого начало стихать. – Есть тут у меня ключи от одной дачки, где нам никто не помешает.

Не прошло и часа после выхода из метро, как пассажиры "Волги" добрались до ничем не примечательного зимнего домика в одном из подмосковных дачных посёлков. Вскоре в печке весело потрескивали дрова. Мужчины уселись за небольшим круглым деревянным столом, стоявшим возле окна. Генерал выжидал, обдумывая ещё раз составленный им план беседы, когда Десятый перехватил инициативу:

- Завтра, Леонид Иванович, состоится Пленум ЦК КПСС. Кириленко выведут из Политбюро "по состоянию здоровья", а Алиева переведут из кандидатов в члены.

Рыжкова изберут секретарём ЦК. Позже, когда Генсеком станет Горбачёв, его сделают председателем Совмина и... орудием Горбачёва в развале экономики. Манипулировать им будут из-за нехватки компетентности и воли. Позже он раскается, так как в душе он патриот.

Обдумывая впоследствии детали своей встречи с Десятым, Шебуршин пришёл к выводу: тот потому и сумел с лёгкостью перехватить инициативу, что был не только хорошо подготовлен к этой беседе, но и просто старше, с большим жизненным опытом и, к тому же, не скован писаными и неписаными правилами поведения в их конторе. Одновременно Десятый, считаясь с разницей в рангах и официальном положении, старался вести себя и отвечать на вопросы так, чтобы генерал как бы самостоятельно приходил к тем выводам и намёткам плана предстоящих действий, которые на самом деле исходили от гостя из будущего.

Ещё одним результатом их конспиративной встречи стало окончательное рассеяние тех сомнений, что терзали Леонида Ивановича в связи с появлением Десятого, а также решимость сделать *всё* для того, чтобы предотвратить грядущую катастрофу. И, наконец, генерал понял и уже почти примирился с тем, что в их дуэте с Десятым тот никакой не десятый, а Первый, а он сам – Второй. Хотя и такой, без которого и поставленные "Десятым" (а на деле Первым) задачи, и само его физическое существование невозможны. Во всяком случае, уже во время встречи на этой даче Шебуршин определился в стиле предстоящей им совместной деятельности так: они соратники. О чинах и официальном положении в обществе следует забыть. Впрочем, для опытного разведчика, каким был Леонид Иванович, это не являлось ни чем-то новым, ни непривычным. И всё же

генерал был благодарен Десятому за ту его, на первый взгляд, несуразную фразу, которую он бросил напоследок, когда они уже прощались, и глядя ему прямо в глаза:

- Товарищ генерал! Мне понятны и ваши сомнения, и тяжкие трудности. Но дело ещё в том, что без вас я абсолютный ноль, а вся затея совершенно неисполнима. Так уж получилось, что мы ответственны перед будущим нашего народа. И вы знаете: это не громкие слова... Спасибо вам за поддержку и за... надежду!

Тот план действий, который предлагал Десятый, выглядел довольно разумным. Генерал обратил внимание на то, что в беседе с ним Десятый специально занижал ранг своих предложений, в частности, называя свой хорошо продуманный стратегический план "некоторыми соображениями", а планируемые действия "намётками". Десятый старался говорить так, чтобы невзначай не задеть, не оттолкнуть своего высокопоставленного собеседника, не уязвить его генеральского самолюбия. Это Десятому не всегда удавалось, но генерал видел и оценил само намерение. И вот именно такое сочетание неуверенности с невероятной осведомлённостью Десятого на фоне высказываемых им дельных соображений побудило Леонида Ивановича окончательно уверовать и в Десятого, и в свою собственную роль в деле предотвращения катастрофы.

В плане Десятого генерал поначалу посчитал самым неотложным, самым существенным следующее:

- не спешить, максимально используя время, отпущенное им судьбой до исчезновения с арены Андропова, для подготовки к активным действиям и внедрения патриота на пост Генсека;
- в условиях максимальной скрытности провести разработку Горбачёва, Яковлева, Шеварднадзе, Ельцина и, что называется, иже с ними в двух направлениях: а) последующей публикации сведений, дискредитирующих всю эту

компанию; б) устранения их из социально значимой деятельности (предусмотрев несколько вариантов). Вообще следовало ликвидировать созданную Хрущёвым касту "неприкосновенных" (не подлежащих разработке не только со стороны прокуратуры, но даже и органами государственной безопасности); всё это уже не раз вызывало глухое раздражение Второго Главного Управления КГБ (контрразведки), но откладывалось Десятым на более позднее время;

- переориентировать работу "Пятки" с фактической поддержки (и рекламы) сионистских диссидентов при одновременном подавлении патриотов на поддержку русских патриотов против фактических агентов внешнего врага; этот пункт плана и Десятый и сам генерал считали наиболее рискованным и опасным для всего Дела в случае неудачи;
- начав с публичного разоблачения (вначале в форме художественных фильмов, но на документальной основе) ведущейся Третьей мировой войны (информационно-психологической) и связанных с нею разрушительных планов и действий США с их ЦРУ, Израиля с их Моссадом и НАТО, перейти к широкому информационно-идеологическому контрнаступлению. Для начала следовало опубликовать (широко тиражируя и комментируя) доктрину А. Даллеса, директиву американского СНБ № 20/1, государственный закон США 1959 года о расчленении СССР, делая это в спокойном и объективном тоне, на фоне использования множества мелких и серьёзных фактов, добываемых внешней разведкой и контрразведкой. Всё это было необходимо, как говорил Десятый, "для прекращения затянувшейся спячки советских людей" и позволяло рассчитывать на пробуждение социальной активности, а также давало возможность использовать растущее недовольство молодёжи чрезмерным (искусственно созданным!) спокойствием жизни в СССР, недостатком необходимых

в юности "острых ощущений" и способов самореализации. В конце-то концов, должны же люди в СССР узнать и прочувствовать, что против них уже десятилетия ведётся информационно-психологическая война *на уничтожение!* Тут у Десятого было множество конкретных предложений и список перспективных лиц, таких, как учёные Шелепин (сын бывшего председателя КГБ) и Лисичкин, а также бывший главный редактор журнала "Человек и закон", редакторы "Молодой гвардии" и "Современника"; предлагалось и опубликовать тюремные тетради Антонио Грамши, снабдив такими пояснениями, которые были бы понятны каждому, стали бы интересны многим;

- одним из сложных элементов плана было предложение Десятого о подготовке к фактологически обоснованному разоблачению американского плана СОИ, рассчитанному только на устрашение и некомпетентность советского руководства, а также и сбор материалов для разоблачения в подходящий момент вымышленной американской "высадки на Луне". В этом разделе у генерала вызвало интерес сообщение Десятого о предстоящей через девять месяцев катастрофе южнокорейского самолёта, который будет сбит США, а вину и ответственность за это возложат на СССР;
- а вот то, что изначально представлялось Шебуршину самым трудным, на деле оказалось чуть ли не готовым — подбор кадров. У Десятого был список людей, патриотов, которые уже сейчас, немедленно могли оказаться полезными как для объективной оценки экономического развития страны, так и для выработки выигрышной экономической стратегии. Список этих людей у Десятого возглавлял лично знакомый генералу Шум, но были и совсем неизвестные, даже странновато звучащие имена, Кара-Мурза, например;
- одним из существенных элементов плана Десятого были фактологическая реабилитация Сталина с публикацией

материалов о его убийстве и связанный с такой реабилитацией постепенный переход к той системе правления, которую планировал ввести убитый вождь: двойное управление (КПСС и Советы) должно быть упразднено, партия при этом становилась органом, ведавшим вопросами идеологии, социальной психологии, морального здоровья общества, и должна была явить всему миру духовную альтернативу развития,— в противовес изначально тупиковому, бездуховному и расточительному потребительскому пути, навязываемому капстранами "большой семёрки" в качестве образца и идеала для подражания.

Беседа с Десятым затянулась до вечера, но уже в самом её начале, к полудню генерал утвердился во мнении: скоро понадобится, чтобы Десятый постоянно был в пределах досягаемости. В ходе разговора Десятый старался быть предельно лаконичным, но зачастую начинал волноваться, сбивался на мелкие детали, тут же брал себя в руки и вновь переходил на сухой деловой тон фактов и имён. В такие моменты особенно остро ощущалось, что всё то невероятное и зачастую страшное, что он затрагивал, действительно *Правда*, что всё рассказываемое выстрадано им лично и хорошо обдуманно, что он не упоминает сейчас и сотой доли того, о чём знает... Взять хотя бы эту историю о том, что кандидатуру Горбачёва предложит... Громыко. Да! Трудности предстояли огромные! Составленный Десятым и привезённый на встречу меморандум состоял из ста пятидесяти листов. И уже беглый его просмотр давал основания для заключения: неоценимый материал. Но опасностей генерал видел несравненно больше, чем подозревал непрофессионал Десятый. Однако дело — Дело! — заслуживало трудов и усилий и стоило слишком многого!

Но в их беседе с Десятым имелось нечто такое, что оба пока выключили из обсуждения, хотя оно и являлось самым важным. Тем, по отношению к чему всё прочее было лишь необходимой подготовкой, а то и фоном. Это был вопрос о кандидате на пост будущего руководителя страны – после смерти тяжело больного Андропова и вместо Горбачёва. Леонид Иванович оценил деликатность, проявленную Десятым в этом главном вопросе. Тот подчеркнул, что имеет не подлежащие сомнению сведения о разрушительной деятельности определённых, уже названных им лиц, но лишь некоторые намётки и соображения о тех людях, которые могли бы предотвратить катастрофу. И тут же Десятый привёл весомо аргументированное "личное мнение" о будущем президенте Белоруссии Лукашенко, о ленинградце Романове и... главе КГБ Федорчуке.

Затронутые Десятым, практически лишь намёком, имена покойного партийного руководителя Белоруссии Машерова и секретаря Ленинградского обкома Романове впервые заставили генерала задуматься об обстоятельствах гибели умного, мужественного и честного белоруса и дискредитации патриота из Ленинграда. Тот непроницаемый мрак, который окутывал смерть руководителя Белоруссии, в сочетании с официальной версией о заурядной автодорожной катастрофе заставил Шебуршина содрогнуться: в суде бы этого он доказать не смог, но для себя уяснил: эта катастрофа организована высшими чинами из его конторы! Но ещё большую дрожь вызвали конкретные имена заказчика и организатора гибели Машерова, которых опытный разведчик сумел вычислить на основании множества косвенных улик и нескольких мелких, но для него явных фактов. В этом свете полунамёки Десятого выглядели предостережением, но одновременно и ещё одним доказательством правоты гостя из будущего. На секунду в душе у Шебуршина мелькнул упрёк: "Во что же он меня втягивает?!" Это было естественной реакцией, связанной с опасением за свою жизнь. Но

те же самые обстоятельства, что вызвали этот страх, окончательно излечили генерала от того, что он сам теперь называл "аппаратной болезнью". Патриотизм и врождённая порядочность требовали от генерала хотя и тщательно продуманных, но активных действий. Без риска тут никак не обойтись!

Впоследствии, осторожно собрав сведения о Романове, Шебуршин с лёгкостью смог ещё раз подтвердить для самого себя участие в этой акции дискредитации людей из Конторы. Кроме того выходило, что созданное по личной инициативе Андропова Пятое управление – управление борьбы с идеологической диверсией ("Пятка") как раз такие диверсии и осуществляло. Но как же быть с главой управления?! Боевой генерал Отечественной войны Филипп Данилович Папков не вызывал у Шебуршина хотя бы доли тех сомнений и упрёков, которые он, как оказалось, заслуживал! Впрочем, именно так и должно было быть: тот ведь своего рода Штирлиц, только – наоборот! Зато прекрасно объяснялась последующая служба Папкова у еврейского финансового магната Гусицкого, о которой рассказывал Десятый. Леонид Иванович в связи со всеми вскрывшимися обстоятельствами начал чувствовать себя разведчиком, чудом оказавшимся на высоком посту в стане врагов. Самое трудное и самое страшное заключалось в том, что при всём этом он находился не в чужой стране, а на Родине, у себя дома. Получалось ещё, что его резидентом был тот внешне молодой человек, которого он окрестил "Десятым".

Генерал не мог всерьёз отнестись к кандидатуре Лукашенко. И вовсе не потому, что этот молодой (28 лет) человек был колхозным бригадиром. Просто развиться в крупного государственного деятеля его заставили *особые* условия, особая *нужда* – те, которые возникнут десятью (всего лишь десятью!) годами позже. Нужен был кто-то иной, с опытом работы в цеховской кухне, как на это и намекал Десятый. Конечно, лучше всего бы с такой

ответственной задачей справился бывший партизан, честнейший патриот Машеров. Потому-то он и убит. Романов – слабее, и у него нет того непререкаемого авторитета, что был у покойного белоруса. Видимо так и расценивали враги обоих этих людей. Потому и прибегли всего лишь к неопасной для жизни клевете об использовании царского музейного сервиза на свадьбе дочери Романова.

Шебуршин стал обдумывать способы реабилитации Романова. Другой задачей стал поиск иных кандидатов, в том числе и среди тех лиц, которых упомянул Десятый. Ещё в самом начале их долгой беседы гость счёл нужным пояснить, что он всего лишь патриот, у которого есть точные сведения о катастрофе страны и о ряде "засветившихся" (Десятый выделил это слово) предателей – организаторов и соучастников; что у него нет ни необходимых знаний, ни навыков, ни возможностей для поиска, подготовки и "проталкивания" кандидатур вместо главных предателей. Генерал при этом полагал, что ему необходимо получить от Десятого ещё и сведения, позволявшие обрести для себя такого помощника, который мог бы способствовать продвижению кандидата взамен предателя Горбачёва.

Размышляя обо всём этом, Леонид Иванович пришёл к выводу, что Десятый был прав, выбрав его: кому, как не профессионалу нелегальной разведки, надлежало искать недостающую информацию, необходимую для предотвращения катастрофы. Другим выводом генерала было то, что он *ничего* не сможет сделать без риска роковой ошибки, если не будет располагать информацией, доставленной из будущего Десятым. Ни в объективности, ни в точности сведений, сообщаемых ему Фёдоровым, сомнений более не осталось. Особенно теперь, после проверки тех данных, что передал Десятый во время их ноябрьской встречи. Более того, основываясь на этих сведениях, генерал заподозрил связь некоторых из высших лиц Комитета с теми, кто по данным Фёдорова впоследствии окажется предателями.

Результаты проверки привели опытного разведчика в ужас, хотя в одиночку ему удалось осуществить лишь самые первые шаги, элементарные меры. Он принял решение: медлить нельзя, иначе будет поздно! После этого генерал незамедлительно приступил к разработке плана и легенды, необходимых для перевода Десятого в Москву. Используя личные, не контролируемые никем связи, подготовил частную квартиру для размещения в ней Фёдорова на первое время; через достаточно длинную цепочку подставных лиц заручился поддержкой для перевода его в один из НИИ в качестве докторанта. Самым трудным, как выяснилось, было делать всё самому, но при этом не „засвечиваться“. Оказывается, находясь на руководящей должности, он поотвык от непосредственной агентурной работы.

На тридцатое декабря он лично приобрёл обратный купейный билет до Москвы и отправил его обычным письмом в Воронеж на главпочтамт, „до востребования“. О таком способе связи он условился с Десятым без малого месяц назад – на всё той же второй ноябрьской встрече. В ожидании приезда Фёдорова Шебуршин не сидел без дела. Нет, речь шла не о обычных служебных обязанностях (которые, кстати, он теперь постепенно, но неуклонно изменял). Генерал продумал и составил список неотложных практических дел и сведений, которых недостаёт для их выполнения и которые теперь обязан был ему предоставить Десятый. А пока что, до Нового года, придётся несколько дней подождать необходимых ответов. Но это обстоятельство уже не так сильно тревожило генерала, как в первые дни после выявления им предателей в самой Конторе. Непонятно почему, но теперь генералом всё более овладевало интуитивное предчувствие успеха, благоприятного исхода в тяжком и многосложном, сверхответственном, но таком благородном и нужном деле спасения Страны, её Народа, в возвращении их на роль Ведущих в развитии Человечества, что было незаметно утрачено после убийства Сталина и речи Хрущёва, написанной для него в ЦРУ.

ЭПИЛОГ.

Вскоре после утверждения ВАК докторской степени, в один из по-особому душных июльских дней 1984 года Фёдоров подошёл к полуоткрытому окну своей тесной однокомнатной квартирki в Ясенево и выглянул наружу. Отсюда, с третьего этажа было прекрасно видно, как ребяшня играет в просторном дворе. Тридцатиградусная жара их видимо совершенно не тяготила. Вот группа девочек среднего школьного возраста играет в классики. Трое малышей увлечённо строят в песочнице башню, а худощавый подросток из соседнего подъезда, сосредоточенно возится с мотоциклом. Июль – разгар каникул. К тому же, сегодня суббота.

Алексей Витальевич подошёл к тумбочке, на которой было установлено два телефона – обычный и "вертушка", по которой он мог, не опасаясь прослушивания, связаться с председателем КГБ генерал-полковником Шебуршиным. Фёдоров прекрасно знал, что генерал сегодня, как, впрочем, и во все остальные субботние дни, на работе. Но он не любил, чтобы его в эти дни тревожили без крайней нужды. Субботы генерал посвящал планированию работы. Как правило, часов до двенадцати он работал в одиночку, а затем следовали вызовы руководителей тех управлений или отделов, чья работа требовала в этот момент особого внимания шефа.

Время сейчас было особенно ответственным и напряжённым. После смерти генсека Андропова, последовавшей 9 февраля, СССР оказался в глубокой международной изоляции. Этому в немалой степени содействовали те самые шаги в "разрядке", с односторонними уступками Западу, на которые пошёл Андропов. Среди прочего, он предпринял вывоз и уничтожение наших ракет в европейской части страны. Поспособствовала бы изоляции и та провокация в сентябре восемьдесят третьего, когда американцы разыграли спектакль с якобы сбитым над нашей территорией южнокорейским лайнером. Благодаря Фёдорову истину

удалось своевременно вскрыть и обнародовать. На самом деле был послан самолёт-разведчик. А пассажирский самолёт использовался как прикрытие и был затоплен самими американцами в совершенно другом месте. Людей они никогда не жалели: что там какие-то десятки пассажиров в сравнении с более чем сотней **миллионов** индейцев, уничтоженных в начале истории США. Кроме того, коренные жители Северной Америки до конца двадцатых годов XX века считались в США **иностранцами**!

Без малого год Фёдоров безвыездно находился в Москве. Вначале на нелегальном положении, хотя и как докторант с периферии. Но это было лишь легендой, прикрытием, позволявшим Алексею Витальевичу не быть ни в Воронеже, ни в том московском НИИ, к которому его прикрепили в качестве докторанта. Жил он без прописки в частных квартирах, поиск которых организовывал для него Шебуршин. Генерал требовал от Фёдорова немедленной смены такого жилья по его сигналу. За девятнадцать месяцев, прошедших с памятного дня их встречи на подмосковной даче в конце ноября 1982 года, сделано было немало, но далеко не достаточно, чтобы успокаиваться или считать, что катастрофа уже не может свершиться.

Отношения с генералом сложились своеобразные. Ещё во время ноябрьской встречи в восемьдесят втором тот потребовал, чтобы Фёдоров в общении с ним забыл о его генеральском звании и должности, обращался только по имени и отчеству. Генерал утверждал, что они соратники и что субординация мешает их совместной конспиративной работе. Сам же он обращался к Фёдорову на равных, всегда уважительно, по имени и отчеству. Прибегал к таким оборотам речи: “Что бы вы могли мне здесь посоветовать?” “Не считаете ли вы, что я должен...” “Ну, давайте, предложите, какое решение в этом вопросе нам следует принять!” И такой стиль действительно помог: Фёдоров чувствовал себя свободно, держался раскованно, что способствовало

лучшей работе и его мыслительного аппарата, и памяти, и генерации идей. Порой было невозможно определить, кому из них двоих принадлежала та или иная идея, кто предложил то или другое решение.

При этом, однако, Фёдоров ни на секунду не забывал ни о той колоссальной ответственности, которую взял на себя, ни об огромном доверии, которое ему оказал начальник ПГУ КГБ СССР.

Времени было мало, а дел слишком много. К тому же, Шебуршин не мог, не имел ни возможности, ни права забросить свою официальную работу, которую требовала от него официальная должность. Тем более что внешняя разведка теперь приобрела одно из ключевых значений во всём сложном комплексе операций, необходимых для предотвращения государственной измены. Той измены высшего руководства СССР, что привела и к поражению страны в "холодной войне", и к последующей утрате суверенитета, и к личной трагедии Фёдорова. К тому же генерал не имел права на ошибку в выборе помощников. Так что он долгое время работал один. Нередко по восемнадцать часов в сутки. Поэтому неудивительно, что однажды Шебуршин пришёл на конспиративную встречу совершенно больным, с тёмными кругами под уставшими глазами. Фёдоров почувствовал острую жалость: ведь это он втянул человека во все эти тяжкие хлопоты, взвалил на его плечи груз такой ответственности. Вот из-за этого-то в один из важных моментов беседы, когда генерал бросил карандаш и с гримасой на лице стал растирать затылок, он не выдержал и сказал:

- Иванович! Так нельзя! Опять, наверное, давление подвести? Всем нам как никогда нужно ваше, именно ваше здоровье! Неужели так и не удалось найти помощников?
- Ничего, Витальевич, прорвёмся... Ну вот, уже полегчало, — с несколько натянутой улыбкой ответил Шебуршин, подхватывая предложенный ему фамильярный тон и

похлопав Фёдорова по колену. – Как раз сегодня удалось окончательно уладить вопрос о моих помощниках... О *наших* помощниках, – поправил себя начальник ПГУ. – Но встречаться сейчас с ними было бы для вас преждевременно, даже опасно! Так что на связи у вас пока остаюсь я...

После этого запомнившегося совещания отношения соратников стали ещё более тёплыми и доверительными. В результате работа пошла легче. Собственно, в обязанность Фёдорова входила, в основном, необходимость вспоминать и потом давать генералу ответы, касающиеся тех или иных лиц, событий, их прямых и отдалённых последствий. Отсюда вытекала и вторая главная функция или обязанность Фёдорова: консультирование. Это было сложнее: Алексею Витальевичу приходилось вспоминать, что и как было сделано в той или иной сфере *во время прежней* его жизни (жизни в предотвращаемой реальности). Планируя свои действия, смысл и назначение которых должны были оставаться секретом для всех кроме них двоих, Шебуршин прибегал к советам Фёдорова для того, чтобы избежать нежелательных последствий, предотвратить ошибки. Он стремился узнать, а не делалось ли то же самое или нечто похожее *в прежней действительности* предателями и врагами. Фёдоров был рад, что в своё время, *в той реальности*, он внимательно и целенаправленно изучал, собирал и обдумывал сведения о событиях в стране и за рубежом. Правда, делал он это в иных, чем теперь требовалось, целях. Поэтому иной раз Алексей Витальевич затруднялся незамедлительно дать Шебуршину ответ и просил отсрочки, чтобы вспомнить. Но пока что, судя по всему, до сих пор его консультации были правильными, а воспоминания – точными. Во всяком случае, Шебуршин уже не раз после очередной удачной операции говорил ему:

– Ну и память у вас, Витальевич! Просто феноменальная!

На конспиративные встречи генерал редко приходил с пустыми руками. Чаще всего он приносил Фёдорову редкие фрукты и медикаменты для поддержания умственной работоспособности и улучшения памяти. Фёдоров поначалу стеснялся, отказывался. Тогда генерал счёл нужным пояснить:

- Поймите вы, скромник! Это не подарок, не угощение и не взятка! Ответьте, вы здесь что – на развлечении, на отдыхе или на работе?
- Вообще-то, наверное, на работе... Как доброволец, конечно, – неуверенно ответил Фёдоров.
- На работе! И только на работе! Причём на конспиративной! А всё это часть вашего официального пайка. Не можете же вы светиться в очередях, подполковник!
- Какой я подполковник? Я гражданский...
- Были... до вчерашнего дня. Пока что ваше досье у нас анонимно, а выйдете на свет – получите погоны, а вместе с ними и легальное положение! В общем, давайте, оставим всё это и перейдём к обсуждению дел! Их и так слишком много, в отличие от времени!

В тот раз, в сентябре восемьдесят третьего, они продумали операцию разоблачения американской провокации со сбитым южнокорейским авиалайнером. Фёдорову удалось вспомнить мельчайшие детали, опубликованные в этой связи в начале XXI века. Как следствие, была организована экспедиция, вернее – две: в задачу одной входил поиск и подъём тех обломков, которые имитировали аварию, а вторая должна была поднять (и таки подняла!) обломки южнокорейского самолёта и остатки потопившей его американской ракеты. В подъёме обломков из обоих мест участвовало то самое калининградское судно, которое в иной реальности предоставили американцам для съёмок фильма „Титаник“. Поднятые со дна океана находки стали экспонатами, которые удалось выставить на публичное обозрение в Париже. Результат операции был громким. Более того, США не при-

думали ничего лучше, как организовать поджог выставки. Однако советские разведчики в Париже не дремали: американская диверсия была не только своевременно разоблачена, но ещё и отснята на киноплёнку французскими журналистами. А незадолго до этих событий Шебуршину с Фёдоровым удалось предотвратить провокацию с высылкой из Франции полутора сотен советских граждан.

Осенью восемьдесят третьего ещё удалось информационно упредить запланированное американцами вторжение в Гренаду – сообщить о нём и у нас, и через западные СМИ. Причём, сделать это посчастливилось так, что вторжение не было ни отсрочено, ни отменено. В результате повсюду существенно усилились антиамериканские настроения. А незадолго до нового 1984 года Шебуршину удалось через „Известия“ опубликовать меморандум Аллена Даллеса, всё ещё остававшийся неизвестным широкой общественности в СССР. Под предлогом заботы о здоровье генсека, Андропова удалось к тому времени почти полностью изолировать. А к заранее известному дню смерти Андропова сумели подготовить и замену начальника Пятого управления. В февральские дни он был утверждён, тогда как прежний шеф "Пятки", Папков, по причине случившегося с ним инфаркта с почётом отправился на заслуженный отдых. По этому поводу Шебуршин сказал:

- Ну, всё, товарищ подполковник! Докладываю: по поводу начальника Пятого управления можете не беспокоиться. Этот человек, случись что, в услужение ни к Гусицкому, ни к Ходаковскому, ни ещё к какому-либо абрамовичу ни за что не пойдёт, скорее застрелится. Сам отбирал! Надёжный русский патриот!

Генерал сегодня явно был в хорошем настроении. Вообще-то шутил он с Фёдоровым очень редко. Но основания для радости теперь появились: обстановка в стране ощутимо начала изменяться в лучшую сторону. То и дело вспыхивали

стихийные дискуссии, люди начали осознавать, что против них, против страны ведётся настоящая война – война на уничтожение. "Молодая гвардия", "Наш современник" и "Человек и закон" публиковали глубокие, взвешенные патриотические статьи, побуждавшие людей задуматься. Шебуршин лично конспиративно встретился с главным редактором журнала "Человек и закон" (которым вновь удалось сделать Сергея Семанова), имел с ним долгую, обстоятельную беседу. Эта беседа (или инструктаж!) оставила неизгладимый след в душе патриота. Хотя генерал, придя к нему, не сказал ничего прямо, но проявил не только удивившую редактора осведомлённость, но и единодушные во взглядах на некоторые вопросы. Высказанное же при расставании довольно жёсткое предупреждение о необходимости линии деятельности и поведения не только вдохновило редактора, но и заставило историка по-новому взглянуть на многих из тех, кого он считал своими товарищами и патриотами. Самое же главное состояло в том, что к этому времени удалось реабилитировать Романова, найти подход для необратимой компрометации Горбачёва и вплотную приступить к разоблачению Яковлева.

Вскоре после избрания новым генеральным секретарём ЦК КПСС Романова Шебуршин оказался назначенным на должность председателя КГБ. В июне восемьдесят четвёртого, через неделю после того, как новый руководитель государственной безопасности представил на Политбюро неопровержимые, но вроде бы случайно полученные данные о враждебной деятельности нескольких высокопоставленных особ, было принято решение о восстановлении права КГБ осуществлять следственные действия также и в отношении высших лиц из числа хозяйственной и партийной номенклатуры. Это являлось одной из главных задач, которые Фёдоров ставил перед Шебуршиным ещё в самом начале их работы. В результате её успешного решения прибавилось работы и у Второго

главного управления (контрразведка), и у Пятого (борьба с идеологическими диверсиями). Вернее, *ориентация* этой работы стала теперь совершенно иной.

Наконец-то начали давать ход собранным ранее сведениям о скрытых врагах государства и об истинных хозяевах "диссидентов". Всё это делалось постепенно, понемногу, так, чтобы не вызвать опасных ответных шагов со стороны затаившихся врагов и предателей. Однако делалось последовательно и неумолимо. В частности, со страниц широкой печати как-то незаметно и постепенно исчезли имена ориентированных на сионистов и масонов Бовинда, Арбатовича, Загладкина, Замятника. Был широко опубликован и откомментирован не известный широкой публике в *другой реальности* текст резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, признававшей сионизм одним из видов расизма и требовавшей всемирной борьбы с этим явлением.

Информационные удары следовали один за другим. Воспользовавшись сведениями из будущего и по настоянию Фёдорова, Леонид Иванович сумел организовать разоблачение лунной аферы США. Правда, пока что не были обнародованы факты, касающиеся сговора об этом руководства США с предателями из ЦК КПСС, зато соответствующие намёки дали американцам понять, что *при необходимости* и это будет сделано. США стало ясно, что Советский Союз, его новое руководство не побоится опубликовать никакую правду, как бы и кому неприятна она ни была. Компетентность, явная честность и правдивость, смелость, последовательность и принципиальность нового руководства СССР – всё это постепенно возвращало стране роль духовного лидера, незаметно утраченную было после печально знаменитой речи Хрущёва на XX съезде.

Вышло второе издание книги А. Тяпкина и А. Шибанова "Пуанкаре", в котором уже безо всяких реверансов, спокойно и доказательно разоблачалось присвоение А. Эйн-

штейном чужих идей и трудов. К концу года должна была выйти в свет книга В.В. Карпова "Генералиссимус", в которой среди прочего нашлось место для фотокопий секретных документов об истинном числе "жертв" "сталинских репрессий", об их причинах. Поместили и записку Хрущёва к Сталину с жалобой на то, что из отосланных им "расстрельных списков" вождь утверждает не более десяти процентов. В качестве приложения к этой книге давались фотокопии и переводы сообщений итальянской прессы о том, как после незапланированной речи Хрущёва на XX съезде с "разоблачением культа Сталина" из итальянских церквей изымали развешенные там портреты советского вождя, очистившего мир от фашизма. Ещё одним видом приложений к книге должны были стать касающиеся И.В. Сталина высказывания иностранных деятелей. Прилагались краткие биографические справки о них. Читатель должен был понять: "Если уж так высказываются о Сталине наши враги, то..."

Фёдоров знал содержание готовящейся к изданию полумиллионным тиражом книги Карпова потому, что он сам это издание организовывал, конечно, публично и явно нигде не появляясь. Но уже и до этой публикации психологическая атмосфера заметно изменилась, поздоровела. Газеты и журналы стали даже более интересными, чем во время горбачёвской кампании „гласности“. Только вектор был совершенно другим, направленным не на ослабление, а на укрепление общества, его доверия и уважения к власти. В июне, под псевдонимом, вышла книга и самого Фёдорова „Основы распознавания и противостояния манипуляции сознанием“. Эта небольшая работа не просто стала одной из самых читаемых книг, но и сделала невозможным массовое оболванивание людей, как это произошло *в иной реальности*.

Вообще, к середине 1984 года Алексея Витальевича стало очень тяготить это его нелегальное, конспиративное положение, необходимость постоянно быть на чеку, скрываться, менять квартиры. Шебуршин всё это видел и пони-

мал, исподволь готовя почву для легализации "Десятого". Поскольку одно из изобретений, признанное ещё в 1981 году, было засекречено в НИИ государственной патентной экспертизы, то защита диссертации прошла в закрытом учёном совете. Это, как и утверждение степени Высшей Аттестационной Комиссией, послужило достаточным поводом к легализации Фёдорова. По инициативе нового начальника Пятого управления (следовательно, в действительности, с подачи Шебуршина) создали "Специальную исследовательскую лабораторию" при Пятом управлении, формально подчинявшуюся НИИ медико-биологических проблем Минздрава СССР, который, в свою очередь, фактически был учреждением, имеющим прямое отношение к обороне.

Новая лаборатория находилась в прямом подчинении начальника "Пятки", а о содержании деятельности Фёдорова никто ничего не знал и не имел права знать. Поэтому для работы Алексею Витальевичу оформили допуск "0" – самой высокой степени. Это облегчало возможность сношений с высшим начальством "Конторы" и фактическое ничегонеделание в научном смысле. Одновременно Фёдоров получил отдельную квартиру с двумя телефонами, железной дверью и охранной сигнализацией. А присвоение звания полковника вместе с должностью завлаба прекрасно обеспечивало в материальном отношении. Впрочем, последнее обстоятельство его совершенно не интересовало, произошло против его воли, исключительно по инициативе председателя КГБ.

Сам Фёдоров без тени неудовольствия работал бы и совершенно бесплатно – лишь бы где-то что-то во время поесть. Однако легализация требовала от Фёдорова определённых внешних проявлений, соответствующих его официальному положению. Сюда относились и его внешний вид, и видимость служебной дисциплины, и усвоение необходимого стиля поведения и речи. Именно эти побочные эффекты легализации доставляли Фёдорову наибольшие трудности, причиняли серьёзные неудобства. Один раз он

не выдержал и счёл возможным пожаловаться Шебуршину, сказав в заключение:

- Прошу понять, Леонид Иванович, что не о собственном удобстве беспокоюсь! Боюсь, что, поскольку я не профессионал-разведчик и не артист, то сорвусь, ляпну что-нибудь не то, не там и не так, а в результате завалю всё дело!

Генерал помолчал, видимо что-то вспоминая, и, непроизвольно поморщившись при этом, ответил:

- Да вижу я! Больше того, понимаю и сочувствую: поверишь ли – сам через такое прошёл! Давненько, правда... Ну, потерпи ещё около месяца: ведь вызовет подозрения, если я прямо сейчас переведу твою, так сказать, лабораторию в своё *прямое* подчинение. А через тридцать – тридцать пять дней, обещаю, совершенно официально и, надеюсь, без излишнего внимания посторонних переведу на особое положение.

Фёдоров невольно улыбнулся, услышав, что его соратник и официальный шеф назвал высших чинов КГБ посторонними. При этом он счёл необходимым сказать:

- Извините, товарищ генерал! Всё понял! Постараюсь не подвести!
- Да брось ты, Алексей! Какой я тебе *здесь и сейчас* генерал? В конце-то концов, давно пора признать, что ты здесь – резидент *оттуда, из будущего*, а я твой помощник, завербованный тобою агент! А вот на людях – там да, там подыгрывай!
- Само собой! Обещаю! – твёрдо ответил Фёдоров. – Извини, просто устал немного за последнее время...
- Ну да, немного! Всего каких-то там двенадцать – шестнадцать часов ежедневной работы! – с едким юмором, хохотнув, произнёс Шебуршин и закончил: – Вроде всё. Разрешите идти, товарищ резидент?

- Разрешаю! – с широкой улыбкой и чувствуя огромное облегчение (ощущение усталости почему-то бесследно испарилась), ответил Фёдоров.

Алексея Витальевича к этому времени уже давно не посещало неприятное чувство раздвоенности сознания. Он полагал, что это означало необратимость, успешность прохождения Главной бифуркации. Кроме того, он расценивал это и в качестве признака принципиальной правильности уже предпринятых шагов (мелких-то ошибок, наверное, не удалось избежать!), всей этой более чем напряжённой умственной деятельности. Память его за истекшие 19 месяцев необыкновенно обострилась. Он теперь мог вспомнить любой прочитанный им в *прошлой* жизни *будущего* текст, казалось бы прочно забытый. С точностью удавалось вспоминать хронологию тех или иных событий будущего, давать не только точную привязку ко времени, но и к именам действующих лиц. Но вот сегодня, седьмого июля 1984 года, раздвоенность сознания с прежней силой завладела им. Долго раздумывать над этим Фёдорову было ни к чему. Он мгновенно понял, что стоит на пороге новой бифуркации.

Бифуркация эта носила сугубо личный характер. Но ведь и назад в прошлое, в конечном счёте, его толкнули тоже исключительно личные обстоятельства. Кто знает, не погиб ли бы он – при всей своей патриотической настроенности – отказаться от сложившейся жизни и вернуться сюда? Скорее всего, нет! Но было и другое значение этой раздвоенности сознания, пугавшее Фёдорова: выходило, что его миссия изменения реальности может провалиться. В конце-то концов, идёт борьба двух миров! Война цивилизаций! Разбуженные им силы Сохранения и Возрождения страны пока что ещё недостаточно сильны. Всё развитие последних полутора с чем-то лет вполне может выродиться в простую девиацию. Тогда всё вернётся к исходному состоянию! Тогда *опять* Третья мировая война может оказаться проигранной – пусть

при новых фигурантах вместо надёжно нейтрализованных *известных* предателей! Нет! Рисковать он не имеет права! "Позвоню Шебуршину!" – решил он.

- Леонид Иванович, доброе утро!
- Привет, Витальевич! Ну, какие заботы? – бодро спросил генерал, но с уже хорошо известными Фёдорову интонациями, выдававшими занятость иными делами.
- Я бы не стал вас сегодня беспокоить, но появились признаки новой бифуркации!
- Та-ак! – произнёс строгий председатель КГБ, продолжив уже иным, спокойным, неторопливым, чуть мрачноватым тоном: – Что считаете необходимым предпринять?
- *Тогда* в этот день я поехал в Калининград, в поезде познакомился с будущей женой. А потом помогал матери, она ведь как раз оформила обмен квартиры на Калининградскую область. Понимаете, и *теперь*, и *тогда*!
- Та-ак... Тебя ведь сюда подтолкнуло личное горе. Так? Силы наши, разбуженные, кстати, тобой, ещё не так сильны, как хотелось бы... Думаю, что рисковать ты, то есть мы, не имеем права! Действуй! Не мне тебя учить! Денег хватает?.. Хотя, да, извини, – вспомнил генерал бессребренничество и неприязнительность своего главного соратника.

Фёдорову подумалось, как хорошо всё-таки иметь такого вот надёжного, с полуслова понимающего товарища, порядочного, к тому же ещё и при *этом положении*. Когда он твой начальник формально, а ты – его шеф неофициально.

- Я тебе оттуда позвоню, Леонид Иванович, на *тот* телефон.
- Да, да, обязательно! Я как раз хотел попросить. Ну, удачи!
- Спасибо, товарищ генерал!
- Вообще-то, в таких случаях принято посылать к чёрту!

- Вы ошибаетесь, Леонид Иванович! Вы пожелали удачи, а „к чёрту посылают“, когда желают "ни пуха, ни пера"!
- Точно так! Ну, позвони оттуда, а я тут сегодня зашиваюсь в делах по "двойке". Ты же сам меня загрузил! Ну, пока!

Едва Фёдоров поставил себе задачу поехать в Калининград, как чувство раздвоенности ослабло, стало довольно терпимым. Самым трудным оказалось взять билет не просто на нужный поезд, но ещё и в нужный вагон. Билеты в Союзе стоили дешево, были всем доступны. И эта общедоступность порождала очереди и ощущение дефицита. В остальных сферах товарно-денежных отношений к середине 1984 года был достигнут заметный для Фёдорова прогресс. Особенно в сравнении с *другой*, пережитой им реальностью. Дело-то, в общем, простое: надо было держать оборотную массу наличных денег чуть ниже совокупной стоимости всех товаров (и услуг). Новому министру финансов СССР это удалось. С самого начала Фёдоров поставил эту задачу перед Шебуршиным, хотя тот сначала и не понимал всей её важности. Но к февралю, ко дню смерти Андропова, кандидат был найден и морально подготовлен к тому, что ему предстоит стать продолжателем дел легендарного сталинского минфина Зверева. На самом-то деле дефицит *в той реальности* возник много позже, когда производство благодаря усилиям "реформаторов" сократилось в несколько раз, а полки ломились от товаров, не доступных обнищавшему народу, не располагавшему деньгами.

Билет в нужный вагон помогла взять красная книжечка – удостоверение полковника госбезопасности. Фёдоров решил в случае затруднений сразу начать именно с неё, а не с удостоверения старшего научного сотрудника НИИ МБП МЗ СССР.

Войдя в плацкартный вагон, он почувствовал, что раздвоенность стала ещё менее выраженной. Значит, пока что он всё делает верно. Но, пройдя весь вагон из конца в

конец, он не увидел той единственной, которая в прежней жизни стала его женой. Это настолько расстроило доктора наук, завлаба, полковника и профессионального конспиратора, что глаза его повлажнели. Чтобы скрыть это, он повернулся спиной к соседям по отделению, будто бы поудобнее пристраивая чемодан. Проход при этом оказался полностью перегороженным его широкими плечами бывшего атлета.

— Можно, я пройду? — услышал он за спиной тихий, вежливый и такой знакомый, родной голос, что выронил чемодан. Тут же попытался его перехватить на лету.

Этого сделать не удалось. Он повернулся лицом к задавшей вопрос стройной темноволосой девушке, и лицо его густо заалело. Это была ОНА! В *той* жизни всё произошло несколько иначе. И диссертацию жестокий Аполлоша в *тот* год ещё не пропустил к защите, и ОНА уже сидела в вагоне, а он появился позже, и чемодан выпал из рук не у него, а у *неё*. Фёдоров заволновался, но тут же сумел взять себя в руки. Всё же долгие месяцы конспиративной работы в паре с главным разведчиком страны многому его научили. Да, и знание будущего помогало. Наконец, и это было главным, раздвоенность сознания полностью исчезла. Ко всему прочему, он превосходно знал *её* вкусы и предпочтения. Знал, что и как следовало говорить, а о чём умолчать. Глянув на лицо девушки, вошедшей в *его* отделение вагона, он со своим шестидесятилетним жизненным опытом понял, что уже отмечен ею. Благодаря своему знанию характера этой девушки, столь дорогой ему, увидел, что отмечен положительно. В *той реальности* это случилось позже, на развитие отношений потребовалось несколько лет. Впрочем, поскольку критерий раздвоения сознания молчал, выходило, что он и вправе, и может несколько ускорить развитие событий в своей личной жизни.

Но в данный момент он не спешил входить в контакт со своей будущей женой, помня из *той* жизни, что более

близкое знакомство началось лишь после того, как проводница принесла чай. Наконец, чай был принесён. И тут Фёдоров допустил, как ему показалось, ошибку.

- Садитесь, Виктория Петровна, ближе к окну, - предложил он. – Ведь это же ваше место. Моё верхнее.

Девушка вкинула на него удивлённый, пожалуй, даже чуть испуганный взгляд своих сероватых глаз с зелёными искорками:

- Откуда вы меня знаете?!

Фёдоров спохватился, испугался, опять покраснел, что было с ним в жизни всего несколько раз, а сегодня вот уже второй раз подряд. Он замялся с ответом и подумал, что при всём прекрасном знании характера, привычек, симпатий и психологических особенностей своей жены *в той жизни*, ему трудно будет завоевать её расположение *теперь*. Но чувство раздвоенности не возникало. Он заметил, что и заминка с ответом, и смущение вызывают у девушки всё больший интерес к нему. Поэтому Фёдоров помолчал секунду, а потом очень тихо сказал:

- Вы ведь в Калининград поступать едете? А в Москве была неудача. Понимаете, я институтский работник... Кое-что знаю...

Фёдорову было известно, что он выглядит гораздо моложе своих неполных тридцати шести лет, но ведь девушке будет в декабре всего-то двадцать четыре. Не кажется ли он ей стариком? Не выдают ли его глаза, о старости и умудренности которых ему говорил Шебурашин ещё в начале их знакомства? Впрочем, недавно, в День Победы, он сказал, что по глазам Фёдорова теперь уже невозможно определить его психологический возраст. Но Алексей Витальевич напрасно волновался и переживал: Виктории его ответ пришёлся очень по душе:

- Ой! Правда?! А вам знаком Калининградский университет? Да?! А как вас зовут?

Фёдоров счёл, что не будет опасным выдать своё прекрасное знание и города, и университета, где в прежней жизни ему довелось работать. Дальнейшая беседа уже не представляла для Алексея Витальевича труда. А результатом её стало явное расположение и неподдельный интерес девушки к его персоне, развившиеся к концу поездки в явную симпатию. Способствовала психологическому сближению и деликатность Фёдорова. Виктория видела, что очень нравится Фёдорову. "Пожалуй, он даже влюблён в меня!" – подумала девушка. При этом Фёдоров держался так, что было ясно: у него и мысли нет покуситься на её честь. Это также располагало девушку к нему. Но ещё больше её привлекала в нём какая-то тайна. Во-первых, новый знакомый упорно и ловко уходил от ответов на вопрос о том, где же он всё-таки работает, в каком вузе, есть ли у него учёная степень или звание (как там это у них называется?). Во-вторых, Алексей Витальевич временами говорил с ней *так*, что ей казалось, будто они знакомы давным-давно, будто он читает в её душе, как в открытой книге. А уж что – что, но тайны Виктория обожала. Потому и пробивалась на юрфак, чтобы раскрывать их, стать следовательницей. Алексей прекрасно знал об этих романтических представлениях Вики, не слишком соответствовавших действительности, но разоблачать их не собирался.

Фёдоров заметил, что незадолго перед отходом ко сну, когда уже завершилась беседа, интересная и увлекшая обоих, Виктория посмотрела на его руки, явно ища обручальное кольцо или след от него. Почти сразу после этого, не выдержав неизвестности, девушка спросила:

- А вы к жене едете, Алексей Витальевич, в командировку или в гости?
- Нет, Виктория Петровна, не к жене, потому что я

холостяк, лабораторная крыса и никогда не был женат. И не в командировку, потому что у меня отпуск. А еду я к маме, которая только что обменяла свою квартиру в Брянске на Калининградскую область. Надо помочь...

Таким ответом, Фёдоров сразу это понял, он окончательно покорила девушку – свою бывшую (в прежней жизни) и будущую (как он надеялся, в жизни *этой*) жену. Он её ни в чём не обманул, но о многом сознательно недоговаривал. Так было и с ответом о мамином обмене квартиры. Виктория наверняка решила, что Фёдоров встречал её раньше в Брянске, когда приезжал к своей матери из Москвы. "Наверное, тогда и влюбился в меня", – решила она. Довольно позднее время исключало возможность уточнения этих предположений, как и выяснение прежнего адреса матери Фёдорова. Зато появлялась возможность построения таких гипотез и догадок, которые лишь шли на пользу, работали на укрепление *особого отношения* к нему, едва только зарождающегося в ней.

В Калининграде Алексей Витальевич проводил Викторию до самого университета. Там ему неожиданно легко удалось договориться о размещении её в общежитии на время вступительных экзаменов. Потом Фёдоров решил поговорить с председателем приёмной комиссии. Ему хотелось слегка помочь Вике в поступлении на юридический факультет, подстраховать её. Поскольку чувства раздвоенности при этом не возникло, он решил, что все его действия пока что правильны. Председателем оказался профессор Прокофьев, хорошо знакомый Фёдорову по *той* жизни. Он показал ему своё удостоверение НИИ МБП Минздрава СССР, где были указаны и степень, и звание. Рассказал о прошлых неудачах настойчивой девушки из Брянска в поступлении, упомянул при этом, что приехал сюда в отпуск к своей матери, которая переехала сюда тоже из Брянска. А

298

потом спросил, что бы уважаемый профессор и председатель комиссии посоветовал, чтобы помочь девушке избежать неудачи при поступлении. Прокофьев стал давать ему советы, в ответ на каждый из которых Фёдоров кивал головой, не особо слушая. Прокофьев, видимо, заметил это, потому что прервал самого себя и спросил в лоб:

- Вы чего так волнуетесь, коллега? Невеста что ли?
- Что вы! Почему сразу невеста? Землячка, очень толковая девушка, но, боюсь, что прежние неудачи ей помешают! – ответил Фёдоров, всем своим видом невольно подтверждая догадку шефа приёмной комиссии.

Расстались они очень хорошо. Теперь Фёдоров был уверен, что Викторину на вступительных экзаменах "заваливать" не станут. Забежав в общежитие, Фёдоров не сразу нашёл нужную комнату, а найдя её, постучал в дверь. В ответ он услышал тот самый негромкий грудной голос, который был знаком ему четверть века, больше, чем нынешний возраст девушки:

- Да. Войдите!

Фёдоров не замедлил войти и тут же начал пересказывать советы, услышанные от Прокофьева. Он *знал*, что шепетильной Виктории факт его визита к председателю приёмной комиссии не понравится. Поэтому постарался нейтрализовать недовольство такой фразой:

- Вот что мне сейчас удалось узнать, Виктория Петровна. Сначала скажу, что вам надо поторопиться, потому что время приёма документов истекает. Можете не успеть, а мне бы так хотелось, чтобы вы поступили...

Передав советы Прокофьева и не дожидаясь ответа, он ушёл на Северный вокзал, чтобы добраться оттуда на светлогорском поезде к матери, которую уже так давно не видел.

Двери остановившегося вагона распахнулись как раз перед Фёдоровым, ожидавшим электрички на нижней платформе. Это не было удачным совпадением: в *прежней* своей жизни он специально наловчился выбирать такое место на нижней платформе, чтобы зайти в вагон одним из первых, усесться у окна и там ещё сорок минут поработать над бумагами. Сейчас оказалась свободной короткая скамья, первая от входа. Так что не пришлось стоять в ожидании, пока освободится место. Можно было отдаться мыслям, детально обдумать последующие действия. Фёдорову вспомнилось, как трудно ему давалась акклиматизация здесь *тогда*, в прежней действительности. Его всё время познабливало, а попробовав несколько раз искупаться в море, он удивился: как это другие совершенно спокойно, с видимым удовольствием входят в воду – ведь не все же они "моржи"! Конечно, море, расположенное на Севере Европы, далеко не такое тёплое, как Чёрное. Бесспорным было и то, что море смягчало климат, делая зиму более мягкой, а лето заметно прохладнее, чем на континенте. Но, глядя на термометр и гигрометр, Фёдоров тогда не находил объективных причин для чувства озноба, почти не покидавшего его. Во всяком случае, и в Воронеже, и в Москве при такой температуре и влажности он никогда не мёрз.

Тогда, перед переездом сюда, он интересовался всем, что касалось предполагаемого нового места жительства, где имелся солидный шанс быстрого получения квартиры. Алексей Витальевич прочитал всё, что смог найти об этой земле. Ничего необычного, такого, что могло бы удивить, не попадалось. Кроме разве того факта, что уж слишком много здесь родилось или работало людей, прославившихся своими делами. Например, писатели, такие, как Гофман, астрономы, как Бессель и Коперник, философы, как Кант... Да, всех было не счесть.

Уже поселившись здесь, Фёдоров узнал и иные факты, которые позволяли предполагать наличие в этом краю на

Юге Балтики некой природной, геофизической флюктуации, которая, в частности, обуславливала не только рождение или проявление людских талантов, но и вызывала самую высокую во всей стране частоту самоубийств. Впрочем, такие сведения не публиковались, как и данные о военных заводах, проявивших здесь весьма высокую успешность. Но специалисты-то об этом знали! В частности, психиатры знали не только о частоте самоубийств, но и о том, что у людей, предрасположенных к душевным болезням, последние зачастую проявляются после переезда сюда. Из всего этого следовало, что здесь, на этих землях, на психику людей воздействовал какой-то природный фактор, ещё точно не установленный. Что же касается успеха новаторской деятельности военных заводов, то и здесь имелись общедоступные сведения. Например, о том, что первые немецкие ракеты Фау-1 и Фау-2 проходили испытания и изготавливались здесь, в Кёнигсберге и в его окрестностях.

Много позже *в той жизни* Фёдорову стали известны и выдающиеся успехи советских предприятий оборонного назначения. Ведь именно здесь был создан сверхкомпьютер, долгие годы служивший предметом чёрной зависти американцев, которым не удавалось не только серийно выпускать, но даже и разработать нечто сравнимое. Здесь также работало и необычайно успешное предприятие космической отрасли, впоследствии рассекреченное. Словом, было что-то такое во внешних условиях этой области, что влияло на творчество, на способности людей. Это стало предметом исследований. В качестве гипотезы в узких кругах широко говорили о геофизических аномалиях, но толком, в достаточной степени, ничего так и не установили.

Однако аномалией воспользовались – разместили несколько важных оборонных предприятий. Впрочем, не только оборонных. НИИ океанологии имени Ширшова прославился своими подводными аппаратами "Мир", которые также служили предметом зависти США. В девяностые годы

один такой глубоководный аппарат был позаимствован ими "для съёмок подводных сцен" фильма "Титаник", вместе с исследовательским судном "Витязь". Клеветническая интерпретация реальных событий в том фильме послужила потом предметом судебных разбирательств, приведших к большим, но и заслуженным, убыткам для режиссёра.

Фёдоров, задумавшись обо всём этом, поймал себя на мысли, что сейчас, в *этой*, изменённой реальности он здесь совершенно не мёрзнет, что акклиматизация ему вовсе не нужна. А так как он отличался от себя самого, прежнего, лишь двойным сознанием, то нетрудно было догадаться, что все его давешние, связанные с акклиматизацией ощущения, все эти геофизические факторы – именно результат прямого воздействия на психику. Что, впрочем, предполагалось и прежде. Не может ли оказаться так, что, прибыв сюда, – в эти края, из которых он отправил в прошлое своё сознание, свою информацию из будущего, – он натолкнётся на что-то такое, что в том или ином направлении повлияет на весь затеянный им процесс исправления реальности, предотвращения той искусственно вызванной катастрофы, которая поразила всю страну?! Едва мелькнув, эта мысль вызвала сильнейший страх: а не зря ли он сюда приехал, не повредил ли этим визитом тому делу, ради которого решился на то, чтобы прожить свою жизнь во второй раз? Фёдоров прислушался к себе: нет, не было и следа тех признаков раздвоенности сознания, тех ощущений, которые всегда предупреждали об опасности, о возможной ошибке. Но теперь Фёдоров уже не мог успокоиться. Тревога за дело всей его удвоенной жизни, за ту роль в развитии страны, которую он взвалил на себя, в несколько секунд выросла до нестерпимых размеров.

Впрочем, за время второй жизни в прошлом Фёдоров научился почти идеально себя контролировать. И теперь ни жестом, ни мимикой себя не выдавал. Ему лишь хотелось скорее добраться. Нет, даже не до своей матери, которую он в последний раз в жизни видел убитой НАТОвцами – *ещё*

в той реальности. Его тянуло побывать в том месте, где все эти чудовищные события произошли. Ему *нужно было* очутиться там, откуда он отправил своё сознание на четверть века назад...

Из состояния тревоги и задумчивости Алексея Витальевича вывел нараставший шум голосов в вагоне. Поезд только что миновал остановочный пункт Переславское, а за окнами внезапно появился густой туман, непроглядный даже на один метр. Это природное явление и послужило причиной обсуждения его пассажирами. Голоса были негромкими, спокойными. Фёдоров же усилием своего сознания из будущего вспомнил, как он ехал в сторону Светлогорска *тогда*, в прежней жизни. Да, тогда здесь тоже появился поразивший его туман, но какой-то тревоги это у него не вызвало. Просто было интересно: вдруг, в самый разгар солнечного летнего дня возник плотный, густой туман, взявшийся непонятно откуда. *Теперь* же Фёдоров был поражён одной не весть откуда взявшейся мыслью: внезапно, полностью, в мельчайших деталях он увидел перед собой как бы эскиз, чертёж той установки, которая теоретически могла позволить временно отправить любого человека в его же собственное будущее. Одновременно Фёдоров отчётливо увидел как бы список тех опасностей, рисков, которые грозили человеку при таком эксперименте. Ясным стало также и то, что не всякого человека можно отправить на разведку в будущее, но лишь тех, кто отвечал совершенно определённым ("таким-то и таким-то") психофизиологическим требованиям.

От этих мыслей Фёдорова оторвало чьё-то прикосновение к его плечу и произнесённый озабоченным голосом вопрос:

— Товарищ! Что с вами? Вам плохо?

Фёдоров перевёл взгляд от спинки переднего сиденья на своё плечо, а оттуда на лицо спрашивающего.

Это был моложавый подполковник медицинской службы, как *помнил* Фёдоров из своего будущего в *прежней* реальности, начмед военного санатория МО СССР. Алексей Витальевич улыбнулся и ответил:

- Спасибо! Нет, всё хорошо. Просто задумался о будущем эксперименте, коллега!

Подполковник понимающе кивнул головой, тоже слегка улыбнулся и вернулся на своё место в проходе. Фёдоров подвинулся на коротенькой скамеечке и пригласил начальника медицинской части военного санатория:

- Садитесь, пожалуйста! Извините, что не пригласил раньше. Задумался! Вообще-то считается, что тут есть место для двоих!

Подполковник с сомнением взглянул на широкие плечи Фёдорова, на его крупную фигуру, но всё же принял приглашение. Устроившись на краешке скамьи, он с симпатией спросил:

- А вы, извините, где работаете, если не секрет?
- Да тут, в одном месте, – отрывисто ответил Алексей Витальевич. И согласно вдруг нагрянувшей ему в голову идее завершил: – В филиале НИИ МБП!

Подполковник кивнул, и лицо его сразу посерьёзнело. Как и рассчитывал Фёдоров, любому военному медику из старших чинов было известно, что хотя институт и числится за Минздравом, но связан на деле с оборонными работами. В таком случае разговаривать на эти темы в поезде не стоило. А Фёдоров смог, не обидев понравившегося ему человека, вновь погрузиться в свои мысли. Прежде всего, он попытался детально вспомнить спонтанно пришедшую мысль о схеме установки для визитов в будущее, от которой его отвлек офицер. Это удалось без труда. Вспомнив все подробности, возникшие в его сознании как бы из ничего, Фёдоров постарался их покрепче запомнить, набросав в

блокноте шариковой авторучкой схему, понятную ему одному. Подполковник с интересом и уважительно поглядывал через плечо Алексея Витальевича, ничего, впрочем, не понимая.

А Фёдоров, завершив в блокнотике свои пометки, перешёл к обдумыванию другой своей идеи – организационной, возникшей в момент контакта с работником военного санатория. Конечно, никто ему не откажет, если он предложит основать нечто вроде специального НИИ здесь, на калининградской земле. Но обосновывать это следовало не мыслями своего двойного сознания и уж, конечно, не "воспоминаниями о будущем". Тем более для высокой правительственной комиссии, которая решает подобные вопросы и членам которой ничего не было известно ни о роли Фёдорова, ни даже о нём самом (да, и саму идею создания НИИ Леонид Иванович припишет кому-нибудь подходящему, найдёт человека!) Впрочем, обоснование пришло тоже как бы само собой. Ничего удивительного в этом не было. Алексей Витальевич уже давно, в сущности, сразу после своего первого контакта с тогдашним начальником ПГУ КГБ СССР, подумал: "Хорошо было бы изобрести способ, установку для хотя бы для кратковременных визитов в будущее, но обязательно с возвращением назад. Это дало бы столь нужную цепь обратной связи, обеспечило бы контроль правильности вносимых изменений!" Мелькнув, эта мысль не исчезла, а лишь затаилась на время в укромных уголках сознания.

Конечно, забот у Фёдорова более чем хватало. Но уже после второй встречи с генералом мысль о разработке способа контроля не покидала его. Фёдоров эти мысли не тормозил, но и не обдумывал их специально. Он хорошо знал за собой такую особенность, что, не забывая о своей вроде бы неисполнимой идее, но и не думая над ней целенаправленно, избирает тем самым наилучший способ её созревания. По ночам его мозг временами вырабатывал такие идеи и решения, которые уже не раз не только служили

схемами наиболее удачных экспериментов, но становились основой последующего развития в качестве объектов изобретений. Так что мысли, пришедшие для обоснования размещения нового НИИ, были просты, понятны и весомы.

Первым из обоснований стало то, что единственным производителем сверхмощных ЭВМ в стране было одно из предприятий Калининграда, а необходимость постоянного контакта между заказчиком сверхкомпьютера и его производителем уже была достаточным обоснованием размещения здесь *специального* филиала НИИ. Ещё не доехав даже до остановки "Пионерский курорт", Фёдоров успел надлежащим образом продумать всю схему обоснования своей идеи.

Благодаря знаниям, доставшимся из будущего, Фёдорову не пришлось разыскивать маленький домик, ещё немецкой постройки. Теперь в нём было две квартиры, одну из которых мама получила путём двойного обмена (через Брянск). Чувствуя, как кровь стучит в висках, испытывая одновременно и тревогу, и радость от предстоящей встречи с матерью, Фёдоров помедлил ещё несколько секунд и постучал во входную дверь (звонка здесь не было).

- Да, да! Открыто! – послышался знакомый, родной голос мамы.
- Здравствуй, ма! – сказал Фёдоров, входя в дом. Мать его стояла на стремянке, на самой высоте и оклеивала обоями потолок, расстояние до которого от пола явно превышало три метра. Была она вся такая бодрая, жизнерадостная и ловкая, что мелькнувшая было мысль "как бы не упала" тут же исчезла.
- Лёшечка! Сыночек! – произнесла мама, ловко спускаясь со стремянки.

Фёдоров наклонился, обнял маму и ощутил нежный – особый и родной – запах, исходивший от светлых волос, выбившихся из-под платка, запятнанного обойным клеем. Это был тот самый аромат, который прежде нередко вызывал какие-нибудь из воспоминаний раннего детства, а сейчас напомнил нечто совсем другое. Вспомнилась смерть мамы, её похороны в *той*, предпоследней действительности, когда он оказался невольным виновником сразу двух смертей – и маминной, и не родившегося собственного ребёнка. *Ту* реальность удалось исправить, а ошибки преодолеть и предотвратить. Дай-то Бог, чтобы *теперь* всё предпринятое им, чтобы все усилия поверивших ему серьёзных людей не оказались напрасными, чтобы изменения стали *необратимостью*. Только не такой, которой добивалась и добились-таки в *той реальности* горбачёвско-американская шайка! И ему самому, да и всей стране нужна была необратимость совсем иного рода – противоположная подлым планам этих врагов и негодяев! Во всяком случае, следовало обеспечить необратимый выход страны из того тупика, который в иной реальности именовали "рыночным развитием" и "магистральным путём развития человечества".

Сейчас, с высоты своего двойного жизненного опыта, своего совмещённого из двух реальностей сознания, он совсем по-другому смотрел на свою мать. Ему стало её пронзительно жаль. Она ведь сюда приехала жить, совсем одна, лишь в надежде, что в эту курортную местность будут наведываться её взрослые, самостоятельные дети. Ей ничего ещё не было известно ни о грядущем через год приезде его младшего брата, ни о предстоящем переезде сюда самого Алексея. ("Стоп! – остановил он себя. – Это было предстоящим в *той* реальности. Теперь же это лишь возможное будущее! Никто пока ещё не решил создавать здесь специальный НИИ!"). Мама, с её всегдашней проникающей глубиной, мгновенно поняла Фёдорова, потому что бодро и подчеркнуто уверенно сказала:

- Ну, что ты меня жалеешь?! У меня всё хорошо! Всё в полном порядке! А вот как *твои* дела? Ведь ты же ничего не написал о диссертации!
- Как это не написал? – удивился и даже обиделся Фёдоров, но сразу сообразил: – Похоже, из-за твоего обмена и переезда ты просто не получила моего письма. А дела мои – вот! – Алексей Витальевич достал из кармана служебное удостоверение НИИ МБП, где значились и должность, и учёная степень.

Мама бережно вернула сыну "корочки", взглянув на него одновременно и с чувством гордости за его успехи, и с некоторой грустью, выдававшей невысказанное желание, затаённую надежду, что сын переедет сюда, найдёт работу в университете или ещё где-нибудь поблизости. Теперь-то, как она сразу оценила, при таком-то положении сына в большой науке, это вряд ли осуществимо. Были у мамы, по-видимому, и надежды другого рода, потому что она спросила:

- А подругу жизни ты себе ещё не нашёл? Хотя, где уж там, при таких делах и заботах, – глянула она на карман, куда Фёдоров положил своё удостоверение.

Алексей Витальевич решил, что надо успокоить мать ещё и в этом отношении. Тем более, что не появилось никакой раздвоенности сознания, ничего такого, что предвещало бы ошибочность, преждевременность его объяснения:

- Знаешь, загадывать рано, говорить со всей определённой тем более, но... Кажется, появился очень хороший шанс! Всё! Больше не скажу ни слова! Давай, лучше пойдём на море, проветримся!
- Кстати, а как ты меня нашёл? Долго блуждал, наверное, по нашим закоулкам?

Фёдоров ответил, что это оказалось совсем не трудным, хотя он не стал, конечно, извещать мать о своём прекрасном многолетнем знании местности, этого вот

домика, городка, его окрестностей. Вскоре они были уже у моря. Мать повела его к ближайшему спуску с высокого берега к полосе прибоя. Здесь стояла старая, без многих ступенек, ещё немецкая лестница. Выход к ней был загорожен сетчатой железной оградой около полутора метров высотой. Без малого шестидесятилетняя женщина с лёгкостью подростка перемахнула через эту изгородь и, задорно улыбаясь, повернулась к сыну:

- Ну, что же ты замешкался? Или совсем москвичом стал, стесняешься?!
- Ещё чего! — ответил Фёдоров и с почти такой же ловкостью перелез через ограду.

Вскоре они шли по самой кромке берега, отпрыгивая от периодически накатывавшихся более крупных волн прибоя. Фёдоров неосознанно увлекал мать к востоку, туда, где стояло полузатопленное греческое судно, разбившееся здесь много лет назад. Лет через двадцать, в иной реальности его разрежут на куски и продадут как металлолом. Какая судьба ждёт этот пароход теперь — в исправляемой реальности, предвидеть он не брался. Солнце сияло в вышине, окружённое розоватым ореолом, но здесь не оказалось и следа того плотного тумана, который застал Фёдорова в дороге. Хотя и не спеша, но бодрым шагом они с матерью продвигались в намеченном направлении по кромке прибоя, беседуя на ходу. Фёдорова более всего интересовали обстоятельства, связанные с обменом квартир и переездом, в котором, к его сожалению и стыду, он совершенно не смог ничем помочь. Его мать, напротив, считала, что Алексей не вправе был бросать свои дела в Москве (связанные, как она ошибочно считала, лишь с защитой докторской диссертации, не предполагая государственной значимости его действительных дел и занятий). Привыкшая с ранней юности к труду и трудностям, она никогда не роптала на судьбу, заражая своей жизненной стойкостью всех, кто её окружал.

По направлению к Зеленоградску обрывистый берег постепенно становился ниже. Если возле Светлогорска к морю приходилось спускаться с высоты более тридцати метров, то здесь, возле ржавого греческого парохода с огромной пробоиной в борту, берег был втрое ниже. На самой его кромке располагался заброшенный маяк, ещё довоенной постройки. Одна из его бетонных опор обнажилась, выступив наружу из песчаных пород берега, регулярно подмываемого зимними штормами.

— Давай, поднимемся к маяку, — предложила мама.

Фёдорову и самому хотелось того же. Он давно уже сдерживал нетерпение, всё более охватывавшее его с каждым шагом, приближавшим их к месту отправки из будущего. Стараясь не выказать внутреннего напряжения, прислушиваясь и к своим внутренним ощущениям, и к словам матери, Фёдоров дождался, пока она полюбуется с высоты морем и рассмотрит полузатопленный корпус парохода, накренившегося на отмели, а затем потянул свою мать к сосняку. Но едва оба они углубились на сотню метров в молодой лес, воздух которого был густо напоен запахами хвои, как Фёдоровым овладело странное, доселе ещё не испытанное ощущение. Нет, это не было тем чувством раздвоенности сознания, которое уже не раз помогало ему выработать правильное решение при очередной малой бифуркации. Напротив. Теперь Фёдоров как бы перенёсся в будущее, одновременно оставаясь здесь же, со своей матерью. Лес выглядел крепче, выше, как бы повзрослевшим на четверть века и казался окутанным довольно плотным туманом. Среди этого тумана едва виднелись трёхэтажные корпуса. Прямо перед лицом Фёдоров различил полупрозрачную табличку, на которой, как ему показалось, было написано "Лаборатория № 10 МО СССР".

Внезапно свет в глазах Фёдорова померк, и, чувствуя сильное головокружение, он медленно осел на землю,

укрытую толстым слоем старой хвои, поросшей нежной, приятно пахнущей травкой.

- Лешечка, что с тобой? Тебе нехорошо? – услышал он испуганный голос матери, встревожившейся не на шутку.

Открыв глаза, он увидел, что туман не стал менее плотным, что посреди него едва различимо виднеются корпуса, но колючая проволока и табличка исчезли. Головокружения тоже не было. Следовало как-то успокоить мать. Поэтому он бодро поднялся, отряхнул с брюк прилипшую к ним хвою и произнёс:

- Воздух-то смотри какой! Сплошной кислород! Не привык я к такому в Москве. Голова закружилась! Это называется гипероксией. И вообще я здесь не акклиматизировался ещё... А ты что-нибудь в тумане видишь? Вроде бы постройки какие-то? Или это мне кажется?

Мама посмотрела на него. Было заметно, что тревога за сына стихает. Его объяснения показались ей убедительными. Затем она огляделась, чуть прищуриваясь:

- Ничего не могу разобрать... Но такой густой туман вижу впервые!
- Давай пройдем через лес, – предложил Алексей Витальевич. Но мама отказалась: она находила это рискованным – идти через незнакомый лес, в тумане – можно заблудиться.

Фёдоров всё же углубился в туман ещё немного. Оглянувшись через десяток шагов, он не смог рассмотреть мать и бодрым голосом крикнул ей:

- Ау! Где ты? Отзовись! Пойду на голос!

Он уже направился было к выходу из леса, услышав ответ матери, но тут им овладело хорошо знакомое чувство раздвоенности сознания: он почувствовал себя и здесь, и в

том своём прошлом, которое было тут для всех будущим, тем будущим, которое *нельзя было допустить*. Это означало, что он что-то делает не так. Что же? Над ответом долго думать не пришлось. Ведь он же совсем недавно, в поезде, пришёл к идее создания здесь специального НИИ, ну, предположим, лаборатории изучения перемещения сознания во времени. Ведь при этих размышлениях он непроизвольно территориально связал такую лабораторию или филиал НИИ именно с этим самым леском, где совсем недавно ему мерещились какие-то корпуса, ограда, табличка! И всё это, весь этот удивительный мираж был виден ему одному, оставаясь недоступным его матери.

Продолжая периодически откликаться на крики Ольги Алексеевны, звавшей его к выходу из леса, окутанного туманом, Фёдоров повернулся и углубился в него. Былое ощущение раздвоенности сразу же почти полностью исчезло, а корпуса, ограда... Они стали такими отчётливыми, что, казалось, протяни руку и ощутишь шершавость распространившегося в начале XXI века "короеда" – специальной штукатурки. "Да! Здесь создадим лабораторию... хронороники!" – решил Фёдоров, мгновенно придумав и название пока ещё не существующей науки о взаимосвязи сознания и потоков или, скажем, волн, времени. Раздвоенность сознания при этом решении бесследно исчезла. Как, впрочем, растаял и призрак корпусов пока ещё не созданной лаборатории.

Бодрым шагом, переключаясь с матерью, Фёдоров вышел из леса. Взглянув в последний раз на него, Алексей Витальевич увидел, что и туман начал редеть, рассеиваться.

- Ну, ма! – обратился он к матери, предупреждая её вопросы, ответить на которые не имел ни возможности, ни права. – Пойдём назад! А тумана такого я давненько не видел. Действительно, поплутал немного! Но, знаешь, интересно: будто в облако вознёсся! А опасности никакой, мне ещё в поезде рассказали об этом леске: он очень

маленький. Где-то здесь, совсем рядом, колхоз-миллионер расположен.

Тут, будто в подтверждение его слов, послышалось многоголосое коровье мычание. Похоже, что животные находились совсем близко, метрах в двухстах, на ферме или на пастбище. От этих коровьих голосов Фёдорову стало легко на душе. Он слишком хорошо помнил, ведь *для него* прошло меньше двух лет, как видел этот богатый колхоз уже разорённый, разрушенный „реформами“, как было вырезано всё стадо, а фермы снесены до основания. А сейчас, *в этой реальности*, всё жило, работало, процветало.

— Молочка бы сейчас... парного! — молвил Фёдоров матери, которая откликнулась:

— Да, я бы тоже не отказалась.

Вскоре они были дома. Какое-то время Фёдоров помогал матери в оклейке квартиры обоями. Потом, взглянув на часы, сорвался с места, объяснив, что опаздывает сделать необходимый, заранее условленный звонок в Москву. На переговорном пункте почти никого не было, и удалось быстро связаться с генералом по тому самому номеру, о котором они заранее условились ещё до выезда сюда. В скупых, понятных лишь им двоим выражениях, Фёдоров объяснил Шебуршину ситуацию, намекнул, что придумал здесь способ контроля правильности предпринимаемых мер и действий, а также и возможной "поездки" генерала для этого контроля. Его всемогущий начальник и одновременно помощник и друг мгновенно всё понял и попросил Фёдорова *съездить* в Москву сразу же, как только он завершит необходимые дела. По той мелочи, что генерал употребил слово "съездить" вместо "вернуться", да ещё и несколько выделил это слово тоном, Фёдоров понял, что тот не только понял вещи, на которые по открытой связи можно было лишь намек-

нуть, но и принял его план. Принял и уже рассматривает его, Фёдорова, как постоянного жителя Калининградской области.

В последующие дни, помогая матери завершить приведение квартиры в порядок, Алексей Витальевич ещё несколько раз ходил в *тот* сосновый лесок. Побывал он и на пустыре, где в прежней реальности спустя годы должен был появиться его дом. Всякий раз при этих походах он чувствовал наступление нового ощущения, как будто связанного с будущим. Правда, ощущение это было не таким сильным, как в первый раз. Но, освоившись, Фёдоров постепенно научился использовать его возникновение в тех же целях, что и неприятное чувство раздвоенности сознания. Он приходил сюда, в лесок – в окрестности будущей лаборатории хронотроники и будущего (и, одновременно, бывшего) личного дома, чтобы контролировать правильность своих планов и действий, соответствие или несоответствие их *желательному* будущему, такому, в котором *не будет, не сможет осуществиться* ни расчленение страны, ни появление предателей во главе её, ни разграбление ресурсов, ни экономический крах, ни оккупация НАТО, ни гибель его семьи. Обычно он садился на кочку или прямо на землю, чуть прищуривал глаза и, глядя так вперёд, начинал усиленно думать о своих предстоящих действиях. Если при этом возникал мираж с корпусами лаборатории, то он расценивал планируемые действия как правильные. Если же мираж редел, начинал рассеиваться, то он полагал это признаком ошибочности своих планов.

Подобные размышления требовали такой невероятной сосредоточенности и столь огромных мыслительных усилий, что после четвёртого "сеанса планирования будущего" Фёдоров почувствовал себя полностью измождённым. Нечего и говорить, что это состояние было замечено его заботливой и проницательной матерью, вызвало нежелательные расспросы. Фёдоров, не терпевший никакой лжи в отношениях с родными, вынужден был изворачиваться и,

сославшись на неотложные дела в Москве, отправился к Шебуршину. Перед отъездом зашёл в университет, подгадав время своего прихода так, чтобы как будто случайно встретиться с Викой. Но случилось так, что она и вправду увидела его первой.

- Ой, Алексей Витальевич! А я думала, что вы в Москве!
- Сегодня уезжаю, – ответил Фёдоров, заметив, что при этих словах тень печали появилась на лице Виктории. – Зашёл вот узнать, как у вас дела...
- У меня одни пятёрки! Так что, можно считать, поступила! – с гордостью ответила девушка и, немного помолчав, осторожно подбирая слова, спросила: – А вы... ещё приедете... навестить свою маму? – И тут же, спохватившись, поняв, что раскрыла свой интерес к нему, не дожидаясь ответа, заторопилась: – Вы ведь мне так помогли! А я ещё хотела посоветоваться... насчёт учёбы...

Фёдорова такое развитие событий вполне устраивало. Широко улыбнувшись, он ответил, внимательно следя за выражением лица собеседницы:

- Тут иное, Виктория Петровна. Приезжать к маме больше не собираюсь... (Выражение скрываемой печали вновь появилось на лице Виктории). Мне сюда шеф звонил... В общем, месяца через два перееду сюда насовсем! – И, заметив выражение радости на лице Вики, он предложил: – Ну, что же, может быть, пройдемся, немного поговорим о предстоящей учёбе?
- О! Давайте! У меня столько вопросов...

Около часа они провели в кафе, неподалёку от университета, беседуя отнюдь не только о предстоящем студенчестве. Алексей умело, используя свои знания о Виктории, направлял беседу в интересное для неё русло, одновременно закрепляя интерес собеседницы к самому себе. При этом ему приходилось избегать опасности

получить прямой вопрос о своём должностном положении. Он знал, что недомолвки не пройдут, а прямая ложь будет тут же разоблачена его чуткой и наблюдательной собеседницей. Всё это он расскажет ей потом, уже работая здесь, а пока нельзя: слишком большая разница в социальном положении может оттолкнуть Вику. До опасных тем, по счастью, дело не дошло. Взглянув на часы, Фёдоров оборвал себя на полуслове.

- Ну, всё! Стоп! Так я и на поезд, чего доброго, опоздаю!— сказал он, поднимаясь из-за столика, стоявшего в уютном уголке кафе, и вглядываясь в глаза собеседницы. Уловив в них грусть, он счёл возможным достать из кармана заранее заготовленную библиографическую карточку, на которой записал свой московский адрес и домашний телефон.
- Звоните, не стесняйтесь! Мне очень интересно будет узнать, как ваши дела... Вообще, всё интересно. Звоните! Ну, до свидания!
- До свидания, — очень тихим голосом и почему-то отводя взгляд, ответила Виктория, помолчала и вдруг, сорвавшись с места, тихо, но совершенно отчётливо уже на ходу скороговоркой произнесла: — Я вас люблю!

Приехав в Москву, полковник первым делом позвонил из телефона-автомата Шебуршину, условился о немедленной встрече. Смертельно уставший Фёдоров очень кратко доложил генералу результаты своей поездки и намётки плана действий. Этого было достаточно, поскольку они уже давно понимали друг друга с полуслова, а то и вообще без слов — по жесту, мимике. Председатель КГБ тоже заметил, что его подчинённый и одновременно шеф утомлён до крайности. Выслушав лаконичный доклад Фёдорова, он озабоченно покачал головой и сказал:

- Ну, вот что, Алексей Витальевич! Так дальше не пойдёт! Вижу, поездка недёшево обошлась вашему здоровью!

А ваше здоровье – ценность общегосударственного, да что там! – цивилизационного значения! В общем, минимум неделю – две придётся подлечиться! Никаких дел! А планы, идеи, создание филиала НИИ или специальной лаборатории одобряю целиком и полностью. Полагаю, что на ближайшей встрече с генсеком мы это решим, вынесем на Политбюро. Что же касается кандидата для поездки *туда*, то всё равно, Виталий, ты лучше меня никого не знаешь и не найдёшь! Вот только не знаю, хватит ли выносливости на двойную психическую нагрузку... Ну, посмотрим! Всё! Сейчас же в санаторий!

Во второй половине октября Фёдоров приехал в Калининград уже с двойными полномочиями: не только как организатор и будущий руководитель "Специальной лаборатории № 10, Филиала НИИ МБП МЗ СССР", но ещё и в качестве ответственного за режим секретности. Обеспечивая почву будущих взаимоотношений с руководством областного управления КГБ, Шебуршин добился внеочередного присвоения Фёдорову звания генерал-майора, так что тот теперь оказался на равных с начальником областного управления КГБ Сорокиным. Для свободы передвижения Фёдорову выделили квоту на приобретение "Запорожца" новой модели. Для прикрытия основной деятельности, поддержания контактов, имевшихся в *иной реальности*, и в целях возможности беспрепятственных мотивированных встреч с будущей женой Алексея Витальевича оформили преподавателем Калининградского университета.

А для жительства ему хотели было выделить квартиру в Калининграде. Но тут молодой уполномоченный Совмина и КГБ запротестовал: это привлекло бы к нему гораздо больше внимания, чем ВАЗ-2108 "Спутник" вместо "Запорожца" или ношение генеральской формы. Непременно

возникли бы разговоры и пересуды, поползли бы слухи и сплетни. Кроме того, доверяя своему проверенному "критерию раздвоенности сознания", Алексей Витальевич прямо объяснил Шебуршину, что это не соответствовало бы его главной функции, могло бы нарушить, свести к нулю всю уже проделанную подготовительную работу. Наконец, и территориально ему удобнее пока что пожить с матерью (хотя этого и не было в *прежней* реальности, но здесь "критерий раздвоенности сознания" безмолствовал). Потом, когда корпуса НИИ – лаборатории будут закончены, станет возможным на его личные деньги заложить фундамент, начать строить жилой дом. Но, во-первых, не раньше, а, во-вторых, непременно на *том же самом* месте и *только* по его плану.

В заключение Фёдоров пообещал, если всё пойдёт в намеченных временных рамках, к сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне попытаться отправить Леонида Ивановича на экскурсию в грядущее. Подбор кадров будущей лаборатории Шебуршин осуществлял самолично, учитывая как небывалую секретность работ и её специфику, так и уже хорошо известные ему особенности характера Фёдорова, стиль работы, его работоспособность и требовательность. О содержании и направлении работ создаваемой лаборатории в Калининграде и области не знал никто, не исключая ни первого секретаря обкома КПСС, ни начальника областного управления КГБ. Как и обычно в подобных случаях, была создана хорошо продуманная легенда-прикрытие и допущена столь же хорошо обдуманная "утечка информации", которая сразу погасила ненужный и опасный интерес к создаваемому учреждению и привела людей к суждению: "Только-то и всего?! И к чему это городить, если есть ОКБ "Пламя" и завод "Кристалл"? Зачем между ними нечто промежуточное? Ну, да ладно, – в Москве, наверное, не дураки сидят, знают что делают! Да и спутник этот проклятый американский над нами не зря висит!"

Прежде, чем отправить Леонида Ивановича "в экскурсию" Фёдоров заставил того пройти строжайшее медицинское обследование. Председатель КГБ СССР негодовал: к чему это, зачем такие строгости?! Ну, есть у него кое-какие болезни – давление временами подскакивает, бывает, что и сердце покалывает. Но это же всё не смертельно! Фёдорову удалось мгновенно погасить возникшее было негодование:

- Скажите, Леонид Иванович, а что произойдёт, если мы отправим ваше сознание в путешествие во времени к тому моменту, когда вы лежите на смертном одре или в отделении реанимации? Что произойдёт, если вы не вернётесь? Может быть, – я не уверен, – вас вообще нельзя никуда посылать в связи с опасностью для страны!

Наконец, накануне Дня международной солидарности трудящихся 1985 года всё было готово к первому опыту. Фёдоров не сказал своему начальнику по линии госбезопасности, но одновременно и своему подопытному добровольцу, что не может, не смеет, не решается отправить того во времени *вперёд*. Имея право единолично принимать решения и якобы соблюдая формальности, он взял у Леонида Ивановича расписку в том, что тот как доброволец отдаётся экспериментатору профессору Фёдорову совершенно сознательно, полностью ему доверяет и независимо от результатов опыта не будет иметь никаких претензий. Шебуршин, читая эту расписку, помрачнел и, подписывая, заметил:

- Честно говоря, товарищ Фёдоров, *такого* я от вас не ожидал.

Фёдоров в ответ лишь загадочно улыбнулся, но раздумывать над смыслом этой улыбки Шебуршину уже не довелось: эксперимент начался, и он почувствовал, что находится одновременно в своём рабочем кабинете в понедельник 23 апреля 1985 года и здесь, в лаборатории на Балтике, – одной неделей позже. Только теперь он сообразил,

зачем это Фёдоров так настойчиво втолковывал ему, как и при каких обстоятельствах проявляется чувство раздвоенности при совмещении сознания из наступившего будущего с сознанием в пережитом прошлом. Стали ясны, и все наставления о необходимости чрезвычайной обдуманности всех шагов и даже планов действий. Прояснился и смысл данной им расписки, к которой Фёдоров потребовал самого серьёзного внимания.

- Вот же паршивец! Не решился отправить меня в будущее! Удумал отправить на неделю назад! Нет, всё же это хорошо! Правильно сделал! Молодец!

Очутившись с раздвоенным сознанием в своём собственном прошлом, председатель КГБ СССР впервые ощутил на себе, сколь же велика была ответственность самого Фёдорова, каковы нагрузки! Но ощутил он и плюсы. Несколько дней назад он был недоволен собой вследствие одного из принятых им решений. Обдумав всё и проверив изменённый проект решения по "критерию Фёдорова" (так он назвал прочувствованное на себе тягостное чувство раздвоенности сознания), Шебуршин принял теперь другое решение, которое, как выяснилось уже через день, было оптимальным. Во всех остальных своих поступках и делах Шебуршин скрупулёзно следовал своей памяти обо всех событиях, случившихся за неделю. Он решил также не совершать экскурсии в будущее и отозвать свою расписку. По "критерию Фёдорова" получалось, что эти два последних решения – тоже правильные. "Добровольца найдём!" – решил Шебуршин, подумав об одном молодом, талантливом сотруднике Пятого управления, психологе, который был отобран Фёдоровым в качестве своего будущего работника.

В лаборатории же в момент отправки Шебуршина в прошлое произошло следующее. Сам Фёдоров, как и все сотрудники лаборатории, почувствовал сильное головокружение и, вроде бы, на мгновение потерял сознание. Вокруг здания всё окуталось густым туманом со странным сиреневым оттенком. Было это совпадением или нет, но во время эксперимента всё небо быстро затянулось не весть откуда взявшимися тучами, разразилась кратковременная, но очень сильная гроза. Затем в течение нескольких минут всё вернулось к исходному состоянию. В момент "отправки" тело Леонида Ивановича как бы растворилось в воздухе, стало на несколько секунд зыбким как призрак, но всё это тут же прошло. Фёдоров твёрдо решил Шебуршина на экскурсию в будущее не отправлять. Неважно, что у него не было пока что другой подходящей кандидатуры! Всё это подождёт. А подвергать риску фактического спасителя Отечества было бы безумием.

Все эти ощущения и мысли вихрем пронеслись сквозь Фёдорова. Перед ним в кресле, напоминавшем зубо-врачебное, сидел его друг, начальник, помощник и ученик в одном лице и спрашивал:

- Алексей Витальевич! Где моя расписка? Вы правы! Я решил не рисковать!
- Какая расписка? – не понял Фёдоров.

Он и правда заготовил текст расписки, чтобы заставить Шебуршина взглянуть со всей серьёзностью на предстоящий (вернее – предстоявший *тогда*) эксперимент, но Шебуршину не показывал, полагая, что тот может и обидеться. Выслушав толковые объяснения и подробнейший отчёт своего шефа – подопытного, Фёдоров всё понял, улыбнулся и сказал:

- Ну вот, Леонид Иванович! И тебе тоже довелось совершить изменение реальности. Поздравляю!
- Это тебя, Витальевич, я должен, *обязан* благодарить!

Да нет, не за себя! За всех нас, за страну. Я ведь лишь теперь почувствовал на своей шкуре, какой подвиг ты совершил! Настоящий подвиг и подвижничество! – настойчиво повторил Шебуршин, заметив на спокойном лице учёного гримасу недовольства.

Поднявшись с кресла, Шебуршин сообщил, что ему пора в Москву. Уже у входа он оглянулся, улыбнувшись, ещё раз протянул Фёдорову свою крепкую ладонь и добавил:

- А ведь я смог благодаря этой экскурсии в прошлое исправить и свою собственную ошибку. Пусть – небольшую. Всё равно – спасибо!
 - Чего уж там...– ответил Фёдоров. Потом помолчал, прикидывая, что ещё надлежит успеть сделать до праздника Победы, и закончил:
 - Ну, с наступающими, товарищ генерал!
 - С наступающими, товарищ генерал! – прочувствованно ответил Шебуршин, глядя на Фёдорова очень серьёзно, но с какой-то затаённой грустью.
-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Дождь не стихал. Пётр Николаевич взглянул на часы. Гроза продолжалась уже более получаса. Нет! Дальше пережить невозможно – нет времени. И хотя Олялин знал, что грозы в этих краях – большая редкость, а о таких затяжных ему вообще слышать не доводилось, он решил, что на этот раз буря затянется. Поэтому Пётр Николаевич включил фары, ходовой аккумулятор и медленно двинулся вперёд.

Туман с сиреневым отливом полностью охватил его маленькую машину. Но, странное дело, едва он миновал дачу академика, как на мгновение почувствовал сильное головокружение. Перед глазами всё поплыло. Правда, длилось это недолго. Он даже не успел дотянуться до рычажка выключателя ходового аккумулятора. "Пчела" продолжала медленно двигаться вперёд. Тут столь же внезапно плотный туман как будто стал реже, и перед глазами возникла странная, зыбкая и совершенно фантастическая картина: дорога представилась Олялину неровной, сплошь покрытой выбоинами и вроде бы многолетним слоем мелкого мусора; дома, едва различимые по сторонам дороги, казались старыми, обветшалыми и неухоженными; впереди, на перекрёстке, сквозь редящийся сиреневый туман виднелся бронетранспортер чуждых очертаний, вроде бы с американским флагом, намалёванным на борту, а рядом с ним – группа солдат в непривычной, явно иностранной форме.

"Что за мираж?!" – подумал Пётр Николаевич, выключил фары и резко затормозил. Увиденная им зыбкая и нечёткая картина посёлка, запущенного до крайности, до состояния разрухи, с иностранным блокпостом вызвала двойное чувство тревоги. Видение, его смысл были страшны сами по себе. Но помимо этого возникло опасение и за собственное психическое здоровье. Он точно знал, что галлюцинации – верный признак психического расстройства,

в отличие, скажем, от иллюзии – ошибочного восприятия. "Может быть, – подумалось ему, – всё это лишь иллюзия, вызванная грозой, изменением плотности воздуха и влиянием близких электрических разрядов? Возможно, что всё увиденное – результат воздействия на мой мозг, по-видимому, необычайно сильных электромагнитных полей?" Олялин крепко зажмурился и стал медленно и глубоко дышать, чуть задерживаясь на каждом вдохе.

Совершив десять таких вдохов, он открыл глаза. Так и есть! Это была иллюзия! Туман за эти две минуты в значительной степени рассеялся. Дома по сторонам дороги стали видны более отчётливо. Они уже не казались донельзя запущенными и обветшалыми. А от миража с иностранным блокпостом не осталось и следа. Перекресток, хотя и в редющем тумане, достаточно хорошо просматривался и был совершенно свободен как от людей, так и от какой бы то ни было техники, тем более – иностранной.

Пётр Николаевич снова включил фары, ходовой аккумулятор и уже быстрее двинулся вперёд. На душе стало спокойнее, хотя пережитое видение со всеми деталями отложилось в памяти. Поскольку ни одно из окон дачи академика не освещалось, Олялин решил, что известный ученый скорее всего на работе – в филиале НИИ медико-биологических проблем. Пётр Николаевич неторопливо добрался сквозь редющий туман до перекрёстка и свернул направо, в сторону маяка и соснового леса, в центре которого и располагались корпуса НИИ. К нему от следующей развилки (возле маяка) вела узкая, едва ли шире трёх метров, идеально прямая и ровная дорога с резиновым покрытием. Имея допуск к государственной тайне категории "Б", как, впрочем, и все руководители такого высокого ранга, он знал, что филиал имеет существенное оборонное значение и что его пропустят лишь за первую из трёх зон оцеплений. Нечего было и думать, чтобы попасть дальше. Зато оттуда, из уютного домика приёмной можно связаться с руко-

водством филиала по телефону, пригласить Фёдорова, договориться с ним о встрече. В крайнем случае, не сегодня, так в ближайшие дни. Хотя, по правде говоря, Олялин рассчитывал ещё и попробовать уговорить академика принять участие в праздновании столетия Октября в качестве лектора.

Машину Олялина, приблизившуюся ко входным решетчатым воротам первой зоны оцепления, похоже, уже ждали. Исходя из знаний, доставшихся ему благодаря допуску второй степени, Олялин догадывался, что шоссе вероятно оборудовано датчиками под покрытием. Они сигнализируют охране и о факте, и о размерах, и о массе, и о скорости приближающегося транспорта. Пётр Николаевич остановил машину перед воротами и едва успел прочитать вывеску (Светлогорский филиал НИИ МБП МЗ СССР, Лаборатория № 10 МО СССР), как к "Пчеле" подошёл дежурный – молодой, стройный капитан государственной безопасности с умным и располагающим выражением лица.

Олялин подал дежурному свои документы, представившись и сообщив, что ищет академика Фёдорова. Дежурный молча кивнул, посветил на документы ультрафиолетовым фонариком, за какую-то секунду убедившись в наличии всех должных признаков подлинности. Затем вернул бумаги с приветливой улыбкой:

- Извините, Пётр Николаевич, не узнал вас сразу в лицо! Пожалуйста, проезжайте вон туда (он указал направление рукой), на стоянку рядом с домиком!

Ворота сами собой открылись, и Олялин, оставив "Пчелу" в положенном месте, прошёл в домик – приёмную. Не прошло и минуты, как телефон, стоявший рядом с журнальным столиком, зазвонил. Мелодичный голос секретарши произнёс:

- Пётр Николаевич? Соединяю вас с академиком Фёдоровым!

Услышав в телефонной трубке чуть глуховатый голос Фёдорова, Олялин, цenia дорогое время академика, коротко и чётко изложил причины, по которым хотел бы с ним встретиться, если это возможно. Несколько суховатым, деловым тоном Фёдоров ответил:

- Ну, что же. Минут двадцать у меня есть. Подождите. В течение пяти минут буду!

Минуты через три послышался негромкий рокот бензинового мотора. Имея такой ранг и вес – и в Академии наук, и в Правительстве, Фёдоров получил редкую привилегию пользоваться личным автомобилем с двигателем внутреннего сгорания. Это была старинная французская машина с отдельно торчащими фарами и складным тентом, выпущенная, по всей видимости, ещё до социалистической революции. Вскоре входная дверь, ведущая ко второй линии защитного оцепления, открылась, и появилась чуть погрузневшая, но всё ещё стройная и подтянутая фигура академика. На вид ему было не больше шестидесяти. Олялин, знавший Фёдорова лишь по двум или трём мимолётным встречам в гражданской коллегии областного суда, поспешил подняться и сделал шаг навстречу, невольно вытянувшись. К этому побуждала энергичность, внутренняя сила, исходившая от академика. Впрочем, и рост – около 190 сантиметров – тоже.

- Здравствуйте! – произнёс Фёдоров одновременно с крепким рукопожатием. – Прежде всего, скажите, как вы здесь очутились? Меня это, по правде говоря, удивляет. Мы ещё позавчера предупредили всех местных жителей, чтобы с семи до девяти носа на улицу не высовывали, так как по всем прогнозам должна была прийти редкая по силе и продолжительности гроза! Опасная для жизни ввиду возможности близких разрядов! Вы что, не застали грозы?!

Олялин коротко, но толково и точно описал, когда и где застал грозу. Помедлив немного, счёл нужным расска-

326

зять академику и о странном видении. При этом рассказе лицо Фёдорова стало как будто каменным. Он неподвижно, почти гипнотически смотрел в глаза Олялина, не пропуская ни одного слова. После окончания рассказа, весьма далёкого от той цели их встречи, которую намечал Олялин, Фёдоров молчал около десяти секунд. Лицо его, оставаясь непроницаемым, смягчилось, и он почти приветливо задал вопрос, тоже, казалось бы, не связанный с целью встречи и темой рассказа Петра Николаевича:

- Скажите, пожалуйста, Пётр Николаевич, а какой у вас коэффициент интеллекта?
- Что-то около ста сорока... Чуть больше.
- А сколько баллов по моральным шкалам?.. Хотя да, о чём я спрашиваю! При вашей-то должности!
- Шесть или выше, Алексей Витальевич! – всё же, не без гордости, ответил Олялин, впадая во всё большее недоумение.
- Допуск "Б" или "А"?
- "Б", Алексей Витальевич... Но, простите, какое это имеет отношение?..
- Поймите меня правильно, товарищ Олялин. О некоторых, да что там! – О многих вещах, касающихся нашей работы здесь, в лаборатории, я просто не вправе с вами, *пока что* не вправе, говорить! Это во-первых. Во-вторых, я намеревался предложить вам работу у нас. Ну, а в-третьих, потрудитесь, пожалуйста, детально, но коротко (Фёдоров украдкой взглянул на часы) изложить ваши соображения, о которых вы упомянули мне сегодня здесь по телефону.

Олялин, досадуя на свою скованность, растерянность, непонятно почему овладевшие им, чувствовал себя глупцом. Но, умея прекрасно контролировать себя, всё же овладел собой и рассказал академику о тех вопросах и идеях, которые возникли у него здесь, в Кёнигсберге, за последние год – полтора. Для Фёдорова, внимательно слушавшего его,

важным в этом рассказе было несколько моментов: то, что пытливый партийный работник увлекался работой в архивах; то, что при этом он поставил под сомнение *естественный* характер некоторых вроде бы несущественных событий новейшей истории страны; то, что самостоятельный исследователь проследил связь этих выкопанных в архивах данных с событиями планетарного масштаба. Но, главное, он высказывал гипотезу о теоретической возможности контроля влияния ответственных решений, принимаемых руководством страны, на будущее развитие. Он обосновывал разумность и даже необходимость поиска возможностей такого контроля. Более того, Олялин спрашивал Фёдорова, а не может ли оказаться полезной в поиске таких методов контроля (Олялин, как кибернетик, называл этот контроль контуром обратной связи) хронотроника. При этом Олялин извинялся за своё невежество, говорил, что по причинам чрезвычайной секретности знает об этой науке не более, чем любой другой советский гражданин, а к Фёдорову обратился со своими догадками, лишь будучи убеждённым в потенциальной значимости своих ещё недостаточно чётких гипотез, а также зная, что академик как раз и является основателем хронотроники и главным специалистом.

Закончив свой рассказ, Олялин пожалел, что вообще пришёл сюда. Он чувствовал себя полным болваном, кем-то вроде школьника, который явился на экзамен совершенно не подготовленным, невеждой, взявшимся за исследования, не имея при этом ни знаний, ни должных навыков. Пауза затянулась. И Олялин всё больше досадовал на себя, полагая, что после проявленной им глупости он никогда больше не сможет показаться на глаза знаменитому учёному. Где уж теперь уговаривать академика прочесть популярную лекцию в программе празднования Столетия Великой Октябрьской социалистической революции!... Но ответ Фёдорова, который тот, судя по продолжительности паузы, хорошо обдумал, оказался совершенно неожиданным:

- Сделаем так, Пётр Николаевич! Сейчас у меня времени нет более ни минуты. Мы с вами и так вместо двадцати минут потратили в полтора раза больше! Седьмого вечером, скажем, к девятнадцати, вы приедете ко мне домой, захватив с собой *все*, вы поняли? – ВСЕ свои записи и заметки на тему, о которой мы говорили. Кроме того, возьмите с собой все свои личные документы. И, главное, найдите формы на участие в конкурсе кандидатов для работы в сфере хронотроники. Заполните эти формуляры. И последнее: подготовьте и принесите с собой всё необходимое для получения допуска к секретности ... по форме "0". А сейчас, пожалуйста, зайдите к дежурному и оформите подписку, что вы уведомлены: *все*, о чём мы с вами здесь сегодня говорили, *все* затронутые вопросы являются государственной тайной СССР наивысшей степени. Легенда для прикрытия причин нашей встречи...– Фёдоров улыбнулся и бросил на Олялина проницательный, с хитрецей взгляд – Предстоящее празднование столетия Октября и моё участие в вашей программе праздника. Спасибо, что пришли! То, о чём вы мне сообщили, действительно было очень интересным и очень важным для меня! От души поздравляю вас с наступающим праздником!

Академик ещё раз улыбнулся, пожал Олялину руку и, не дожидаясь ответа, пошёл к двери, ведущей к НИИ. Тут он приложил большой палец к сканнеру замка и исчез. По дороге в лабораторию он размышлял о том, что никакая секретность не может полностью предотвратить утечку информации, что всегда найдётся человек, который путём умозаключений нащупает истину – хотя бы и в форме смутной догадки. Он не мог пока что даже намекнуть Олялину, что как раз сегодня и был осуществлён седьмой опыт такой обратной связи, о необходимости которой пусть недостаточно чётко и довольно сумбурно говорил Олялин, что сегодня здесь побывал с коротким визитом бывший

грозный председатель КГБ СССР, маршал госбезопасности Шебуршин. Маршал явился сюда прямо из предгрозового 1990 года и увидел две реальности – наступившую благодаря его с Фёдоровым усилиям (ту, где Олялин был партийным деятелем) и иную, предотвращённую – с американской, НАТОвской оккупацией, разрушением страны и уничтожением более половины населения (где Олялин был убитым американцами необразованным патриотом-партизаном). Фёдоров не мог сказать Олялину, что сейчас его телефонного звонка с нетерпением ожидает пенсионер, трижды Герой Советского Союза Шебуршин. Не вправе он был намекнуть и на то, что условия конкурса для работы в области хронотроники разрабатывались под руководством всё тех же Фёдорова и Шебуршина, что вначале последний из них, а по выходе его на пенсию, первый из названных, как раз и есть бывший и нынешний председатели конкурсной комиссии, что правовое и документальное обеспечение этой комиссии ведёт Виктория Петровна Фёдорова.

Не мог Фёдоров сказать и о том, что уже несколько лет пока что безуспешно ищет для себя преемника. В так называемой лаборатории № 10, которая на самом деле и является НИИ хронотроники, было немало преданных делу, компетентных и абсолютно надёжных людей, но... Система строжайшего отбора привела к тому, что здесь не оказалось человека с яркой новаторской изюминкой. Той, которая бы сочеталась со способностью к риску и одновременно – с продуманной расчётливостью и осторожностью. Присматриваясь ко всем, с кем доводилось хотя бы раз встретиться, Фёдоров зачислил в разряд таких кандидатов и самого Олялина. Сегодняшний его неожиданный визит лишь ускорил дело. И последнее: никто другой не смог заметить того, что привиделось Олялину. Люди, специалисты-хронотронщики, расставленные в пятикилометровой зоне от института в специально оборудованных постах ещё до прихода Олялина, уже сделали предварительные доклады: НИКТО ничего

странного не заметил. А ведь все они были опытными, специально обученными сотрудниками института, знавшими, чего и в какой форме можно ожидать. Так что, "галлюцинация" Олялина говорила о его высокой чувствительности. И раз уж он способен на такое при устойчивой, совершенно здоровой психике, при его пытливости, изобретательности и моральных качествах, то лучшего работника, лучшего кандидата в преемники и искать не стоит. А седьмого ноября, после торжеств он познакомит с Олялиным и своего старого, надёжнейшего товарища, друга и соратника: Леонид Иванович Шебуршин собирался прибыть экранопланом сразу после основной программы празднеств в Москве.

2004 - 2006 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

1.

ВЫПИСКА ИЗ "БИОГРАФИЧЕСКОГО СПРАВОЧНИКА АКАДЕМИИ НАУК СССР"

(Москва, 2015, в 2 т. – Т.2)

ФЕДОРОВ Алексей Витальевич, действит. член АН СССР (1988), родился 30 августа 1948 г. в гор. Якутске. Отец – военнослужащий, полковник КГБ СССР (род. в 1921 г. в гор. Красноярске, ум. в 2006 г. в гор. Калининграде). Мать – учительница математики, Заслуж. учит. РСФСР (род. 1925 в гор. Омске, ум. 2014 г. в гор. Кёнигсберге [бывш. Калининград]). Окончил среднюю школу гор. Борисоглебска Воронежской обл. с золотой медалью (1966), Воронежский медиц. институт с отличием (1972). Доктор медиц. наук (1984), кандидат историч. наук (1988), почетный доктор права Гёттингенского ун-та (Германская демократич. респ., 1993), почётный доктор историч. наук Сорбонны (Французская народн. респ., 1994), почетный доктор права Колумбийского ун-та (Социалистич. штаты Америки, 2003), дважды Герой Социалистич. Труда (1990, 1997), Лауреат Сталинской премии 2-й и 1-й степени (1992, 1999), генерал-полковник медицинской службы Советской армии, генерал-полковник государственной безопасности СССР, основатель (1986) и бессменный руководитель НИИ хронотроники АН СССР. Семейное положение – женат (1985), 2 детей (1986, 2004). Жена – Фёдорова Виктория Петровна (урождённая Фукс – из потомков немецких колонистов 1-го Екатерининского призыва), доктор права (1998), кандидат историч. наук (1991), почётная гражданка Французской народн. респ. (1994), бессменная руководительница юридич. службы НИИ хронотроники АН СССР, главн. внештатн. консультант АН СССР и ЦК КПСС по вопросам "планировавшихся государственных переворотов в СССР", лауреат Сталинской премии 2-й степени (2001), полковница госуд. безопасности СССР. Старшая дочь – Алиса Фёдорова (псевдоним Майская), балерина ГАБТ СССР, народн. артистка СССР (2012). Младшая дочь – Валенсия, уч-ся средней школы №2 гор. Светлогорска Кёнигсбергской обл.

Акад. Фёдоров А.В. – автор 211 научн трудов, в т.ч. 17 изобретений, 11 монографий, 3 учебников для ВУЗов. Является также автором 12 публицистических книг, 76 публикаций в советских и зарубежных СМИ, переводчик 5 книг с немецкого яз. и 2 книг с французского яз.. Основные труды акад. Фёдорова А.В. относятся к различным областям хронотроники и не подлежат публикациям в открытой печати. Основатель хронотроники (см. соотв. статью в БСЭ). Из открытых работ акад. Фёдорова А.В. известны изобретения в различных разделах медицины (хирургия брюшной полости, психиатрия и наркология, фармакология, патологическая физиология), а также научные статьи по данным дисциплинам. Оригинальные и новаторские работы акад. Фёдорова А.В. в сфере международного гуманитарного права, а также истории СССР и бывшей Восточной Пруссии получили высокую оценку на международном уровне и послужили основой и причиной для присуждения ему иностранных учёных степеней.

Общественная деятельность – член КПСС (1983), общественный консультант Колумбийского ун-та (Социалистич. штаты Америки, 1996) по вопросам международного права и истории социализма, а также Сорбонны (Французская народн. респ., 1992). Акад. Фёдоров А.В. является одним из организаторов Федерации го СССР, мастером спорта международного класса. Внештатный судья Кёнигсбергского областного суда (коллегия по гражданским делам, с 1992). Главный внештатный научный консультант Кёнигсбергского областного комитета КПСС.

2.

ВЫПИСКА ИЗ БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ (Москва, 1994, 2010)

ХРОНОТРОНИКА – теоретическая наука, изучающая свойства, варианты и динамику временных процессов и их влияние на сознание человека. Основателем Х. является действ. чл. АН СССР А.В. Фёдоров, создатель и бессменный руководитель НИИ хронотроники АН СССР, единственного в мире. Наука имеет определённое прикладное значение. В связи с возможностями прикладного использования Х., в военных или вредительских целях, опасного для выживания человечества, все работы, связанные с Х., не подлежат публикации в открытой печати. По тем же причинам результаты исследований в области Х. не подлежат передаче (в том числе, частичной) иностранным государствам или гражданам. Допуск к работам в области Х. осуществляется в результате конкурсов, организуемых один раз в пять лет после разрешения специально созданного для этих целей Управления Х. КГБ СССР. Проверка кандидатов занимает в среднем от 3 до 7 лет. Обязательными требованиями для участия в конкурсе является наличие у кандидатов коэффициента интеллекта не ниже 140 и 6 баллов (шести баллов) по пятибалльной шкале Моральной Устойчивости.

3.

Доктрина Аллена Даллеса (1945 г.).

„Окончится война, всё как-то утрясётся, устроится. И мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь на обольщивание и одурачивание русских людей. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания.

Из литературы и искусства мы постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино – всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, – всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Мы будем братья за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, растлевать, развращать её. Мы сделаем из них молодых циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это сделаем“.

Цитата (русский текст речи Даллеса) воспроизводится по следующему источнику: Жириновский В.В. Последний удар по России. – М., 1995. – 128 с. – С. 101 – 102. Тем, кто, хотел бы отмахнуться от нежелательной информации, ссылаясь на одиозность автора „Последнего удара“, предложим ещё **два** источника, **содержащих идентичный текст**:

- 1) Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. – СПб., 1995. – С. 73;
- 2) И.Я.Фроянов. Погружение в Бездну. – М.: Алгоритм. 2001. – С. 9 – 10.

4.

Из выступления
президента США Уильяма Клинтона
на закрытом совещании Объединённого комитета начальников
штабов 25 октября 1995 года.

“Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы потратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т.д. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т.д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящей операции. И напрасно. Расшатав идеологические основы, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще недостаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач: всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий. Для решения важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное “полевение” нынешнего президента не означает нашего поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление в оторвавшихся республиках режимов, нужных нам. Да, мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна — США”.

5.

Выдержка из листовки, подготовленной
проф. А.В. Фёдоровым в 2004 году (до изменения реальности)
к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

По данным медицинской ассоциации США 26,4% американцев, то есть 74,7 миллиона человек, страдают психическими расстройствами. Советница премьер-министра Канады Ф. Дюкро во время съезда НАТО в беседе с канадскими журналистами не сдержалась и назвала нынешнего президента США Буша идиотом. Его коэффициент интеллекта равен 91 (что недостаточно даже для того, чтобы стать в США шофёром автобуса).

В 2002 году Китай опубликовал в ООН доклад о состоянии прав человека в США: в 1998 году в США совершено 12 476 тысяч преступлений, в 2001 году – 13 632 тысячи, (а в 2004 более 15 миллионов), с 1976 года по 1996 совершено более 400 000 убийств.

И эти психически неполноценные преступники стремятся к мировому господству и уже фактически сделали Россию своей сырьевой колонией. Это было бы невозможно, если бы не проникшие в Москве на самый верх предатели и враги нашего народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора	3
ПРОЛОГ	12
ГЛАВА 1	23
ГЛАВА 2	45
ГЛАВА 3	
Первая попытка	63
Жизнь налаживалась... ..	114
Оккупация	159
Катастрофа	189
ГЛАВА 4	
Вторая попытка	194
ГЛАВА 5	
Возвращение	222
ЭПИЛОГ	281
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	323

ФРАГМЕНТЫ ПРОШЛОГО

1. Мама	33
2. Студент	84
3. Безработный	128
4. Родина	175
5. Генерал	215
6. Соратник	269

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Выписка из "Биографического справочника Академии Наук СССР"	332
2. Выписка из "Большой Советской Энциклопедии"	334
3. Доктрина Аллена Даллеса	335
4. Из выступления президента США Клинтона	336
5. Выдержка из листовки А.В. Фёдорова	338

УДК 82:301.152:159.922

Ф51

Литературно-художественное и публицистическое издание

Филатов Александр Викторович

Тайна академика Фёдорова

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка – А.В. Филатов

Обложка – А.В. Филатов

Редактор – А.А. Лунин

Корректор – А.А. Лунин

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Ф 51 А.Ф. Филатов/Тайна академика Фёдорова.– Калининград:
МО „Сенте“, 2006.– 340 с.

Социально-политическая фантастическая повесть

Отпечатано с готовых диапозитивов, в редакции автора
в типографии “Золотое сечение”, обложка и переплет – в
ООО Промышленная типография “БИЗНЕС-КОНТАКТ”
236000 Калининград, ул. Пугачёва № 15. E-Mail: rimz92@bizkon.koenig.su
Подп. к печати 12.04.2006 г.

© Текст: Филатов А.В.

© Оформление: М.О. „Сенте“ 2006